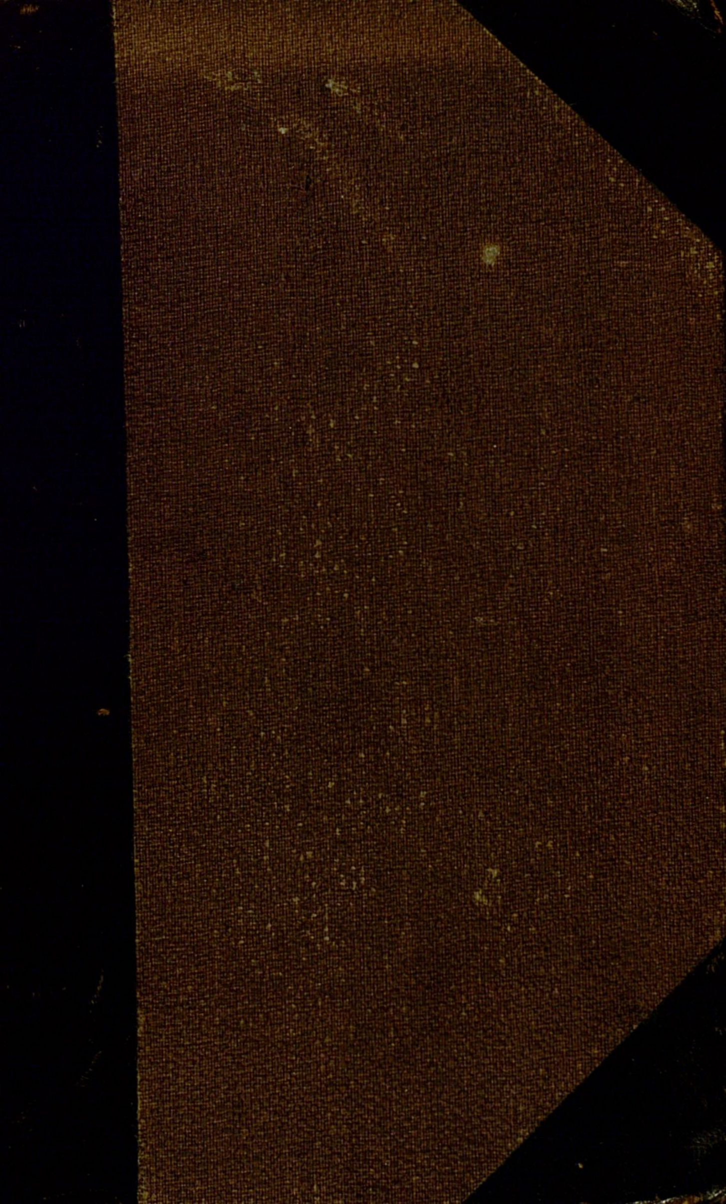

НОВЫЙ ЕМЕЛЯ,

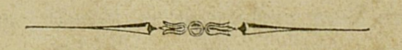
или

ПРЕВРАЩЕНІЯ.

РОМАНЪ

А. Ѳ. Вельтмана.

ЧАСТЬ III.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатанiи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Iюня 18 дня, 1845 года.

Цензоръ *И. Снегиревъ*.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Продолженіе предыдущей главы.

— Ну, ну, ну!—проговорилъ Емельянъ Герасимовичъ, отходя отъ старика, и разсуждая самъ съ собой о чортѣ, который ѣстъ дѣвушекъ. Въ домѣ хватились его, безпокоились, куда дѣвался французскій генералъ; но къ счастію онъ скоро отъискался. Послѣ чаю хозяйка предложила Емельяну Герасимовичу идти въ садъ, повела его показывать свой цвѣтникъ и парники, предлагала ему свѣжій огурчикъ съ грядки, красное яблочко съ дерева.... Емельянъ Герасимовичъ отказывался, но

при всякомъ случаѣ цѣловалъ ручку у хозяйки: такъ привыкъ онъ благодарить за все Наталью Дмитріевну.

Возвратясь въ комнату, Кирило Яковлевичъ, въ увѣренности, что французскій генералъ долженъ непремѣнно умѣть играть въ карты, взялъ двѣ колоды и спросилъ: ваше превосходительство, умѣете играть? Емельянъ Герасимовичъ кивнулъ головой, и взялъ карты изъ рукъ Кирила Яковлевича.

— Эй, столъ ломберный! — крикнулъ Кирило Яковлевичъ.

— Слава Богу, по крайней мѣрѣ, въ карты играетъ: все-таки развлеченіе.... Покорно просимъ! Садись, Каллипига Ликаріоновна!

Емельяна Герасимовича усадили на диванъ; Кирило Яковлевичъ сѣлъ справа, откашлянулся и понюхалъ табаку. Каллипига Ликаріоновна сѣла слѣва, и приказала дочери распорядиться о закускѣ.

— Во что-же?

— Въ бостончикъ? по грошику?

Емельянъ Герасимовичъ помоталъ головой въ знакъ отрицанія и началъ тасовать обѣ колоды вмѣстѣ.

— Это чтожъ такое?

— О-го! гмъ! — я де-скать вамъ покажу, — отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ по своему.

— Не понимаю; вѣрно какая нибудь французская игра?

Махнувъ рукой въ знакъ отрицанія, Емельянъ Герасимовичъ, началъ раскладывать пасьянсъ *двѣнадцать спящихъ дѣвъ*, курныкая про себя «чѣмъ тебя я огорчила.»

Кирило Яковлевичъ и супруга его, воздыхая, долго смотрѣли, какъ французскій генералъ, съ глубокимъ вниманіемъ, раскладывалъ карты; отъ скуки стали прислушиваться, что онъ курныкаетъ, и нако-

нецъ заспорили, курныкаетъ онъ «чѣмъ тебя я огорчила» или какую нибудь французскую пѣсню?

— У васъ все французское! — пролепеталъ по своему Емельянъ Герасимовичъ, — ну, что тутъ французскаго: о, хо, хо, хо-хо, хо-хо-хо! Слышите?

— Онъ кажется сердится на насъ, что мы не смотримъ. Я тебѣ говорю, что это французскій напѣвъ.

— Слава тебѣ Господи, ужь я не знаю!

— Ну, смотрите, я начну сначала.

Эта исторія продолжалась цѣлый вечеръ.

— Что, понимаете?—спрашивалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Что онъ говоритъ? — спрашивалъ Кирило Яковлевичъ, у жены.

— А я почему знаю!—отвѣчала Каллипига Ликаріоновна.

— Да это чортъ знаетъ что такое!— сказалъ наконецъ Кирило Яковлевичъ.

— Нѣтъ, не чортъ знаетъ что такое,— отвѣчалъ по своему Емельянъ Герасимовичъ.

— Не понимаю, — сказала Каллипига Ликаріоновна.

— Ну такъ смотрите, я еще разъ разложу,—сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Не понимаю, ни слова не понимаю, —сказалъ наконецъ Кирило Яковлевичъ, вставая съ досадой съ мѣста, — ни одного слова не понимаю, что онъ говоритъ: такая странная рѣчь!

— Да чтожъ ему и говорить-то съ нами, когда онъ знаетъ, что мы ни слова не говоримъ по-французски.

— Вижу, что и вамъ хочется говорить по-французски,—разсуждалъ Емельянъ Герасимовичъ, да поживите сперва съ францу-

зами, вотъ какъ я, такъ языкъ будетъ говорить, вотъ какъ мой; а понимать по-французски, и я не понимаю, вотъ какъ вы.

— Каллироя, не понимаешь ли ты?

— Нѣтъ, папинька.

— Досадно! Я думалъ, что все-таки можно будетъ понимать хоть сколько нибудь другъ друга; а выходитъ на повѣрку, что слова не разберешь: ы да ы, да бл-бл-блъ!

— Именно такъ,—сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, — ужъ такой французской языкъ, не разговоришься; лучше пойдти спать!

— Къ чему ты его взялъ къ себѣ?— спросила Каллипига Ликаріоновна, когда Емельянъ Герасимовичъ вышелъ.

— Вотъ вопросъ! Надо же ему гдѣ нибудь жить, покуда кончится кампанія. Сверхъ того, съ генераломъ, хоть и съ

французскимъ, все-таки пріятнѣе имѣть сообщество, чѣмъ съ какимъ нибудь засѣдателемъ; притомъ же я думалъ, что Каллироя будетъ имѣть случай поучиться по-французски.

— Нашелъ ей учителя! Нѣмка жила цѣлыхъ восемь лѣтъ, а она ни слова по-нѣмецки не знаетъ.

— Маминька, я не люблю нѣмецкаго языка, а французскій люблю!—сказала торопливо Каллироя;—я буду разговаривать съ генераломъ.

- Еще какъ-то позволятъ, сударыня; да будетъ ли онъ еще заниматься тобой, моя милая,—сказала пріосамясь Каллипига Ликаріоновна.

Каллироя покраснѣла, и пожелала матери спокойной ночи.

Емельянъ Герасимовичъ провелъ почти всю ночь въ грѣзахъ: въ комнатѣ было жарко, душно, и ему все снилось, что Кал-

лироя лежитъ у него на груди. Это и пріятно ему, и безпокойно; потому что нельзя свободно вздохнуть.

Емельянъ Герасимовичъ не привыкъ разсуждать о своей участи. Гдѣ онъ, какъ онъ, что онъ?—Эти вопросы не занимали его. Все его существо, какъ будто изкони обдумало, что гдѣ бы ни былъ человѣкъ, повсюду у него будетъ перемѣнная погода на душѣ; какъ бы ни проводилъ онъ время,—вездѣ оно мѣрно проходитъ, подъ солнцемъ и подъ луной; чѣмъ бы онъ ни былъ, все для него будетъ мало того, что онъ есть. Емельянъ Герасимовичъ, какъ будто вполнѣ былъ увѣренъ, что только совершенная, младенческая беззаботность о себѣ, есть лучшее право на заботы другихъ. Всѣ измѣнчивости жизни казались ему очень естественными, всѣ люди фигурами, вылитыми въ одну форму; всѣ мѣста—одной и той же поверхностью земнаго шара. Попавъ неожиданнымъ обра-

зомъ во французы, онъ терпѣливо сносилъ эту участь, какъ будто почитая это необходимой метаморфозой, для человѣка, которому съ малолѣтства ставили въ образецъ французовъ. Воображая, что его везутъ въ чистилище, и проснувшись рано, онъ ждалъ, когда скажутъ, что пора ѣхать; но къ удивленію его прошло нѣсколько дней. Кирило Яковлевичъ и супруга его не знали, чѣмъ занять гостя, а гость также не зналъ чѣмъ заняться, кромѣ Каллирои; но когда онъ сядетъ подлѣ Каллирои, маминька сгонитъ ее съ мѣста, сядетъ сама, и начнетъ сожалѣть, что онъ не понимаетъ по-русски.

Однажды Емельянъ Герасимовичъ, ранымъ-ранешенько, ни о чемъ не думая, не гадая, долго разглядывалъ окружающіе его предметы, потомъ преслѣдовалъ взорами муху, потомъ смотрѣлъ, куда тянется узоръ на обояхъ, потомъ сѣлъ подлѣ окна въ садъ и провожалъ глазами облако,

сторожилъ восходящее солнце, наконецъ ноги вздумали нести его въ садъ, и посадили подъ липкой у пруда. Здѣсь онъ снова началъ смотрѣть: на берегу бесѣдка, и въ водѣ бесѣдка вверхъ дномъ; по воздуху летитъ птица, и въ водѣ летитъ птица вверхъ ногами. Это очень занимательно.

Вдругъ слышитъ онъ, чей-то тоненькій голосокъ напѣваетъ заунывную пѣсенку.

— Это она! — пролепеталъ Емельянъ Герасимовичъ про себя, и спрятался за кустъ.

Въ самомъ дѣлѣ это была Каллироя. По привычкѣ вставать рано и прогуливаться съ Албертиной Розамундовной, Каллироя также ранымъ-ранешенько пошла въ садъ. Грустнѣе вчерашняго было у ней на сердцѣ. Три ночи сряду продумала Каллироя, какимъ образомъ очутилась она въ объятіяхъ французскаго генерала? любитъ ли

онъ ее? Вѣрно не любитъ: въ продолженіе цѣлаго вечера онъ не взглянулъ на нее нѣжно. Въ этихъ грустныхъ мысляхъ шла она распѣвая: мой милый другъ, мой нѣжный другъ!... мой.... ангелъ мой!... и такъ далѣе, и потомъ опять сначала. Потомъ сѣла на дерновую скамью подъ липку, склонила головку на ручку, пригорюнилась; а слезки какъ капель падаютъ. Жалко стало Емельяну Герасимовичу. Слезы чудо что такое: благотворный дожжичекъ во время засухи; горе изсушило бы, сожгло, а печаль и зальетъ горе слезками.

— О чемъ вы плачете?—спросилъ Емельянъ Герасимовичъ, подходя къ Каллироѣ.

Каллироя вздрогнула, хотѣла встать и уйдти; но Емельянъ Герасимовичъ удержалъ ее за руку.

— О чемъ же вы плачете? скажите мнѣ?

*

— Ахъ, я васъ не понимаю! — сказала Каллироя.

— Чтожъ объ этомъ плакать?—сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Какое несчастіе, что меня не учили по-французски!—сказала Каллироя.

— Это для чего?—спросилъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Не понимаю, что вы говорите мнѣ!... Ахъ, пустите! кажется, кто-то идетъ!

И съ этимъ словомъ Каллироя побѣжала въ глубину сада, чтобъ скрыть взволнованныя свои чувства.

— О чемъ это она плачетъ? — думалъ Емельянъ Герасимовичъ.

Въ продолженіи цѣлаго дня онъ подходилъ къ ней съ сердечнымъ участіемъ и допрашивалъ, о чемъ она плачетъ.

Это сердечное участіе Каллипига Ликаріоновна поняла посвоему.

— Скажите пожалуста! — думала она, присматривая за дочерью,—онъ ей что-то говоритъ, а она краснѣетъ; вѣрно понимаетъ его. О, да ты, моя милая, въ самомъ дѣлѣ, я вижу, скоро научишься по-французски! Да я-то этого не хочу! слишкомъ нѣжны, сударыня, французскіе разговоры!

— Мнѣ хочется научиться по-французски, маминька, — тихо произнесла Каллироя.

— Вижу, вижу! ты чай и не понимаешь что онъ тебѣ говоритъ?

— Нѣтъ, не понимаю, маминька.

— Такъ я тебя научу, какъ понимать: когда онъ подойдетъ съ своими учтивостями, прошу въ сторону отъ этихъ учтивостей! понимаешь?... Ба! да мнѣ и не въ догадъ: скажи пожалуста, какъ разрядилась! какъ на балъ! а не угодно ли надѣть свое старинькое ситцевое платье!

— Какъ же можно, маминька, при гостяхъ.

— Пошла!—вскричала сердито мать. И бѣдная Каллироя, залившись слезами, отправилась въ свою комнату, переодѣлась. Но ей стыдно было показаться въ изношенномъ платьѣ,—и она сидѣла въ своей комнатѣ, пригорюнясь, у окна. Мать была этимъ довольна; а Кирило Яковлевичъ хватился дочери; но ему доложили, что у ней голова болитъ.

— Это отъ жару, — сказалъ онъ; — я самъ чувствую точно какъ угаръ въ головѣ.

Емельянъ Герасимовичъ цѣлый слѣдующій день проскучалъ, не видя Каллирои. Цѣлый день проходилъ онъ по саду и по берегу Днѣпра.

— Это скучно наконецъ! — сказала и Каллипига Ликаріоновна мужу,—что за не-

сноснаго такого постояльца ты вывезъ изъ города! какой-то нѣмой!

— Вѣрно тоскуетъ по родинѣ, душа моя! Сама согласись, каково жить на чужой сторонѣ.

— Да долго ли же онъ будетъ жить здѣсь?

— Я думалъ, до конца войны; но теперь самъ кажется раздумываю держать его у себя. Дѣйствительно, скучная матерія! отвезу въ городъ!

— По мнѣ пусть его живетъ, не объѣстъ; но вотъ что: замѣтилъ ты, какъ онъ подъѣзжалъ къ Коленькѣ? онъ совсѣмъ ее собьетъ съ толку, послѣ съ ней и не сладишь.

— Да это бы ничего; я сначала думалъ, что это бы и не мѣшало: выдать Коленьку за генерала, хоть и французскаго, все-таки что нибудь да значитъ; да теперь, кажется, раздумываю; потому что съ французомъ вѣкъ не сговоришь; а у него еще

какое-то странное нарѣчіе, совсѣмъ въ носъ.

— Хорошъ зять! — сказала Каллипига Ликаріоновна, — съ перваго дня никакого уваженія! Правду говорила Албертина Розамундовна, что онъ грубъ и не отесанъ, долженъ быть революціонный генералъ, произошелъ изъ солдатъ. Избави Богъ, чтобъ за выходца отдала я свою дочь! Вѣдь ужь рѣшено принять предложеніе Самея Гордіановича; кажется ей и не нужно мужа лучше его.

— Конечно; все-таки съ человѣкомъ и поговоришь, и повистуешь; любезный человѣкъ, уѣздный предводитель.... да Колѣ не нравится.

— Ну, батюшка, на дѣвку не угодишь!

— И то правда.

— Я полагаю, что этимъ дѣломъ медлить не должно. Дѣвушка до тѣхъ поръ

и послушна, покуда не набила себѣ чего нибудь въ голову.

Этотъ разговоръ, очень естественно, былъ ввечеру подслушанъ и переданъ Каллироѣ на сонъ грядущій. Бѣдная не могла заснуть, ранехонько встала и сѣла плакать подлѣ окна; потомъ вышла поплакать въ садъ. Закрыла лицо платкомъ и идетъ по дорожкѣ мимо липки; а Емельянъ Герасимовичъ ужъ тутъ.

— Опять плачете!—сказалъ онъ, вскочивъ съ дерновой скамьи и взявъ Каллирою за руку.

— Ахъ, я погибла! спасите меня!—проговорила Каллироя, остановясь.—О, Боже мой! вы не понимаете, что я говорю!... Ахъ, еслибъ вы знали! Папинька и маминька хотятъ отдать меня замужъ за чорта Самея Гордіоновича!

— Яхаллія ель бали кадъ бильбальта биль баль-бали бали!—вскричалъ удивлен-

ный Емельянъ Герасимовичъ, — за чорта? за Змѣя Горынича? ахъ онъ собака!

— Ахъ, еслибъ вы могли понять меня!— продолжала Каллироя, — вы бы спасли меня!... я умру!

— Спасти васъ отъ него? спасу! непремѣнно спасу!—вскричалъ Емельянъ Герасимовичъ.

Вдали послышался чей-то голосъ, Каллироя бросилась стремглавъ отъ Емельяна Герасимовича.

— Спасу! — повторялъ онъ, прибѣжавъ въ свою комнату, и снимая со стѣны древній мечъ, про который Кирило Яковлевичъ говорилъ, что это богатырской мечъ кладенецъ, вырытъ изъ кургана, что этимъ мечемъ можно снести голову чорту. Вооруженный мечемъ, Емельянъ Герасимовичъ отправился чрезъ садъ на берегъ рѣки, противъ самой пещеры Змѣя Горынича. Старика уже не было, а къ камен-

ной бабѣ, какъ къ столбу, была привязана лодка.

— Ну, гдѣ ты? протягивай языкъ черезъ рѣку! Э, погоди, вотъ лодка!

И Емельянъ Герасимовичъ отвязалъ лодку, влезъ въ нее, ищетъ веселъ.

— Эй, постой, постой, голубчикъ! перевези меня!—закричалъ кто-то прибѣжавъ къ берегу, весь въ пыли и поту съ чемоданчикомъ за плечами.

— Кто, постой? — лепеталъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Да постой же!—И съ этимъ словомъ прохожій прыгъ въ лодку, взглянувъ на перевощика и всплеснулъ руками.

— Господи! Баринъ! Емельянъ Герасимовичъ!

— Пафъ! — вскричалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Батюшка!

— Пафъ!—повторилъ Емельянъ Герасимовичъ, и кинувъ мечъ, бросился въ объятія вѣрнаго своего дядьки. Лодка заколебалась.

— Тише, тише, баринъ, опрокинется!

— Пафъ! —повторялъ Емельянъ Герасимовичъ, лобзая Пафнутьича.

— Господи! да насъ унесетъ!—вскричалъ Пафнутьичъ, вырываясь изъ объятій обрадованнаго барина своего.

— Ахъ, постойте, постойте! пропадемъ! ни весла, ни лопаты! Господи! Сядьте, сядьте, баринъ, сидите смирно; а я буду грести горстью къ берегу.

Пафнутьичъ принялся грести горстью; но съ теченіемъ трудно было справиться; лодка летѣла стрѣлой.

— Батюшки, помогите! —кричалъ Пафнутьичъ; а на берегу ни души.

— Биль баль бали бали! — вскричалъ Емельянъ Герасимовичъ, ища мечъ, который давно уже былъ на днѣ рѣки.

— Гдѣ я былъ? Охъ, да не время, сударь, разсказывать! вѣдь мы пропали!

— Биль баль бали бали! — повторилъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Вамъ шутки! дразнитесь, дразнитесь! А вотъ какъ въ море унесетъ, такъ и прощай!

Пафнутьичъ еще сильнѣе принялся гребсти горстью, чтобъ причалить къ берегу; да напрасно.

— Баринъ, баринъ, гребите и вы съ этой стороны!

Емельянъ Герасимовичъ также принялся грести. Выбились изъ силъ оба, а на дворѣ ужъ стало смеркаться, совершенно смерклось, на ясномъ небѣ затеплились звѣзды.

— Погибли! — повторялъ Пафнутьичъ.

Но волны прибили лодочку къ берегу, подлѣ какого-то города. Пафнутьичъ перекрестился, и помогъ барину своему стать твердою ногою на сухую землю. Емельянъ Герасимовичъ прозябъ, выбился изъ силъ, и уже дремалъ, позабывъ и о Каллироѣ и о Змѣѣ Горыничѣ. Добыть ночлегъ за деньги не трудно; а у Пафнутьича барскихъ денегъ было много. Утомленный Емельянъ Герасимовичъ немедленно же легъ спать; а на утро чудо совершилось: вдругъ развязался языкъ Емельяна Герасимовича. Только что онъ проснулся, какъ крикнетъ: эй!

— Ну, проспали вы! — сказалъ Пафнутьичъ.

— Пафнутьичъ!—сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, протирая глаза.

— Что, сударь?

— Чортъ знаетъ, сонъ это былъ, или не сонъ?

— Охъ, баринъ, баринъ, у васъ все сонъ! А я нагоревался объ васъ. Гдѣ это вы были, батюшка? — отвѣчалъ Пафнутьичъ, цѣлуя руки у барина.

— Такъ ты говоришь, что это все не сонъ?

— Да какой же сонъ, сударь! гдѣ жъ это вы изволили быть?

— Гдѣ? на томъ свѣтѣ; французомъ былъ, братецъ, воевалъ; повезли меня въ чистилище, пріѣхали къ Кирилу Яковлевичу, дочь его хотятъ выдать за-мужъ за Змѣя Горынича, я хотѣлъ спасти ее....

— Господи Боже мой! да это ужъ истинно сонъ вы разсказываете!

— Сонъ?

— Да какъ же, сударь, не сонъ? что жъ это такое?

— Такъ сонъ? да это пречудный сонъ! Я тебѣ разскажу.

— Да кушайте, сударь, чай; да ужъ поѣдемте скорѣй: Наталья Дмитріевна чай ждетъ не дождется. Я и подводу ужь нанялъ.

Емельянъ Герасимовичъ, напившись чаю, засѣлъ на повозку съ Пафнутьичемъ и — поѣхали въ Москву.

— Куда жъ это вы, сударь, пропали изъ театра? — Какимъ образомъ вы очутились на Днѣпрѣ-то?

— Изъ театра? Да я и самъ не знаю; какъ заснулъ, вдругъ вижу приходитъ ко мнѣ кто-то и потащилъ къ себѣ, нарядилъ меня и привелъ чортъ знаетъ куда. Вдругъ слышу ты кричишь; гляжу, черти тащатъ тебя; я за тобой — тьма ужасная! Я бѣжалъ-бѣжалъ, да вдругъ и провалился сквозь землю, очутился на томъ свѣтѣ.

— Богъ васъ знаетъ, сударь, это сонъ.

— Такъ нѐчего и разсказывать, нѐчего и спрашивать, гдѣ я во снѣ былъ: мало ли что чудится. Жаль только, что я во снѣ видѣлъ Каллирою: какъ она бѣдная плакала, что ее выдаютъ за мужъ за Змѣя Горынича!

— Охъ, Господи! — проговорилъ крестясь Пафнутьичъ,—хоть бы привезти васъ въ добромъ здоровьѣ домой! Право, и мнѣ ужь кажется, не во снѣ ли мнѣ мерещилось, что вы пропадали.

— Разумѣется во снѣ.

— Охъ, нѣтъ, тутъ какое-то дьявольское навожденіе было; тутъ что нибудь да подъиграли комедіанты, чортовы дѣти!

Такимъ образомъ Емельянъ Герасимовичъ сбилъ и Пафнутьича съ толку: на яву баринъ пропадалъ, или нечистая сила носила его по мытарствамъ? Комедіанты, колдуньи, Днѣпръ—что нибудь да не

даромъ! тутъ должны быть штучки лѣшаго и русалокъ.

— Какъ вы ее, сударь, назвали, дѣвушку-то?

— Каллироя.

— Ну такъ, это русалка, ей-ей русалка! — говорилъ Пафнутьичъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Новая разлука съ Пафнутьичемъ.

Вотъ, наконецъ, Емельянъ Герасимовичъ съ Пафнутьичемъ подъѣзжаютъ къ Москвѣ. Извощикъ, подгоняя коня, распѣваетъ пѣсню, Емельянъ Герасимовичъ дремлетъ, а Пафнутьичъ взглянулъ на Москву, положилъ крестъ на себя, и прослезился.

— Матушка ты моя, сударыня ты моя, родная моя бѣлокаменная! сгубила тебя

нехристь поганая!... спалила твои золотыя маковки!... Емельянъ Герасимовичъ, взгляните-ко, сударь, на Москву!

— За чѣмъ? — спросилъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Какъ за чѣмъ, сударь? взгляните ради самого Господа Бога!

— Ну, гляжу, — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, приподнявшись.

— Видите?

— Вижу.

— Что, сударь?

— Да о чемъ же ты плачешь, Пафнутьичъ?

— Какъ о чемъ? Вотъ она, смотрите на нее, какова? Такова ли была до французовъ? а? Отцы-то наши живали въ ней, да ею же и славились.... Бывало только и свѣту, что въ Москвѣ; а теперь наше гнѣздо гдѣ?... Говорилъ я давно: не быть добру!

вороной каркать—воронъ накликать; такъ и сбылось: какъ заговорили по-французскому,—вотъ вамъ и французы!... Обгорѣлыя стѣны да трубы!... Вотъ тамъ былъ домъ графа Разумовскаго, тамъ Паниныхъ, да Шуваловыхъ, да Шереметевыхъ, да и мало ли.... Господи, все это пожжено!...

— Такъ чтожъ такое что пожжено? — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ; — новые построятъ.

— Новые? Нѣтъ, сударь, старая птица на пепелищѣ гнѣзда снова не вьетъ,—будетъ новое, да на новый ладъ! Старое приволье ужъ похоронено, остается только деревянный крестъ на могилкѣ поставить!...

— А что, Пафнутьичъ, ты чай правду говоришь: вотъ и нашу деревню сожгли французы, да мы какъ разъ построили новыя избы,—сказалъ извощикъ.

— А что, гдѣ лучше было житье, въ

новыхъ или старыхъ? — спросилъ Пафнутьичъ.

— Были у насъ курныя, а теперь построили трубы; да какъ-то все голову ломитъ въ нихъ, а подъ часъ дымкомъ подышать хочется; все какъ-то неприවольно; старики такъ тоскуютъ, что и — Господи! по ихъ вишь красна изба не углами, а пирогами.

— А по вашему-то какъ? — спросилъ Пафнутьичъ.

— По нашему?... По нашему, изба сама по себѣ; вотъ ужь я съ полгода дома не былъ; а пироги трактирные лучше.

— Э, эхъ, голова, голова, — сказалъ Пафнутьичъ, отирая слезы; — гдѣ жъ, баринъ, остановимся мы? чай и нашъ домъ сгорѣлъ?

— Прикажете везти, баринъ, на постоялый дворъ? — спросилъ извощикъ.

— Прикажете! все прикажете! ступай да и кончено! — крикнулъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Нѣтъ, баринъ, хоть проѣдемъ мимо пепелища своего,—сказалъ Пафнутьичъ.

Едва они выбрались на Лубянку,—Господи ты мой милостивый! — вскричалъ Пафнутьичъ, — вѣдь нашъ домъ-то оправленъ! Пошелъ скорѣе! пошелъ!

— Ну! тише будешь, далѣ ѣдешь! — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

Но Пафнутьичъ не утерпѣлъ, вскочилъ съ телѣги, и пустился бѣжать вдоль по Лубянкѣ. Подбѣжавъ къ воротамъ дома Платона Андреевича, онъ махнулъ извощику, крикнулъ: сюда! а самъ въ вороты, на крыльцо, въ переднюю.

— Ни души нѣтъ! Доложить-то некому.... Да я самъ пойду обрадовать барыню, что пріѣхалъ Емельянъ Герасимовичъ.

И съ этимъ словомъ Пафнутьичъ вхо-

дитъ въ залу, крадется на цыпочкахъ къ гостиной, пріостановился у дверей, взглянулъ, видитъ по́лы женскаго платья, кашлянулъ....

— Кто тутъ?—спросила пожилая дама, сидѣвшая на диванѣ.

— Дозволено ли будетъ, матушка сударыня, войдти?

— Кто такой? поди сюда!

— Я, сударыня матушка, Наталья Дмитріевна! — крикнулъ Пафнутьичъ, и бросился въ гостиную, прямо къ ногамъ сидѣвшей дамы.

Она вскрикнула отъ испуга.

— Матушка, Емельянъ Герасимовичъ пріѣхалъ!—проговорилъ Пафнутьичъ, схвативъ руку дамы, чтобъ поцѣловать.

— Эй, люди!—крикнула дама, зазвенѣвъ въ колокольчикъ.

Пафнутьичъ взглянувъ на нее, оторо-

пѣлъ и онѣмѣлъ. Передъ нимъ была, вмѣсто Натальи Дмитріевны, Прасковья Дмитріевна; въ дверяхъ изъ залы явился малый, а въ дверяхъ изъ спальни стояла горничная съ вопросомъ: чего изволите?

— Что это за человѣкъ? какъ смѣли пустить его ко мнѣ безъ докладу!—крикнула Прасковья Дмитріевна къ малому.

— Не могу знать, сударыня,—отвѣчалъ онъ.

— Простите, матушка, Прасковья Дмитріевна.... мнѣ и не въ догадъ,—проговорилъ Пафнутьичъ,—я думалъ, барыня моя Наталья Дмитріевна....

— А ты ея человѣкъ?

— Крѣпостной, сударыня.

— То есть теперь мой; покойная сестра всѣхъ васъ распустила! а гдѣ ты, мой любезный, таскался? по отпускной ходилъ? давно бы пора явиться къ своимъ

господамъ!... Я не люблю, мой любезный, отпускать шататься!... Ступай на кухню, покуда позовутъ!...

Пафнутьичъ стоялъ какъ оглушенный громомъ.

— Какъ, матушка,—началъ онъ, —Наталья Дмитріевна....

И не могъ продолжать: слезы хлынули градомъ, и онъ зарыдалъ.

— Пошелъ же вонъ, говорю!—вскричала Прасковья Дмитріевна,—отпускныхъ у меня нѣтъ! видишь, привыкли шататься на волѣ!...

Не докончила Прасковья Дмитріевна словъ своихъ, какъ послышался изъ передней шумъ.

— Ахъ ты дуракъ! да какъ ты смѣешь!

— Да-съ, не извольте ходить безъ докладу!

— Малой! что тамъ такое? — крикнула Прасковья Дмитріевна.

— Какой-то, сударыня, лезетъ сюда насильно.

— Матушка, Прасковья Дмитріевна, это вѣрно мой баринъ.

— Да я тебѣ голову разобью!

— Не извольте драться-съ, — раздалось опять изъ передней.

— Твой баринъ? какой твой баринъ? — спросила Прасковья Дмитріевна.

— Емельянъ Герасимовичъ, молодой баринъ.... сынъ, то есть воспитанникъ, какъ вамъ извѣстно чай, Натальи Дмитріевны.

— Знаю, знаю! балбесъ-то этотъ?... Ахъ мои батюшки, не ко мнѣ ли онъ лезетъ? вонъ его!...

— Такъ и претъ, сударыня, въ халатѣ, да въ грязныхъ сапогахъ въ залу, — ска-

залъ малой, отправляясь исполнять приказаніе барыни.

— Вонъ, вонъ его! А ты, любезный, ступай на кухню, покуда получишь приказаніе!

— Да какъ же, матушка, Прасковья Дмитріевна, вѣдь сестрица ваша приказала мнѣ....

— А я тебѣ приказываю идти на кухню, добромъ, слышишь?

— Позвольте хоть проводить барина моего до квартиры, матушка!

Пафнутьичъ повалился въ ноги, обливаясь слезами.

— Прочь, говорю! Малой! ей, малой!

— Никого нѣтъ, сударыня, — проговорила запыхавшись горничная, вбѣжавъ въ комнату, — такая драка на дворѣ, что и Боже упаси! Петрушка и Василій хотѣли проводить со двора какого-то пріѣзжаго,

а онъ ихъ бить; а Иванъ да Осипъ заступаться за него, говорятъ, что это ихъ молодой баринъ, наслѣдникъ Натальи Дмитріевны.

— Господи! — вскричалъ Пафнутьичъ, вскочивъ съ полу,—они еще его убьютъ!— И бросился бѣжать вонъ.

— Баринъ! наслѣдникъ! я имъ дамъ наслѣдникъ! — раздавался грозный голосъ Прасковьи Дмитріевны вслѣдъ за нимъ.

Пафнутьичъ выбѣжалъ на дворъ и засталъ ужасную картину. Бывшіе люди Натальи Дмитріевны, Иванъ и Осипъ, загородя собою Емельяна Герасимовича и засучивъ рукава, выходили на цѣлую дворню Прасковьи Дмитріевны.

— Валяй ихъ, валяй!—повторялъ грозно Емельянъ Герасимовичъ.

— Пафнутій Ивановичъ!—крикнули они, увидя дядьку Емельяна Герасимовича, и, забывъ все, бросились его обнимать, —

Откуда ты?... Что, братъ, приволье-то наше кончилось!

Пафнутьичъ не могъ ни слова отвѣчать, и залился снова слезами.

— Батюшка баринъ' матушки нашей Натальи Дмитріевны нѣтъ уже на свѣтѣ! Круглой ты сиротой остался на свѣтѣ!

Между тѣмъ былъ отданъ новый господскій приказъ; нѣсколько дюжихъ молодцевъ налетѣли на Ивана, на Осипа и на Пафнутьича, скрутили имъ руки и потащили на конюшню.

— Что, братъ Пафнутьичъ, вотъ тебѣ и пріемъ; видишь, какъ насъ теперь чествуютъ? — говорили Иванъ и Осипъ.

— Прощай, батюшка мой баринъ! отняли меня у тебя! круглой ты сиротой остался на свѣтѣ! — кричалъ Пафнутьичъ Емельяну Герасимовичу, котораго также успѣли уже выпроводить за ворота.

Когда онъ, очутившись за воротами, оглянулся, ворота уже были задвинуты запоромъ.

— Куда жъ, баринъ, ѣхать?—спросилъ его извощикъ.

Емельянъ Герасимовичъ ничего не понялъ изъ всей этой драммы; но онъ въ такомъ былъ ожесточеніи, что ни слова не могъ выговорить; сѣлъ сперва въ телѣгу, а потомъ завалился по дорожнему.

Извощикъ повторилъ свой вопросъ.

— Подождемъ! придетъ Пафнутьичъ,—отвѣчалъ онъ,—не ѣхать же безъ него.

— Да что, баринъ, произошло такое у васъ? аль на постой васъ не пускаютъ? — спросилъ извощикъ.

— Не пускаютъ, — отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Что жъ, мѣста что ли нѣтъ?

— Вотъ, пустышь какая, мѣста нѣтъ!

просто знать не хотятъ!—отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Вотъ, по господскому-то не то, что у насъ, — замѣтилъ извощикъ.

— Да гдѣ жъ Пафнутьичъ-то?

— Ты видишь, что его заперли. Да не постучать ли? кликнуть бы; вѣдь ужь ночь на дворѣ, баринъ; а лошади-то не кормлены. Ѣхали бы вы покуда на постоялый дворъ, чѣмъ ждать; вотъ и дожжикъ покрапливаетъ.

— Постучи-ко въ вороты! — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

Извощикъ стучалъ-стучалъ въ вороты, но напрасно; ни чей голосъ не отзывался. А между тѣмъ дождь и крупнѣе и сильнѣе.

Емельяна Герасимовича и сонъ клонилъ и дождь мочилъ. Рѣшился онъ наконецъ ѣхать на постоялый дворъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

О томъ, какъ сираго Емельяна Герасимовича не оставляетъ судьба.

— Эй, хозяинъ! — крикнулъ извощикъ, подъѣхавъ къ постоялому двору, — отведи барину хорошій покой, да слышь хорошій; баринъ добрый.

По этой рекомендаціи Емельяну Герасимовичу и отвели пріютный покойчикъ. Емельянъ Герасимовичъ потребовалъ, по предложенію хозяина, галенку чаю, и сталъ пить на здоровье. Перекатный жемчугъ выступилъ, унизалъ все чело и носъ

его, и по зернышку таялъ, струился по румянымъ ланитамъ.

Напившись чаю, Емельянъ Герасимовичъ повалился сонный на кровать. Но только что начнетъ забываться, а грубый лакей и заступитъ ему дорогу—позвольте-съ, не извольте ходить! — Онъ выйдетъ изъ себя и перевернется на другой бокъ. И съ того боку грубіанъ лакей не пускаетъ. Такимъ образомъ толпа лакеевъ мучила Емельяна Герасимовича до самаго разсвѣта.

На другой день поутру, извощикъ пришелъ просить отпустить его.

— А ступай себѣ съ Богомъ!—сказалъ ему Емельянъ Герасимовичъ.

— А денежки-то, баринъ?

— Какія?

— Какъ какія? за провозъ.

— Пафнутьичъ тебя нанималъ, у него и деньги.

— Гдѣ жъ мнѣ искать его? мнѣ пора, сударь, ѣхать.

— А мнѣ-то что жъ дѣлать?

— Такъ ужь я пойду во дворъ къ нему.

— Ступай, да скажи ему: чтожъ онъ пропалъ?

Покуда Емельянъ Герасимовичъ позавтракалъ, извощикъ успѣлъ воротиться, и донесъ, что Пафнутьича барыня сослала въ деревню.

— Въ деревню? это зачѣмъ? — спросилъ Емельянъ Герасимовичъ.

— А Богъ ее знаетъ,—отвѣчалъ извощикъ, — дворникъ сказалъ мнѣ: чѣмъ свѣтъ отправили, на подводахъ, что дрова привозили на барской дворъ; да еще трехъ отправили, видишь, за буйство, въ колодкахъ, чтобъ не бѣжали.... Что жъ, баринъ, пожалуйте заплатите.

— Деньги у Пафнутьича; заплатитъ, какъ воротится.

— Гдѣ ужь воротиться, баринъ; не ждать мнѣ его.

— Какъ не ждать? надо ждать; ты видишь, что и я жду его.

— Что жъ толку, сударь, ждать: вѣкъ прождешь.

— Что жъ такое, — вѣкъ такъ вѣкъ.

— То ваша воля, сударь; а мнѣ пожалуйте деньги; день-то мнѣ пять рублевъ стоитъ.

— Ахъ ты мужичина! — вскричалъ Емельянъ Герасимовичъ,—день пять рублей стоитъ! Скажи пожалоста! у благороднаго человѣка день ни по чемъ, пьфу! какъ пришелъ, такъ и ушелъ; а у него пять рублей!

— Вѣстимо такъ: по господскому ничего, а по нашему тройку коней накор-

ми, да самъ пообѣдай, да что нибудь заработать надо. Ужь, какъ изволите, по пяти рубликовъ на день за простой; вамъ въ угоду я буду ждать, пожалуй и прислужу, что прикажете.

— Хорошо, — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ,—раскладывай же чемодамъ, я хочу одѣваться.

Извощикъ принялся выбирать изъ чемоданчика. Но въ чемоданчикѣ нѣтъ ничего, кромѣ чернаго бѣлья, да въ черномъ же бѣльѣ укутанъ изрядной величины мѣшечикъ.

— Это что?

— Да кажись деньги.

— Точно деньги, — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, развязавъ мѣшокъ и вынулъ цѣлую горсть червонцевъ.

Уложивъ бѣлье снова въ чемодамъ, извощикъ не просилъ уже расплаты за про-

возъ, а только поклонился и просилъ *пожаловать что нибудь, покуда.*

— Сколько тебѣ?

— Да покуда хоть два червончика, а остальныя при расчетѣ.

— Вотъ тебѣ два.

Какъ везъ-то я вашу милость: не жалѣлъ коней!... стоило бы, баринъ, дать на водочку, — за ваше здоровье надо выпить, ей Богу!

— Вотъ тебѣ и на водку, — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, подавая червонецъ извощику, который не вѣря ни глазамъ своимъ, ни великой щедрости, сталъ разсматривать, не фальшивый ли?

— Что, не бось мало?

— Благодаримъ покорно и за то, вашей милости.... ужъ кстати бы расплатились и за провозъ.

— А что тебѣ за провозъ?

— Рядились за пятдесятъ; да ось на дорогѣ сломалась; за нее, если милость будетъ, что нибудь пожалуйте; да вотъ простоялъ даромъ сутки — ужь такъ бы еще пять червончиковъ пожаловали, и счетъ бы конченъ.

— Сколько тутъ?

— Первой, другой, три.... шесть, вашей милости.... одинъ только лишній....

— А сколько еще надобно лишнихъ?

— Какъ можно, вашей милости, лишнее не приходится брать, грѣха на душу не возьмемъ; мы и тѣмъ будемъ довольны, что сами пожалуете.

— Ну, такъ вотъ тебѣ, больше не дамъ, — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, бросивъ еще два червонца.

— Вѣкъ милости вашей не забуду, всѣмъ скажу: вотъ барина привелъ Богъ везти, такъ ужь барина! не обидѣлъ!... Дай же Боже, вамъ много лѣтъ здравствовать!

Только что вышелъ извощикъ, подлѣ дверей раздался чей-то трубный гласъ: кто здѣсь стоитъ? а? И съ этимъ словомъ ввалилъ необъятный баринъ, въ синемъ сертукѣ на калмыцкомъ сѣромъ мѣху.

— А гдѣ твой панъ? — спросилъ онъ у Емельяна Герасимовича, который укладывалъ разбросанное бѣлье въ чемоданъ.

— А кто жъ его знаетъ! — отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ, посмотрѣвъ на необъятнаго барина, и продолжая укладывать бѣлье.—А ты что, хозяинъ здѣшній?

— Хо, хо, хо! хозяинъ, да не здѣшній, а сельскій хозяинъ.

— Тебѣ за чѣмъ его?

— Хо, хо, хо! да хоть бы съ твоего позволенія хотѣлось имѣть честь познакомиться съ нимъ.

— Пожалуй знакомься, кто тебѣ мѣша-

етъ, онъ у меня славный малый! только братъ, извини, онъ не гуляка; съ вашей братьей, съ красной рожой, въ кабакъ не ходитъ.

— Ахъ, ты животное! — вскричалъ необъятный баринъ, — да знаешь ли ты, съ кѣмъ говоришь?

— Знаю: съ холопомъ; да мой холопъ плохой тебѣ камарадъ, любезный; онъ въ ротъ ничего не беретъ.

— Тутъ есть какое нибудь недоумѣніе, — сказалъ смутясь толстый баринъ, выслушавъ слова Емельяна Герасимовича; — извините, я дворянинъ и помѣщикъ Иванъ Ивановичъ Тузловъ.... желалъ познакомиться съ сосѣдомъ своимъ.... можетъ быть ошибся....

— Дворянинъ и помѣщикъ? познакомиться съ сосѣдомъ? Ну, здѣсь сосѣда нѣтъ; а впрочемъ, если дворянинъ и по-

мѣщикъ, такъ очень радъ, прошу садиться.

— Куда изволите ѣхать? — спросилъ Иванъ Ивановичъ Тузловъ, садясь и съ любопытствомъ разсматривая Емельяна Герасимовича, который безцеремонно прилегъ на постель.

— Куда жъ мнѣ ѣхать? Дѣло другое на службѣ: ѣдешь туда, куда велятъ; а тутъ кто мнѣ велитъ ѣхать.

— Стало быть вы вышли въ отставку и теперь ѣдете домой?

— Не ѣду, а пріѣхалъ.

— Вашъ домъ вѣрно сгорѣлъ?

— Домъ не мой, а мамашинъ.

— Стало быть ваши родители живы?

— Какіе родители?

— Какъ какіе? батюшка, матушка.

— Батюшка? Да! смѣй бывало назвать батюшкой Платона Андреевича, а онъ за

ухо: вотъ тебѣ батюшка, вотъ тебѣ папинька, вотъ тебѣ тятенька, вотъ тебѣ отецъ! чушка тебя родила, а я поросенку отецъ!—Истеребитъ ухо до крови, да и велитъ молчать; докторъ пріѣдетъ, и велитъ мнѣ пить и ѣсть бодягу и всякую дрянь.

Тузловъ не вытерпѣлъ, захохоталъ.

— А позвольте спросить, ктожъ такой былъ Платонъ Андреевичъ?

— Онъ былъ мужъ Натальи Дмитріевны, моей маминьки.

— А, такъ вы сынъ ея отъ перваго мужа?

— У ней никогда перваго мужа и не бывало,—отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ,—у ней былъ только второй, Платонъ Андреевичъ, такой же толстый, какъ вы.

Иванъ Ивановичъ не утерпѣлъ—опять захохоталъ, и совсѣмъ-было умеръ со смѣху, слушая похожденія Емельяна Гераси-

мовича, изъ которыхъ понялъ онъ только то, что нашъ герой круглая, безпріютная сирота. Иванъ Ивановичъ любилъ хохотать, и Емельянъ Герасимовичъ такъ понравился ему и такъ показался потѣшенъ, что онъ не разстался бы съ нимъ.

— Гдѣ жъ вы будете теперь жить?

— Тамъ же, гдѣ всѣ люди живутъ, — отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Между небомъ и землей? плохое житье!

— Что жъ за бѣда; Платонъ Андреевичъ говорилъ всегда, что хорошо тому только жить, у кого батюшка жидъ, а бабушка ворожитъ.

— Ха, ха, ха! Знете ли что, поѣдемте погостить ко мнѣ.

— Пожалуй, — отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ,—я поѣду, если вамъ это очень хочется.

— Такъ послѣ завтра же поутру мы отправляемся ко мнѣ въ деревню; а покуда прощайте, мнѣ надо ѣхать къ портному заказать пару платья.

— Постойте же, постойте.... какъ бишь васъ зовутъ?

— Иванъ Ивановичъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? такъ я съ вами ѣду и къ портному; мнѣ также надо заказать штатское платье.

— Деньги-то есть у васъ?

— Деньги? столько, что ни куры, ни пѣтухи не клюютъ, — отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ, вынулъ изъ чемодана кошель съ червонцами.

— Ого-го! откуда это у васъ столько денегъ?

— Наталья Дмитрiевна прислала.

— Ѣдемте.

Иванъ Ивановичъ съ Емельяномъ Гера-

симовичемъ сѣли на дрожки и отправились на Тверскую къ Гаммеру. Покуда Иванъ Ивановичъ примѣривалъ сшитое платье, Емельянъ Герасимовичъ заказалъ, по наставленію портнаго, богатую венгерку, новомодный фракъ, пеструю жилетку, англійскій сертукъ, шинель и рейтузы съ пуговицами по шву, внизу по ширe, съ прорѣзами и съ цѣпями. Иванъ Ивановичъ поѣхалъ къ сапожнику заказать себѣ сапоги, и Емельянъ Герасимовичъ купилъ себѣ сапоги на высокихъ каблукахъ, со скрипомъ, передки цѣльные, всѣ въ складкахъ.

Иванъ Ивановичъ купилъ себѣ картузъ, а Емельянъ Герасимовичъ круглую шляпу.

Возвратясь домой, Иванъ Ивановичъ снова поѣхалъ по дѣламъ; а Емельянъ Герасимовичъ отъ нечего дѣлать по обыкновенію соснулъ, потомъ пообѣдалъ, по-

томъ опять уснулъ, потомъ напился чаю и снова уснулъ, и не просыпался уже до утра. Слѣдующій день проведенъ былъ точно также. На третій день принесли заказное платье. Емельянъ Герасимовичъ нарядился въ рейтузы, съ пуговицами на боку, съ разрѣзами внизу, и съ цѣпями вмѣсто *подножекъ*, надѣлъ венгерку—и— его узнать нельзя. Красуясь передъ зеркаломъ, онъ припомнилъ наставленія Натальи Дмитріевны о бонтонѣ и сталъ припоминать всѣ манеры одного московскаго щеголя, котораго часто видадъ въ домѣ.

— Надо завиться. Пантелей, позови парикмахера! — сказалъ онъ камердинеру Ивана Ивановича.

— Если угодно, я завью, я самъ не хуже парикмахера завиваю, — отвѣчалъ Пантелей, и согрѣвъ щипцы, въ нѣсколько минутъ привелъ голову Емельяна Герасимовича въ самое лучшее состояніе,

въ какомъ только состоятъ всѣ головы образованныя парикмахерами.

— Ну, вотъ тебѣ за работу, — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, не узнавъ себя въ зеркало, и подавая червонецъ камердинеру.

Пораженный такою щедростію, камердинеръ поцѣловалъ у него ручку.

— А вы, сударь, не изволите носить очковъ? — спросилъ Пантелей, собирая порошинки съ платья Емельяна Герасимовича.

— А что?

— Да есть у меня прекраснѣйшіе очки, настоящіе золотые, сударь; поручили мнѣ продать, да все не́когда.

— Такъ продай мнѣ; въ самомъ дѣлѣ, мнѣ очки нужны. Какъ же, безъ очковъ неприлично.

Пантелей немедленно же принесъ очки; и еще разъ поцѣловалъ руку, когда

Емельянъ Герасимовичъ, вмѣсто требуемыхъ за нихъ двадцати пяти рублей, далъ четыре червонца.

Иванъ Ивановичъ, возвратясь изъ гостинаго двора, гдѣ нужно было сдѣлать еще кой-какія покупки, не узналъ Емельяна Герасимовича, и только что не спросилъ: съ кѣмъ имѣю честь говорить?

Коляска была уже запряжена. И вотъ, Иванъ Ивановичъ съ Емельяномъ Герасимовичемъ, позавтракавъ, пустились въ путь.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О томъ, какъ Емельянъ Герасимовичъ превратился въ мильонщика, вторично былъ причиною счастія двухъ любящихся сердецъ, поразилъ громовымъ ударомъ нѣкую злобную Полину и уѣхалъ къ Эразму Львовичу.

Помѣстье Ивана Ивановича было верстахъ въ пятидесяти отъ Москвы.

Дорóгой Емельянъ Герасимовичъ не могъ не спать; а Иванъ Ивановичъ придумывалъ, какъ ему представить гостя

своей семьѣ, которая состояла изъ жены Пелагеи Васильевны, дочери Катеньки и падчерицы Полины.

Когда коляска Ивана Ивановича подъѣхала къ дому, только одна Катенька выбѣжала къ отцу навстрѣчу, и поцѣловала руку. Полина называла это подлостью и лестью; а такъ какъ она была деспотъ въ домѣ, то никто, не исключая и Пелагеи Васильевны, не осмѣливался ничего дѣлать вопреки ея мнѣнiй, подъ опасенiемъ, что она разгнѣвается и истериками своими приведетъ всѣхъ въ отчаянiе, или, въ извѣстной степени припадка, назоветъ всѣхъ безъ исключенiя—не помню—тварями или творенiями. А если кто осмѣлится заступиться за себя, и сказать: какъ вы смѣете это дѣлать! какъ вы смѣете браниться! то припадокъ доходитъ до того, что одержимая имъ *дѣвушка*, посягаетъ на жизнь свою, бросается къ открытому окну, и, Пелагея Васильевна

первая падаетъ предъ ней на колѣна, и молитъ пощадить себя.

Но всѣхъ больше доставалось, отъ Полины и за Полину, Катенькѣ. Полина была для всѣхъ, для родныхъ, для знакомыхъ, для мужчинъ и для женщинъ, существомъ недоступнымъ, недотрогой; какъ хорошенькую змѣйку, ее невозможно было поласкать; а Катенька была нѣжна, и любила ласки, какъ козочка газель.

— А у тебя все глаза красны, Катя, точно какъ заплаканы, — сказалъ Иванъ Ивановичъ, цѣлуя дочь.

— Немного болятъ опять, папинька.

— Какіе у тебя слабые глаза!

Емельянъ Герасимовичъ, одѣтый по модному и подражая своему идеалу, важно поклонился Катенькѣ.

Иванъ Ивановичъ любилъ иногда отъ добраго сердца подшутить надъ просто-

душіемъ жены; иногда любилъ и подурачить ее, особенно послѣ какой нибудь порядочной ссоры; шутками вымещалъ онъ вымозженныя слезами и крикомъ причуды. А теперь онъ былъ золъ на нее, и именно вотъ за что: одному прекрасному молодому человѣку, сосѣду по имѣнью, отставному ротмистру гвардіи, понравилась Катенька, и онъ ей понравился. Хоть Сергѣя Алексѣевича Осенецкаго и преслѣдовала взорами Полина, и Пелагея Васильевна адресовала его всегда не иначе, какъ къ Полинѣ; но онъ нашелъ случай адресоваться съ требованіями сердца къ Катенькѣ, а потомъ съ требованіями руки Катеньки къ отцу ея. Иванъ Ивановичъ сказалъ: « очень радъ; но позвольте переговорить мнѣ съ женой. Обѣдайте завтра у насъ. » Осенецкій съ нетерпѣніемъ ждалъ завтрешняго дня, съ трепетомъ сердца ждалъ двухъ часовъ пополудни. А между тѣмъ Иванъ Ива-

новичъ объяснилъ дѣло своей супругѣ. —Надо подумать,—сказала она,—и—сперва проговорилась, а потомъ разсказала о предложенiи Осенецкаго Полинѣ.

— Я удивляюсь, — сказала Полина, вспыхнувъ, для чего батюшка вамъ говорилъ объ этомъ?

— Какъ для чего? какъ будто безъ моего согласiя можетъ онъ выдать дочь за кого хочетъ.

— Разумѣется, можетъ. Когда дѣло кончено, тогда вамъ объявили.

— Какъ кончено?

— Очень натурально, и мимо васъ; вамъ остается для порядка только сказать, что и вы согласны.

— А вотъ то-то ты и ошиблась! я ни сколько не согласна! Ужъ это одно, что онъ осмѣлился мимо меня дѣлать предложенiе отцу. Никогда, никогда, во вѣки вѣковъ этого не будетъ!

— Отъ чего же? Онъ прекрасный человѣкъ, и очень долженъ быть привязанъ къ нашему семейству; потому что не успѣла *одна* показать ему, чтобъ *не безпокоился*, онъ немедленно же присватался къ другой.

— Въ самомъ дѣлѣ? да, да, я сама замѣчала, что онъ за тобой ухаживаетъ, и вдругъ — смотри пожалуй! Сегодня отецъ звалъ его обѣдать.

— Видите ли, маминька: звалъ обѣдать! Не давши вѣрнаго слова, можно ли это дѣлать? Нѣтъ, я бы на вашемъ мѣстѣ, просто не велѣла принимать!... Я знаю, какъ батюшка поступитъ: онъ вѣрно назвалъ сегодня къ обѣду гостей, и при всѣхъ объявитъ его женихомъ Кати; тогда ваше согласіе и несогласіе — ничто!

— Какая хитрость, скажи пожалуйста! Да я перехитрю!

И въ самомъ дѣлѣ, Пелагея Васильев-

на очень хитро поступила. Только что Осенецкій явился съ трепещущимъ сердцемъ у подъѣзда, а ему преотвратительнымъ басомъ въ ухо: дома нѣтъ-съ!

— Ты, братецъ, лжешь!

— Никакъ нѣтъ-съ! А намъ что лгать-то-съ? Что приказано сказать, то и говоримъ.

— А! если такъ! — проговорилъ было, вспыхнувъ, пораженный Осенецкій; но рана была близка къ сердцу; дрожащимъ голосомъ онъ прибавилъ: — ступай домой!

Столъ давно накрытъ, обычный часъ обѣда давно прошелъ; Иванъ Ивановичъ посматриваетъ на часы. — Что жъ это нашъ гость не ѣдетъ?... странно!... четыре часа!... вѣрно не будетъ!... подавайте обѣдать!... Эй, малой! когда пріѣдетъ Сергѣй Алексѣевичъ, просить его, — сказалъ Иванъ Ивановичъ, садясь за столъ.

— Да они изволили прiѣзжать, — бухнулъ-было малой; а Пелагея Васильевна какъ выпучитъ на него глаза, онъ и прикусилъ языкъ.

— Какъ? когда прiѣзжалъ? — спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Что ты лжешь! — сказала Полина, — это прiѣзжалъ Ряполовъ, и маминька выслала сказать ему, что нѣтъ дома.

— И очень хорошо сдѣлала, — замѣтилъ Иванъ Ивановичъ, — онъ мнѣ надоѣлъ.

— Извините, сестрица! — сказала вспыхнувъ Катенька, — Ряполовъ никогда не прiѣзжалъ!

— Вамъ бы, сударыня, только споръ завести! — крикнула мать.

— Кто жъ прiѣзжалъ? — грянулъ Иванъ Ивановичъ на всѣхъ слугъ, стоящихъ вокругъ стола.

Всѣ молчатъ, уставивъ на Ивана Ивановича нѣмые, безотвѣтные, неморгающіе, стеклянные глаза, вставленные въ болвановъ топорной работы.

— Тебя спрашиваютъ, собака?

— Не могу знать-съ!

— И ты не можешь знать? и ты не можешь знать?

Всѣ молчатъ.

— Тебѣ, Пелагея Васильевна, кто сказалъ, что пріѣзжалъ Ряполовъ?

— Скажи пожалоста! вотъ вопросъ! жену на очную ставку съ лакеями! — отвѣчала гнѣвно Пелагея Васильевна.

Слово за слово, и — Иванъ Ивановичъ поссорился съ женой, пересѣкъ всю дворню. Проходитъ день, другой, вокругъ него какое-то царство молчанія; Пелагея Васильевна съ нимъ ни слова, Полина только поутру подойдетъ, холодно поцѣлуетъ

въ щеку, Катенька боится приласкаться, а всѣ прочіе боятся *нарушать семейную тишину*. Проходитъ еще день, Иванъ Ивановичъ готовъ разразиться грозой; но дѣлаетъ умнѣе, уѣзжаетъ съ досады въ Москву. Встрѣча съ Емельяномъ Герасимовичемъ утѣшила его; для разсѣянія деревенской скуки рѣшился онъ взять его къ себѣ на житье, и, возратясь въ деревню, въ отмщеніе женѣ, хотѣлъ, по крайней мѣрѣ подурачить ее, представя гостя не тѣмъ, что онъ въ самомъ дѣлѣ есть.

— Съ кѣмъ пріѣхалъ отецъ?—спросила Пелагея Васильевна Полину, которая читала романъ, сидя у окна въ гостиной.

— Емельянъ Герасимовичъ, честь имѣю представить вамъ мое семейство,—сказалъ очень сурьезно и съ особеннымъ вниманіемъ къ гостю Иванъ Ивановичъ.

Пелагея Васильевна встала съ дивана, Полина присѣла, а Емельянъ Герасимо-

вичъ, перегнувшись впередъ и опустивъ руки какъ отвѣсы, смотрѣлъ на всѣхъ неробкимъ взглядомъ очковъ, шаркалъ и раскланивался съ ловкостью самаго лучшаго молодаго свѣтскаго человѣка, когда онъ входитъ въ гостиную и обращаетъ на себя общее вниманіе.

— Пелагея Васильевна,—сказалъ Иванъ Ивановичъ,—я имѣлъ удовольствіе познакомиться съ Емельяномъ Герасимовичемъ въ Москвѣ;—и потомъ прибавилъ тихо:— они хотятъ купить подмосковную.... мильонщикъ!

— Покорнѣйше просимъ садиться,— сказала Пелагея Васильевна.

— Къ вашимъ услугамъ! — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, садясь безъ церемоній на диванъ, и, вспомнивъ объ очкахъ, онъ вынулъ очки изъ кармана, надѣлъ, и сталъ смотрѣть съ высока.

Всѣмъ, я думаю, извѣстна тайна очковъ.

Очки необыкновенно, какъ говорится, поднимаютъ человѣка, облагороживаютъ наружность, придаютъ важности, и что всего важнѣе: въ глазахъ выражается умъ блескомъ; а блескъ стеколъ можно всегда принять за проблескъ ума.

— Вы московскій житель?

— Къ моему удовольствію — отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ, разсматривая Полину и не обращая вниманія на вопросъ.

— О, какъ вы любите Москву; у васъ тамъ есть семейство, супруга, дѣти?

— Нѣтъ, еще нѣтъ; ни того, ни другаго.

Близорукая Полина, замѣтивъ достоинство и вниманіе къ себѣ гостя, вышла, и чрезъ нѣсколько минутъ явилась снова; но какъ будто въ новомъ, живописномъ изданіи, revue, corrigée, augmentée et illustrée, такъ что Емельянъ Герасимовичъ не узналъ ее, когда она вошла шумя шелковымъ платьемъ. Онъ всталъ и раз-

шаркался; а она шагъ назадъ, головку на сторону, дирекція на гостя, присѣла и потомъ сѣла.

Иванъ Ивановичъ думалъ, что шутка его скоро развяжется; но ошибся: Емельянъ Герасимовичъ, такъ искусно подражалъ своему идеалу, а Пелагея Васильевна такъ была увѣрена, что это un homme comme il faut, что Иванъ Ивановичъ смотрѣлъ, смотрѣлъ, всталъ, вышелъ въ другую комнату, захохоталъ въ горсть, плюнулъ и сказалъ: чудная метаморфоза! право, онъ надулъ меня!... или ужь такъ легко быть свѣтскимъ бонтоннымъ человѣкомъ!...

Между тѣмъ Пелагея Васильевна такъ и переливается отъ предмета къ предмету; то о погодѣ, то о пріятностяхъ сельской жизни, то о пріятностяхъ городской. Полина также вмѣшалась въ разговоръ; перебиваютъ одна другую. Емельянъ Герасимовичъ слушаетъ обѣихъ.

— Такъ вы не въ Москвѣ были въ зиму передъ Французомъ? да что я спрашиваю: я вѣрно бы васъ видѣла въ собраніи, или гдѣ нибудь на балу; мы всякую зиму живемъ въ Москвѣ, да и нельзя — дѣти.

— Вы знакомы съ Ветлинскими?—спросила Полина.

— Съ Ветлинскими?—спросилъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Они живутъ на валу.

— На валу? какъ на валу?

— Не на валу, Поленька; это мѣсто не валомъ называется.

— Ахъ, нѣтъ, на валу!... Такъ вы знаете и Вареньку? не правда ли, очень образованная дѣвушка, только жаль....

— Вареньку? знаю, очень знаю, какъ мнѣ не знать ее, — отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ,—я за ней волочился.

— Ха, ха, ха, ха! ахъ, какой вы забавникъ! Не опасное волокитство!

— Одна ножка покороче другой, одинъ глазокъ на сторону, ротикъ крошечку покривился.

— И, полноте, я этого не замѣтилъ, — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Какая ты насмѣшница, Полина, — сказала мать.

— Чѣмъ же я смѣюсь; за то эти маленькіе недостатки выкупаются большими достоинствами: слонъ уродливъ, но за то какъ уменъ? не правда ли?

— Слонъ? это дѣло другое, слона я не замѣтилъ, — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, припомнивъ басню Крылова о слонѣ.

— Ха, ха, ха, ха! ахъ, какъ вы злы!

— Емельянъ Герасимовичъ, не угодно ли

посмотрѣть мой конскій заводъ, пойдемте-ко, пойдемте!

— Къ вашимъ услугамъ, Иванъ Ивановичъ, пойдемте.

— Ахъ, какой ты несносный, съ своимъ заводомъ! — сказала Пелагея Васильевна мужу.

— Какой пріятный, любезный человѣкъ!—продолжала она.—По всему видно, что лучшаго круга, и безъ всякой гордости.... Мильонщикъ; хочетъ купить нашу деревню.

— Долго онъ у насъ останется?—спросила Полина.

— Вѣроятно нѣсколько дней; потому что нельзя же скоро все осмотрѣть.

Во все это время Катенька грустно сидѣла въ своей комнатѣ; но къ обѣду, для посторонняго человѣка, также при-

нарядилась. Иванъ Ивановичъ съ Емельяномъ Герасимовичемъ возвратились съ конскаго завода; столъ былъ готовъ; сѣли обѣдать.

— Ну, Емельянъ Герасимовичъ, какой вы знатокъ въ лошадяхъ!—сказалъ Иванъ Ивановичъ.

Емельянъ Герасимовичъ въ самомъ дѣлѣ удивилъ его. Платонъ Андреевичъ также былъ охотникъ до лошадей, и всякой день посѣщалъ свою конюшню, съ гостями, охотниками и заводчиками, а въ случаѣ *неимѣнія* таковыхъ, разсуждалъ съ своими кучерами о достоинствахъ своихъ лошадей. Емельянъ Герасимовичъ наслушался коннозаводскихъ изреченій, и особенно одинъ заводчикъ, со всѣми своими пріемами и восклицаніями, врѣзался у него въ памяти.

Во время обѣда, Пелагея Васильевна и Полина овладѣли гостемъ. Ивану Ивано-

вичу нѐгдѣ было и слова приставить. Катенька также молчала; но она изъ любопытства всматривалась въ гостя, и когда онъ уставлялъ на нее свои очки, и смотрѣлъ прямо какъ на картину, она стыдливо склоняла взоры и краснѣла. Полина замѣтила это, говорливость ея изчезла, и она не сводила глазъ съ сестры. Послѣ обѣда она подошла къ ней и стала осматривать ее съ ногъ до головы.

— Что вы такъ смотрите на меня, сестрица? — спросила Катенька.

— Такъ, мнѣ это пріятно, вы очень милы сегодня! — отвѣчала съ усмѣшкой Полина.

— Ахъ, да что вы это, сестрица!

— Ничего, смотрю; ты очень интересна....

Катенька перешла на другое мѣсто.

Полина, преспокойно, слѣдомъ за ней,

снова остановилась, продолжаетъ осматривать ее съ усмѣшкой.

Катенька вскочила, ушла въ свою комнату.

Выживъ соперницу, Полина вышла на террасу, гдѣ Пелагея Васильевна показывала Емельяну Герасимовичу цвѣты свои; а Иванъ Иваноничъ, отъ нечего дѣлать, обрѣзывалъ ножичкомъ сухія вѣтки. Занявшись этимъ дѣломъ, онъ забылъ о гостѣ, усталъ, присѣлъ на зеленую скамью и задремалъ. А между тѣмъ Емельяномъ Герасимовичемъ овладѣла Полина, и предложила показать ему садъ. Пелагея Васильевна уступила поле дочери; и вскорѣ Полина съ гостемъ ходили уже одни подъ ручку, потому что Емельянъ Герасимовичъ не упустилъ и этой учтивости. Полина старалась занимать его разговоромъ; не умолкая разсказывала, какъ пріятно они проводятъ время въ деревнѣ; а Емель-

янъ Герасимовичъ между тѣмъ припоминалъ, что говорилъ его идеалъ въ подобномъ случаѣ, прогуливаясь съ петербургскими племянницами Натальи Дмитріевны. Первою необходимостію былъ хлыстикъ, и Емельянъ Герасимовичъ сломилъ вѣтку и сталъ помахивать имъ *съ граціей*, подражая бульварной и салонической молодежи.

— Ахъ, мзель, какая поэзія! какая прелесть!—произнесъ онъ вдругъ, не слушая что говоритъ Полина,—наслажденіе! любовь! чувство! не правда ли?

Полина смутилась, умолкла.

— Чтожъ вы ничего не говорите, мзель?

— Что сказать мнѣ.... на эти слова?—произнесла Полина съ чувствомъ, и голосомъ, который, казалось, просилъ совѣта, что̀ сказать.

— Скажите что нибудь пріятное.

Полина молчала, но, казалось, хотѣла,

чтобъ ее безъ словъ поняли. Взоры ея то поднимутся, то опустятся, головка колеблется какъ мысли; вся она въ какомъ-то разслабленіи, какъ старушка, которая требуетъ, чтобъ попечительная рука поддержала ее. И въ эту-то роковую минуту, вдругъ изъ сходящейся угломъ аллеи— Катенька. Съ горя, она бродила по саду, и задумавшись, очутилась рядомъ съ Емельяномъ Герасимовичемъ и Полиной.

— Какая очаровательная прогулка! — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Да-съ,—отвѣчала она сухо.

— Какое время!

— Да-съ.

— Кудажъ вы? — вскричалъ Емельянъ Герасимовичъ,—намъ безъ васъ скучно.

Полина вспыхнула.

— Извините, — сказала она, — кажется, меня зовутъ, сестра займетъ васъ!

Рѣзко отдернула она руку, и удаляясь, сдѣлала нѣсколько шаговъ, припрыгивая и напѣвая, какъ веселое и безпечное дитя; но потомъ скоро, изступленно, какъ гонимая изъ рая. Блѣдная и едва переводя дыханіе, вошла она въ комнату матери, хлопнула дверью, губы ея дрожали, взоръ сухъ, выраженіе лица судорожно.

— Что съ тобой, Полина? — вскричала съ испугомъ мать, заботливо бросясь къ ней.

— Оставте меня!

— Что это значитъ, Полина?

— Ничего!

— Скажи мнѣ, другъ мой, что съ тобой?

— Ничего!

— Какъ ничего? не можетъ быть ничего!

— Совершенно ничего! Я только прошу васъ отдать меня въ монастырь!

— Что это ты, Полина! Скажи же, другъ мой, кто тебя обидѣлъ или огорчилъ? отецъ?

— Хмъ! какъ будто отецъ можетъ обижать дѣтей!

— Да кто же? Катенька? кажется она такая овца.

— О, смиренница!—язвительно произнесла Полина.

— Чтожъ она могла сдѣлать тебѣ, мой другъ?

— Ктожъ вамъ говоритъ; кажется, я жалобъ не приносила.... и что жъ она можетъ мнѣ сдѣлать? она овца — не кусается.

— Можетъ быть, она сказала тебѣ какую нибудь дерзость?

— Дерзость! я бы посмотрѣла!... Да что объ этомъ говорить; я одного прошу у васъ, отдайте меня въ монастырь.

— Поленька, дружечикъ мой, скажи мнѣ, что она сдѣлала, я накажу ее....

— О, поможетъ наказаніе отучить отъ подлыхъ привычекъ!

— Чтожъ тебѣ мѣшаютъ ея подлыя привычки?

— То, что я не хочу изъ-за нее сидѣть вѣкъ въ дѣвкахъ!

— Что ты несешь, Полина, ты съ ума сошла!

— Низкая кокетка! только явись порядочный человѣкъ въ домъ, тотчасъ разрядится, начнетъ передъ нимъ вздыхать и бросать нѣжные взоры! Это невыносимо!

Тутъ Полина разчувствовалась и продолжала обливаясь слезами:

— Вотъ ужъ второй разъ!... человѣкъ думаетъ искать моей руки.... вдругъ является съ нѣжностями, съ сентимен-

тальностью!... это хоть кого взорветъ! Я удаляюсь, уступаю ей торжествовать.... Я не умѣю подличать передъ мужчинами!... Одинъ разъ я въ состоянiи была перенести, но теперь.... Это ужъ слишкомъ! Она будетъ имѣть состоянiе отъ отца, а я что имѣю?... Всякiй счастливый случай, который мнѣ представится, она разстроитъ!

— Почемужъ ты вдругъ полагаешь, милая, что человѣкъ только что прiѣхалъ и уже имѣетъ намѣренiе жениться?

— Я знаю почему.... И вы думаете, что батюшка безъ намѣренiя привезъ его сюда? Повѣрьте, что Катерина Ивановна не даромъ разрядилась! Небось, онъ теперь забылъ сердце, что вы отказали этой дряни Осенецкому; онъ еще, я думаю, радъ теперь, потому что у Осенецкаго всего-то двѣсти душъ, а этотъ мильонщикъ.

— Постой же! я сейчасъ это выпытаю!— сказала Пелагея Васильевна, — я скажу,

что я согласна на союзъ Катеньки съ Осенецкимъ.

— О, попробуйте, попробуйте! вы увидите, что я говорю правду!

Пелагея Васильевна не любила медлить и обдумывать свои дѣйствія. Что въ голову пришло, то и свято, особенно же, когда дѣло касалось до возлюбленной дщери Полины, то оно не въ примѣръ другимъ и не въ очередь слѣдовало къ немедленному исполненію. Какъ захочетъ Полина, такъ тому и быть; иначе отъ дочери бѣда маминькѣ, а отъ маминьки всѣмъ и каждому въ домѣ. Попробуй маминька сказать: пустяки сударыня! этого не будетъ! Чувствительная дочь сокрушитъ нѣжное материнское сердце въ дребезги: тотчасъ же сдѣлается дурно, потомъ еще *дурнѣе*, и наконецъ совсѣмъ скверно, спазмы страшныя, въ головѣ жаръ, въ ногахъ холодъ, въ рукахъ ни то ни сё, и мать

въ отчаяніи кричитъ: Полина, душенька, что съ тобой!—ничто не помогаетъ, Полина при-смерти. Покуда Пелагея Васильевна не станетъ на колѣни и не изломаетъ себѣ всѣхъ рукъ съ отчаянія, до тѣхъ поръ нѣтъ спасенія. Но наконецъ материнскими мольбами жертва извлечена изъ челюстей смерти; вотъ вздохнула. — Поленька! — Оставте меня, вы меня не любите! — Помилуй! — Я умру, я хочу умереть! — Да чегожъ ты желаешь? чего ты хочешь? не ужели я для тебя не сдѣлаю. Ну, поѣдемъ, поѣдемъ, одѣвайся, я Катю не возьму съ собой! — Поленька не соглашается, мать начинаетъ умолять, и наконецъ кончится тѣмъ, что желаніе дочери обращается въ требованіе матери, и дочь, только исполняя ея родительскую волю, не противится ей. По-русски такая маминька называется *дѣтской рабой*.

Иванъ Ивановичъ, вздремнувъ на террасѣ, хотѣлъ перебраться въ свой каби-

нетъ, чтобъ прилечь основательнѣе,— вдругъ слышитъ нѣжный голосъ своей супруги.

— Другъ мой!

— Что, Палаша?

— Мы съ тобой поссорились.... Я виновата передъ тобой!

— Въ чемъ?

— На счетъ сватовства Осенецкаго за Катенькой. Я разсердилась, что онъ мимо меня объявилъ тебѣ свое желаніе, но я одумалась, и совѣсть мучитъ меня; можетъ быть я лишила Катеньку ея счастія.

— То-то и бѣда, что ты поздно одумываешься.

— Это можно какъ нибудь исправить.

— Нѣтъ, моя милая! отрѣзавъ голову, туловища на ноги не поставишь.

— Полно пожалоста! ты вѣрно самъ отдумалъ!

— Что мнѣ отдумывать! и мнѣ и Катенькѣ Осенецкой нравится. Человѣкъ, какого лучше не скоро найдешь, чегожъ мнѣ еще?

— Чего? стало быть отдумалъ, когда не хочешь принять никакой мѣры!

— Какія принимать мѣры, когда человѣку сказали: вотъ образъ, а вотъ двери.

— Поѣзжай къ нему, скажи, что люди по ошибкѣ отказали ему.

— Нѣтъ, милая, онъ не дуракъ, да и я въ дураки не хочу попасть!

— Такъ ты не хочешь?... Такъ-то ты заботишься о счастіи дѣтей! прекрасный отецъ!... Послѣ этого мнѣ одно остается....

Пелагея Васильевна съ гнѣвомъ вышла изъ комнаты; а Иванъ Ивановичъ, походивъ по комнатѣ въ раздумьѣ, крикнулъ, чтобъ заложили коляску. Не успѣла Пелагея Васильевна сознаться Полинѣ, что

ея догадка справедлива, Иванъ Ивановичъ ѣхалъ уже къ молодому сосѣду своему. Черезъ полчаса онъ уже былъ у него. Подлѣ крыльца стояла дорожная коляска.

— Кто это ѣдетъ?

— Баринъ.

— Куда?

— Въ Питеръ.

— Эге! — сказалъ Иванъ Ивановичъ, пробираясь въ кабинетъ. Осенецкій былъ уже въ дорожномъ платьѣ, и взглянувъ съ удивленіемъ на Ивана Ивановича, сухо поклонился.

— Что доставляетъ мнѣ удовольствіе васъ видѣть?

— А вотъ что, — сказалъ Иванъ Ивановичъ, — во первыхъ, наши добрыя отношенія другъ къ другу; а во вторыхъ, я самъ привезъ вамъ отвѣтъ на ваше предложеніе.

— Какъ прикажете мнѣ принимать его, послѣ....

— Позвольте!... Вотъ краткая исторія всего: вы сдѣлали мнѣ предложеніе, я васъ звалъ на другой день обѣдать, потому что былъ увѣренъ, что ваше предложеніе отказа не встрѣтитъ. Въ тотъ же вечеръ объявилъ я женѣ, и встрѣтилъ съ ея стороны ожидаемое согласіе. На другой день мы ждемъ васъ обѣдать, васъ нѣтъ....

— Я думаю, на это была причина.

— А причина вотъ какая. Я не хотѣлъ, чтобъ кто нибудь изъ постороннихъ былъ при этомъ случаѣ, и приказалъ никого не принимать, разумѣется кромѣ васъ.... Что жъ будешь дѣлать съ холопами! переврали приказъ. До четырехъ часовъ ждали васъ; сажусь за столъ и говорю: что это значитъ, что не пріѣхалъ Сергѣй Алексѣевичъ? — А Филька:

они изволили быть-съ.—Какъ! кто встрѣчалъ? что сказали? — Ни одна собака не знаетъ. Какъ вы думаете, вѣдь не нашелъ виноватаго; точно какъ чортъ съигралъ штуку.

Осенецкій задумался. Въ немъ водились маленькіе предразсудки: не судьба ли предостерегаетъ его?

— Что задумались; не о томъ ли, что съ недѣлю почти прошло, и я не увѣдомилъ васъ? да не могъ, ей Богу не могъ. Послѣ обѣда же хотѣлъ ѣхать самъ къ вамъ, лошади были уже запряжены, да вмѣсто васъ попалъ въ Москву — по одному неожиданному случаю. Да вотъ и пробылъ тамъ вмѣсто нѣсколькихъ часовъ, какъ полагалъ, пять дней. И такъ взаимное наше согласіе я вамъ самъ привезъ.... а впрочемъ....

Иванъ Ивановичъ всталъ съ мѣста.

Осенецкій испугался этого движенія, забылъ, что судьба предостерегала его, и бросился въ объятія будущаго своего тестя.

— Ну, теперь ко мнѣ!

— Иванъ Ивановичъ, вотъ какое обстоятельство: къ 15-му числу мнѣ должно быть въ Петербургѣ; и если я не потороплюсь туда, то могу потерять дѣло.

— Что жъ мѣшаетъ ѣхать туда женатымъ?

— О, еслибъ только это было возможно!

— Помилуй, Сергѣй Алексѣевичъ, да хоть сегодня женись. Приданое дочерямъ у меня давно заготовлено.

— И такъ поѣздка моя въ Петербургъ отложена на четыре дня, и я ѣду туда вмѣстѣ съ Катенькой?

— Ну, ѣдемъ же сперва ко мнѣ, вмѣстѣ со мной.

Въ нѣсколько минутъ Осенецкій сдѣлалъ новыя распоряженія, сѣлъ въ коляску съ Иваномъ Ивановичемъ, и — къ невѣстѣ.

Чрезъ полчаса Иванъ Ивановичъ сложилъ его руку съ рукой Катеньки. Пелагея Васильевна отрекомендовала ему милліонера Емельяна Герасимовича; онъ завелъ съ нимъ разговоръ, подумалъ-было: что-то глупъ! Но такъ какъ милльонами всегда обладаютъ оригиналы, то вмѣсто: что-то глупъ, онъ подумалъ: что-то страненъ, вѣрно любитъ мистифировать незнакомыхъ ему еще людей.

Сладостное обращеніе Пелагеи Васильевны съ Емельяномъ Герасимовичемъ, и сладостные взоры Полины, заставили Осенецкаго подозрѣвать, что этотъ гость также готовится въ женихи. Съ этой

мыслью, считая себя нѣкоторымъ образомъ лишнимъ на террасѣ, онъ удалился съ Катенькой въ гостиную, и прошепталъ съ ней цѣлый вечеръ о блаженствахъ будущей жизни.

Только одному Ивану Ивановичу было скучно: ему не возможно было пріютиться ни туда, ни сюда. Въ гостиной разговаривали о вещахъ давно извѣстныхъ ему; а на террасѣ — Пелагея Васильевна распространялась о вещахъ, тысячу разъ слыханныхъ и переслыханныхъ. Хотѣлъ-было онъ исправить ошибки жены своей по части хронологіи, но неудачно.—Помилуй, другъ мой, да это случилось не въ твои, а въ мои имянины: какой же громъ бываетъ зимой?—Про какой громъ говоришь ты?—Кто говоритъ про громъ? помилуй, Иванъ Ивановичъ!

На другой день женихъ пріѣхалъ ранехонько; утро началось тѣмъ же, чѣмъ кон-

чили вечеръ; но Иванъ Ивановичъ предостерегся.

— Ну, вы занимайте гостей, — сказалъ онъ,—а я съѣзжу на охоту.

— На охоту? О, и я поѣду съ вами, Иванъ Ивановичъ,—сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

Пелагея Васильевна хотѣла-было удержать его; но ни за что.

— Батюшка всегда выдумаетъ что нибудь всѣмъ на зло! — сказала Полина матери, и раздосадованная ушла въ свою комнату, и не выходила до обѣда.

Емельяну Герасимовичу подвели лихаго охотничьяго коня; какъ богатырь хлопнулъ онъ по сѣдлу, попробовалъ, выдержитъ ли сѣдока. Отправились на полеванье. Покуда охотники выживали зайцевъ изъ лѣсу, Иванъ Ивановичъ разсказывалъ Емельяну Герасимовичу про свои подвиги, какъ онъ на скакунахъ сво-

ихъ перегонялъ зайцевъ, и только два раза въ жизни съ нимъ случилось несчастіе: одинъ разъ сломалъ-было себѣ шею, а другой разъ разбилъ-было въ дребезги голову. Разсказы такъ разгорячили Емельяна Герасимовича, что онъ съ нетерпѣніемъ выжидалъ зайца, чтобъ свистнуть въ слѣдъ за нимъ и вытянуть его арапникомъ. Наконецъ заяцъ шаркнулъ въ поле; только что Емельянъ Герасимовичъ *возрилъ* его, какъ гикнетъ—пріударитъ коня каблуками, и помчался сломя голову. Тщетно косой заяцъ мѣрялъ поле косой саженью, Емельянъ Герасимовичъ догналъ его; вотъ ужъ остается только перепоясать его арапникомъ, а чортъ подставь ногу коню. Конь черезъ голову, Емельянъ Герасимовичъ черезъ голову — и былъ же таковъ случай — пришибъ ладонью зайца, и только крякнулъ.

— Ушибся! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

Налетѣли охотники, прискакалъ Иванъ Ивановичъ; — ну, думаетъ, убился до смерти! — Смотритъ — Емельянъ Герасимовичъ держитъ зайца за уши, да бранится.

— Экая свинья!

— Ахъ ты, чудо какое! зайца за уши изловилъ! — вскричали всѣ охотники въ одинъ голосъ.

— Не ушиблись ли, Емельянъ Герасимовичъ? — сказалъ Иванъ Ивановичъ, соскочивъ съ коня.

— Длинноухой оселъ! — сказалъ поотдувшись немного Емельянъ Герасимовичъ, — безхвостое животное! хотѣлъ уйдти отъ меня! Какъ вы думаете, уйдти хотѣлъ отъ меня! вы видѣли?

— Ну, Емельянъ Герасимовичъ! такого охотника, такой горячности съ роду не видывалъ, да и не слыхивалъ! Броситься на всемъ скаку съ лошади!

— Да какъ же иначе, — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, приподнимаясь съ земли; — эге! смотрите пожалоста, нога-то у меня не ходитъ!

— Вѣрно вы помяли ее!

— Я помялъ! съ какой стати я помну собственную свою ногу!

— Вамъ шутки! — сказалъ Иванъ Ивановичъ, нахохотавшись самъ вдоволь и приказывая подать дрожки.

Подали дрожки. Поѣхали домой. Разсказовъ-разсказовъ о чудѣ, которое совершилъ Емельянъ Герасимовичъ; а между тѣмъ онъ долженъ былъ прилечь въ постелю; послали за костоправомъ. Полина въ отчаяніи.

Два дня пролежалъ Емельянъ Герасимовичъ въ постелѣ, браня зайца то осломъ, то скотомъ, за то что помялъ ему ногу; на третій, сталъ прохаживаться по комнатѣ съ костылемъ. Это былъ день,

назначенный для бракосочетанія Осенецкаго и Катеньки. Свадьба игралась въ домѣ Ивана Ивановича, потому что въ домѣ жениха все уложено было въ дорогу, и молодые, послѣ свадебнаго вечера, должны были отправиться въ путь.

Когда раздалась въ залѣ музыка, Емельянъ Герасимовичъ не утерпѣлъ. Онъ кликнулъ камердинера, который ходилъ за нимъ, осыпаемый его щедростями.

— Что тамъ такое?

— Балъ, сударь, гостей наѣхало тьма!

— Такъ давай, братецъ, одѣваться!

— А ножка-то?

— Ножка ничего, пойдетъ куда велятъ.

— Правда, съ костылькомъ можно выйдти, — отвѣчалъ камердинеръ, и немедленно же обрилъ, завилъ, причесалъ Емельяна Герасимовича, нарядилъ во фракъ; и вотъ, онъ, опираясь на костыль, неожиданно явился въ залѣ. Полина вспыхнула,

Пелагея Васильевна стала всѣмъ рекомендовать его. Всѣ гости знали уже и о богатствѣ и о подвигѣ Емельяна Герасимовича — всѣ смотрѣли на него какъ на чудо.

Въ числѣ гостей былъ помѣщикъ Потанинъ, высокій, худощавый старикъ, въ напудренномъ и завитомъ парикѣ съ косой, съ зонтикомъ на глазахъ, въ сертукѣ, въ плисовыхъ сапогахъ и также съ костылькомъ въ рукѣ. Онъ считался безроднымъ холостякомъ. Единственная его племянница вышла, безъ его позволенія, за бѣднаго человѣка, и онъ не считалъ ее племянницей; а потому-то нѣкоторые добрые люди, желая поступить на вакансію родственниковъ, изъявляли ему родственную любовь, льстили самолюбію и потакали капризамъ. Но болѣе всѣхъ успѣла добрая душа, нѣкая вдова Фекла Савишна Храброва. Радушно взялась она

примирить дядю съ племянницей. Для этого необходимо ей было пріобрѣсти довѣренность и любовь старика. Фекла Савишна и не щадила усилій. Какъ только старикъ захвораетъ, тутъ-то она и явится съ участіемъ и заботами. Подаетъ лекарство, перевязываетъ ногу, вяжетъ чулокъ подлѣ его розвальней-кресelъ и разсказываетъ ему розсказни; а когда старику получше, то передаетъ его на попеченіе своей Уляши. Уляша водитъ его по саду; онъ ласкаетъ ее какъ попечительную дщерь свою; а она нѣжитъ его какъ папиньку. Такимъ образомъ дѣло понемногу устроилось такъ удачно, что Храброва переѣхала наконецъ въ домъ къ нему, и приняла все въ полное распоряженіе. Племянница нѣсколько разъ порывалась пріѣхать къ дядѣ; но Фекла Савишна удерживала ее отъ этихъ порывовъ.

— Избави Богъ, не показывайтесь те-

перь на глаза, все дѣло испортите! такъ золъ на васъ, что, чего добраго, лишитъ наслѣдства! Дайте срокъ, я все улажу въ вашу пользу.

И точно все уладила.

Разболится старикъ, и возьметъ его грусть, что около него ходятъ чужіе, нѣтъ роднаго сердца подлѣ.

— Знаетъ, что я болѣнъ, а не пріѣдетъ! Скажи пожалоста, какъ будто я не имѣлъ права сердиться, что она вышла безъ моей воли замужъ! Кажется, можно было бы сдѣлать эту честь дядѣ; да еще и какому дядѣ! отъ котораго зависитъ все состояніе!

— Какъ же, смотрите пожалуй, ждетъ, чтобъ вы поѣхали сами къ ней съ извиненіемъ, а къ мужу съ визитомъ. Вѣдь онъ, видишь, капитанъ, такъ не хочетъ унижать себя, пріѣхать къ отставному корнету.

— А посмотрю я, какъ-то они будутъ капитанствовать безъ корнетской помощи.

— И, батюшка, знаютъ они, что какъ умрете, все имъ достанется.

— Посмотримъ, какъ-то достанется! Нѣтъ, Фекла Савишна, твои родныя заботы обо мнѣ я не забуду!

— Что вы это, Богъ съ вами! что вы говорите?

— Да, откажу тебѣ и Уляшѣ!

— Нѣтъ-нѣтъ-нѣтъ! сохрани Господи, такого грѣха принять на душу!

— Какъ хочешь; а ужь это рѣшено!

— Вы рѣшайте, а я перерѣшу.

— Ха, ха, ха! это какъ!

— А такъ; вы откажете мнѣ, а я передамъ все законной наслѣдницѣ.

— Ну, пусть хоть такъ; по крайней мѣрѣ, она тебѣ будетъ обязана всѣмъ; не хотѣла моего, пусть получаетъ изъ жалости чужое благодѣяніе!

— И, полноте, Эразмъ Львовичъ, — сказала сквозь слезы Фекла Савишна, я право ужь и не считаю себя чужой ни вамъ, ни ей.

Такимъ и подобнымъ образомъ Фекла Савишна обработала дѣльцо во славу благодѣтельной души своей. Однажды, во время приступа болѣзни, потерявъ надежду на жизнь, старикъ заготовилъ актъ, по которому Фекла Савишна покупала все движимое и недвижимое его имѣнье. Оставалось явить актъ въ присутственномъ мѣстѣ; но къ неожиданному горю Феклы Савишны Эразмъ Львовичъ снова поднялся на ноги.

Въ это-то время случилась свадьба Осенецкаго, и, Эразмъ Львовичъ Потанинъ, какъ важное лицо въ околоткѣ, былъ званъ въ посаженые отцы. Но такъ какъ онъ составляетъ важное лицо и въ будущей судьбѣ Емельяна Герасимовича,

то мы прилагаемъ здѣсь его біографію. Онъ родился на свѣтъ суровымъ, или, если угодно, серьёзнымъ, и даже не унизилъ себя первымъ младенческимъ крикомъ; съ самой той минуты, когда мать приняла его на руки, до возраста отроческаго онъ ни разу не улыбнулся, ни разу не заплакалъ. Удивленія его уму раздавались со всѣхъ сторонъ. Въ семь уже лѣтъ курточка замѣнена была фракомъ, и отецъ его, вельможа, человѣкъ высокаго этикета, называлъ уже сына: monsieur, и вмѣсто мадамъ и гувернера, нянекъ и мамокъ, назначилъ при немъ штатъ изъ двухъ компаньёновъ, одного инспектора ученія, нѣсколькихъ профессоровъ, и опредѣлилъ къ нему особенную прислугу, особенные экипажи, словомъ, на особенную половину сына все особенное. На половину отца и матери онъ долженъ былъ уже являться самъ и запросто только въ опредѣленный часъ

утра, во время завтрака; во все остальное время онъ былъ у отца и матери не иначе какъ по приглашенію, строго соблюдая этикетъ одежды и всѣ формалитеты большаго свѣта и изысканнаго приличія, и въ такомъ случаѣ его сопровождали компаньёны, инспекторъ ученія и одинъ изъ профессоровъ.

Когда онъ подходилъ къ отцу, отецъ встрѣчалъ его всегда вопросомъ:

— Monsieur Erasme, какъ ваше здоровье? И потомъ, обращаясь къ штату: messieurs, садитесь завтракать съ нами.

Когда онъ подходилъ къ рукѣ матери, она нѣжно произносила:

— Mon fils, какъ вы провели время вчера?

Послѣ этого инспекторъ ученія произносилъ какую нибудь сентенцію; а компаньонъ французъ начиналъ читать вслухъ новый листокъ какой нибудь парижской

газеты, дополняя чтеніе своими сужденіями, что и составляло пищу высокопочтеннаго родителя Эразма Львовича для разговора въ продолженіи цѣлаго дня.

При этомъ воспитаніи, основанномъ на всѣхъ возможныхъ вѣжливостяхъ, гдѣ умъ вставленъ въ золотыя рамки, а чувства въ бордюрахъ, Эразмъ Львовичъ, вступя въ юношескій возрастъ, смотрѣлъ уже министромъ иностранныхъ дѣлъ, и слѣдовательно все, что не касалось до иностранныхъ дѣлъ, считалъ для себя дѣломъ постороннимъ. Съ важной, холодной, неприступной осанкой онъ возмужалъ, и еслибъ не страшное слово *недоросль*, никогда бы онъ, полный правительственнаго ума и знанія свѣта, постигнувшій духъ всѣхъ авторитетовъ европейскихъ, прочитавшій всѣ рѣчи и débats, изучившій всѣ государственныя науки и понявшій требованія времени, никогда бы онъ не поставилъ себя въ тягостныя отношенія

службы исполнительной, службы рабочей. Онъ могъ судить о государственныхъ дѣлахъ, рѣшать ихъ, распоряжаться, приказывать, но дѣлать дѣло — не его было дѣло. Это было ниже его подошвы. Вступивъ въ службу по деспотической необходимости, онъ сталъ на ту точку, съ которой люди въ самомъ дѣлѣ кажутся презрительны, стараясь чѣмъ нибудь прикрыть отъ свѣта свое невѣжество, недостатки и лохмотья бѣдности, стараясь хоть поддѣлаться подъ людей, отъ которыхъ люди же требуютъ не чувствъ и совѣсти, а модной образованности, европеизма, приличной одежды, приличнаго экипажа, приличнаго помѣщенія, и даже приличнаго угощенія, и даже всего того, чего нельзя добыть во сто лѣтъ трудолюбивой честной жизни, за сто жалованьевъ, а можно добыть за одну низость, за одно беззаконіе, за уступку души своей какому нибудь богачу и — все

явится. Оказывая презрѣніе всѣмъ презрѣннымъ, которые продавали души свои другимъ, Эразмъ Львовичъ любилъ однако же тѣхъ, которые продавали свою душу лично ему. Когда дѣло касалось до его особы, то это было совсѣмъ другое дѣло: передъ нимъ можно было рабствовать и безъ униженія падать въ прахъ и ползать; собственно для него, можно было и ограбить нищаго, и содрать кожу съ безсильнаго; лично ему можно было льстить въ глаза безъ всякаго опасенія и въ полной увѣренности на милость. Пріобрѣтя на службѣ званіе, которое не считалось въ свѣтѣ презрѣннымъ, Эразмъ Львовичъ вышелъ въ отставку, тѣмъ болѣе, что благопріобрѣтенное наслѣдіе отцовъ перешло въ его руки. Надо было заняться преобразованіемъ имѣнія по европейскимъ системамъ управленія и хозяйственной экономіи. Иностранные физики, механики и экономы съ новыми те-

оріями и *великими* проэктами, окружили Эразма Львовича, и онъ отправился съ ними просвѣщать души своя. Повѣсилъ голову міръ сельскій;—ну, братцы, говоритъ, пришли послѣднія времена! — По цѣлому имѣнью ломка да перестройка. То прудъ не на мѣстѣ — и давай засыпать прудъ съ родниками, рыть на другомъ мѣстѣ, проводить въ него воду изъ-за тридевять земель; то деревня глупо стоитъ, по косогору надъ рѣчкой, и вези деревню съ набережной на чистое поле; то фруктовый садъ гадость, ничего въ немъ не ростетъ, кромѣ яблоковъ, крыжовника, рябины, малины да смородины— долой его! Баринъ яблошныхъ пироговъ не кушаетъ, рябиновки, малиновки и смородиновки также не кушаетъ — сади на мѣсто сада англійскій паркъ, усыпай дорожки! «Пріѣхали изъ чужа заботы, пошла работа!» Огородная теорія примѣнена къ полевой практикѣ. На словахъ

красно, на бумагѣ ясно, а на дѣлѣ тьма кромѣшная: то начато съ конца, то посажено корнями вверхъ. Большая часть имѣнья была уже заложена въ Опекунскомъ Совѣтѣ; но объ этомъ Эразмъ Львовичъ и не помышлялъ; мысль, что онъ все совершенствуетъ, была выше всего.

Съ этого времени начались преслѣдованія его сердца. Все столичное потомство амазонокъ облачилось въ женское всеоружіе; но вести противъ него атаку бальными тактическими построеніями было невозможно: онъ уклонялся отъ каре мазурокъ и кадрилей, и отъ колоннъ экосесовъ и матрадуровъ. Церемоніальный маршъ польскаго для него не былъ опасенъ. Нѣсколько отчаянныхъ застрѣльщицъ, изъ породы *Дели*, стали дѣйствовать въ разсыпную, метать взорами и словами; но онъ положилъ ихъ на мѣстѣ. Что было дѣлать — пришлось ловить его

какъ дикаго звѣря засадами и сѣтями. Подготовятъ въ засадѣ какую нибудь свою телушку—Юленьку, или овечку—Любеньку, и выжидаютъ, какъ волкъ бросится на нихъ. Какъ бы казалось волку не попасть въ дураки: телушка и овечка такъ вкусно смотрятъ, только что не говорятъ: съѣшь меня, ангелъ мой!

Но волкъ былъ остороженъ: съѣсть съѣлъ, а въ западню не попалъ. Словомъ, Эразмъ Львовичъ въ самомъ дѣлѣ смотрѣлъ на всѣхъ русскихъ невѣстъ не иначе, какъ на добрыхъ домашнихъ животныхъ, которыя даже граціозно и приласкаться не умѣютъ, не только чтобъ чувствовать изступленную страсть—пламенѣющую, пылающую, пожирающую, съ раскаленными очами, огнедышущими устами, онъ хотѣлъ замирать въ объятіяхъ какъ Лаокоонъ, удавленный змѣею, хотѣлъ, чтобъ хищный поцѣлуй рвалъ его, какъ воронъ

Прометея. Чтобъ испытать эти наслажденія, онъ поѣхалъ въ Италію, и подъ пленительнымъ небомъ нашелъ очаровательнаго демона, а въ немъ искомый идеалъ женщины. Сочетавшись съ нимъ законнымъ бракомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ однакожъ, прекрасный мужчина Эразмъ Львовичъ возвратился въ Русь безъ жены, хворымъ, дряхлымъ, измятымъ, скомканнымъ, словомъ—годнымъ только для фонъ-доктора. Возненавидѣвъ людей и демоновъ, онъ поселился въ разстроенномъ своемъ имѣніи, и сталъ жить посреди огромной дворни своей, одинъ одинехонекъ, какъ медвѣдь въ берлогѣ, довольствуясь лапой. Не смотря на уединеніе, у него сохранялся въ домѣ полный придворный этикетъ стараго времени. По всѣмъ комнатамъ дремали напудреные, съ косами, въ полной ливреѣ, въ башмакахъ и чулкахъ, слуги, въ ожиданіи клички или прохожденія по комнатамъ своего грознаго

барина. Прошло нѣсколько лѣтъ, ливрея изтерлась, шелковые чулки замѣнились нитяными, башмаки чѣмъ-то въ родѣ котовъ; но ремонта ничему не было; баринъ, какъ будто не видя самому себѣ обновленія, не любилъ ни въ чемъ обновленій; разноцвѣтныя заплаты на заплатахъ французскихъ кафтановъ ничего не значили — онъ къ нимъ привыкъ какъ къ пластырямъ на своемъ тѣлѣ; но избави Богъ, дыра, или неопрятность!

— Лодырь! свинопасъ! въ конюшню его!

Но всего интереснѣе были огромный оркестръ и капелла безъ капельмейстера, которому онъ въ числѣ прочихъ иностранцевъ отказалъ изъ экономіи пяти тысячь рублей жалованья, увѣренный, что музыканты его и пѣвчіе знаютъ столько уже свое дѣло, что могутъ обходиться безъ учителя. Года въ два, въ три, ин-

струменты и голоса, безъ ремонта и дирижированія, стали выражать собою хаосъ: духовые передулись, струны перетерлись, басъ осипъ, дискантъ пѣлъ басомъ, контръ-альтъ въ носъ теноромъ. Эразмъ Львовичъ постепенно привыкалъ къ этой разладицѣ, и всякой день послѣ обѣда засыпалъ подъ музыку и пѣнье.

Когда пріѣхала къ нему гостить племянница, жившая у отчима, домъ нѣсколько оживился. Эразмъ Львовичъ развернулся; сдѣлалъ для племянницы балъ, пригласилъ сосѣдей. Въ это время явилась въ домѣ и угодливая Храброва съ дочерью. Она была изъ рода тѣхъ женщинъ, которыя, гдѣ угодно вмѣшаются въ домашнія заботы, хлопочутъ, бѣгаютъ, передаютъ приказы, помогаютъ все дѣлать, величаютъ лакеевъ по имени и по отечеству, льстятъ и угождаютъ всѣмъ и каждому, начиная съ барина до цѣпной собаки на дворѣ.

Недѣли въ двѣ, она поставила себя на ноги въ домѣ Эразма Львовича, и проводила племянницу его какъ заботливая хозяйка, въ хлопотахъ, чтобъ чего нибудь не позабыли, чтобъ все хорошо было уложено; даже сама посадила ее въ коляску и обложила подушками.

Возвратясь съ проводовъ, она сказала Эразму Львовичу, что пробудетъ еще денекъ у него, чтобъ онъ не скучалъ, разставшись съ племяницей, а потомъ поѣдетъ домой.

— Радъ, радъ, погости, погости, Фекла Савишна!—сказалъ Эразмъ Львовичъ.

Вотъ Фекла Совишна и сама рада угодить доброму человѣку, погостила недѣльку, потомъ пріѣхала навѣстить, и еще погостила, потомъ еще, а наконецъ и переселилась въ домъ. А между тѣмъ племянница Эразма Львовича вышла замужъ, не предувѣдомивъ о томъ дядю; онъ надулся,

получивъ отъ нее письмо; Фекла Савишна пораздула искорку; Эразмъ Левовичъ разсердился на племянницу; Фекла Савишна подложила разнаго сору; Эразмъ Львовичъ пришелъ въ страшный гнѣвъ, et cetera.

Фекла Савишна хоть и съ тылу дура, а смѣтливая женщина; тотчасъ поняла, что Эразмъ Львовичъ власть свою ставилъ выше всего и слѣдовательно не любилъ баловать всѣхъ его окружающихъ исполненіемъ ихъ желаній. Фекла Савишна знала, какъ ставить все по своему: хочется ей спать, она таращитъ глаза, и говоритъ: что̀-это, пѣтухи? а я думала часъ девятой, у меня и зерна маковаго въ глазу нѣтъ.— Откашлянется и заведетъ протяжную рѣчь.

— Рада болтать цѣлую ночь! —подумаетъ Эразмъ Львовичъ, и позвонитъ въ колокольчикъ.

— Что̀-это, ужъ спать, Эразмъ Львовичъ?

— Спать! отвѣчаетъ Эразмъ Львочъ.

И обратно: если Феклѣ Савишнѣ не хочется еще спать, хочется болтать; а Эразмъ Львовичъ зѣвнетъ разъ, другой, и послѣ третьяго непремѣнно бы позвонилъ.

— Ужь поздо, Эразмъ Львовичъ, вамъ соснуть ужь время.

— Вѣрно тебѣ хочется спать?

— Хочется.

— Пустяки, сиди, Фекла Савишна!

И Эразмъ Львовичъ зѣвомъ зѣваетъ, а не отпускаетъ Феклу Савишну отъ себя, покуда Фекла Савишна, почувствовавъ дремоту, не скажетъ:

— Скажите пожалоста, заговорилась и совсѣмъ разгулялась, маковаго зерна въ глазу нѣтъ!

— Ты радехонька проболтать цѣлую ночь, — скажетъ Эразмъ Львовичь и позвонитъ.

Такимъ оаразомъ очень хорошо примѣнилась Фекла Савишна къ нраву Эразма Львовича; если напримѣръ Филька на грошъ провинился, а ей нужно выжить его со двора вонъ, стоитъ только Феклѣ Савишнѣ попросить за него усерднѣе прощенія и сказать, что Филька чудо человѣкъ, что безъ него въ домѣ обойтиться нельзя.

— А вотъ я покажу, какъ безъ него можно обойтиться!—скажетъ Эразмъ Львовичъ и Фильку къ чорту.

И обратно: нужно виноватаго оправить, стоитъ только сказать Феклѣ Савишнѣ: скажите пожалоста, каковъ! о, ужь я бы его!

Откуда возмется въ Эразмѣ Львовичѣ великодушіе прощать.

Но довольно покуда объ Эразмѣ Льво-

вичѣ; возвратимся на свадьбу, въ домъ Ивана Ивановича.

— Какъ жаль, что вы не танцуете, Емельянъ Герасимовичъ! — сказала Полина.

— Еще успѣемъ натанцоваться! — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, — время не уйдетъ.

— Почему знать! — сказала Полина, вздохнувъ.

— Какъ почему знать? Я ему не позволю шагу сдѣлать: будь тутъ, и кончено!

Полина поняла таинственный смыслъ этихъ словъ и покраснѣла.

— Но вы можетъ быть не долго у насъ погостите?

— Я? какъ, я? я вѣчно вашъ!... А это что за уродъ? — отвѣчалъ и спросилъ въ одно время Емельянъ Герасимовичъ, такъ, что всякой почелъ бы его за ловкаго во-

локиту, который хитро замялъ вопросомъ отвѣтъ, въ которомъ заключалось полное объясненіе въ любви.

— Это одинъ чудакъ,—отвѣчала Полина, упоенная отвѣтомъ Емельяна Герасимовича, и торопливо отошла отъ него, чтобъ утаить отъ всѣхъ свои чувства.

— И каковъ еще чудакъ! На головѣ баранья шапка съ курдюкомъ! въ спальныхъ сапогахъ! — продолжалъ Емельянъ Герасимовичъ вслухъ, не замѣтивъ, что Полина удалилась.

А Эразмъ Львовичъ, замѣтилъ, что Емельянъ Герасимовичъ довольно неучтиво разсматриваетъ его, и въ свою очередь уставилъ на него глаза, хочетъ сглазить его презрительнымъ взоромъ.

Но Емельяна Герасимовича не смутишь и не сглазишь.

— А что, — сказалъ онъ, сѣвъ подлѣ старика, — вы также похрамываете?

— Похрамываю; извините, не знаю какъ васъ звать! — отвѣчалъ сурово Эразмъ Львовичъ, и вставъ съ мѣста, подошелъ къ Феклѣ Савишнѣ, которая тутъ же была съ дочерью.

— Ты, матушка, не знаешь, кто этотъ хромоногій молодецъ въ очкахъ?

— Это? женихъ Полины Григорьевны,— прошептала Фекла Савишна; ужь это я вѣрно знаю.... деньгами милльонъ въ наслѣдство получилъ, скупаетъ имѣнья. Иванъ Ивановичъ сбылъ ужь ему деревеньку, а Пелагея Васильевна сватаетъ дочку; дѣло на ладъ идетъ.... Вотъ бы, батюшко, Эразмъ Львовичъ, покупщикъ на ваше имѣнье!

— Это вѣрно?

— Какъ святъ Богъ!

— Ну, я его отдѣлалъ! Да на чтожъ это похоже: зовутъ въ домъ незнакомыхъ и не рекомендуютъ ихъ другъ другу! Онъ

чортъ знаетъ за кого меня принялъ! мнѣ теперь и сойтиться съ нимъ нельзя.

— А что жъ такое случилось, Эразмъ Львовичъ?

Въ это время къ Эразму Львовичу подошла Полина, и просила его отъ имени отчима играть въ бостонъ.

— Скоро ли, Полина Григорьевна мы на вашей свадьбѣ будемъ? — спросилъ онъ, взявъ ее за руку и идя черезъ залу.

— Почему я знаю, Эразмъ Львовичъ, — произнесла стыдливо Полина.

— Посмотрите-ко на меня.... о, знаете! — сказалъ Эразмъ Львовичъ, взглянувъ пристально на нее: — а скажите-ко мнѣ, кто этотъ господинъ съ костылькомъ.... вѣрно ушибъ ножку?...

— Это.... начала-было Полина, вся вспыхнувъ.

— Да, вотъ этотъ самый.

Полина смутилась, и не знала что отвѣчать; къ счастію, ее ангажировали на кадриль, и она, сказавъ старику: извините! торопливо отошла отъ него. А между тѣмъ Фекла Савишна успѣла уже подсѣсть къ Емельяну Герасимовичу.

— Какая хорошенькая молодая!—сказала она.

— Прехорошенькая!—отвѣчалъ онъ.

— Вотъ ужь можно всякому пожелать такую жену! ангелъ! и съ хорошимъ состояньемъ. Полинѣ Григорьевнѣ не достанется ужь того, что ей.

— Отъ чего же?—спросилъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Какъ отъ чего? вѣдь она приходится падчерица Ивану Ивановичу, а имѣнье-то все его.

— Неужели?

— А вы не знали? такъ стало быть вы очень недавно знакомы здѣсь въ домѣ?

— Очень недавно,—отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ, — съ недѣлю.

— Не больше?... что жъ въ недѣлю узнаешь!... Да, Полинѣ Григорьевнѣ не будетъ такого приданаго. Правду сказать, лучшему лучшенькое.... конечно, и Поленька очень хороша собою, по красотѣ — безприданница, а по нраву — Богъ съ ней!

— А что? — спросилъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Зленька!... На нее самъ Богъ не угодитъ, гдѣ ужь людямъ угодить. Уваженья отъ нее ни старому, ни малому; а что кокетка, такъ ужь кокетка, любитъ поклонниковъ! Теперь у нее въ милости вотъ этотъ что танцуетъ съ ней. Представьте себѣ, молодой человѣкъ ужь за

двадцать лѣтъ, давно бы на службу пора, а она его съ ума сводитъ. Да добро бы влюбилась, да вышла замужъ — куда! мужа-то намъ надобно гербъ съ короной, а мошна съ милліономъ.... нѣтъ! она неспособна любить!

— Такъ вотъ она какая! — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— А какъ бы вы думали; и умно и расчетливо: приданаго-то только деревнишка душъ пятдесятъ, земли довольно, да безплодна. Невыгодна, такъ хотятъ продать повыгоднѣе; а вѣдь есть же люди, для которыхъ лишняя деньга тягота душѣ. А счастье-то какое! всякой день являются покупщики; правда, что посмотрятъ да и отступятся. Ну, да были бы покупщики, найдется и слѣпой между ними. Вотъ, Эразму Львовичу, что сейчасъ сидѣлъ на моемъ мѣстѣ....

— Герасимъ Львовичъ? вотъ этотъ чудакъ?—спросилъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Да, да, да! правда, что страненъ немножко; да за то какой добрѣйшій человѣкъ!... Такъ вотъ, у него продается имѣнье.... богатѣйшее имѣнье, за безцѣнокъ!... Ахъ, еслибъ вы видѣли, что за имѣнье!... Какой домъ, фруктовой садъ, ранжерея; передъ домомъ озеро, рѣка близко.... одно катанье на шлюпкѣ чего стоитъ, да еще какъ съ музыкантами, — рай, да и только! рыбы сколько!

— Неужели? и рыба? Ахъ, да какой я охотникъ, еслибъ вы знали, ѣздить на шлюпкѣ; какой охотникъ ловить рыбу; а до музыки какой охотникъ!

— Посмотрите, ей Богу; а какая музыка-то у Эразма Львовича, цѣлый оркестръ, да капель; какъ поютъ!

— И поютъ?

— Ей Богу, какъ поютъ-то!

— Надо послушать! а далеко отсюда?

— Близенько, версты четыре; да вотъ въ окно видна за лѣсомъ церковь, это село Эразма Львовича.

Полина, во все время разговора Феклы Савишны съ Емельяномъ Герасимовичемъ, безпокойно посматривала на нихъ; наконецъ она пошла и шепнула что-то на ухо матери, которая немедленно же подошла къ своей опасной гостьѣ.

— А я ищу васъ, Фекла Савишна; думала, что Иванъ Ивановичъ посадилъ васъ за бостонъ; да мы свой составимъ.

Пелагея Васильевна взяла ее за руку и повела.

— А я разговорилась.... да знаете ли объ чемъ? О Полинѣ Григорьевнѣ.

— Ахъ, матушка, да кстати ли это?

— Ахъ, Пелагея Васильевна, кстати ли, не кстати ли, хвалить дѣвушку-невѣсту не мѣшаетъ. Вы и про мою Ульяшеньку,

при случаѣ, вѣрно худаго слова не скажете.

— То-то я и говорю, Фекла Савишна, хороша похвала кстати; иной посторонній человѣкъ, Богъ знаетъ, какъ приметъ похвалу.

— Да неужели вы думаете, Пелагея Васильевна, что я навязывалась съ похвалами?... люди сами допрашиваютъ — не молчать же.

Пелагея Васильевна довольна была послѣдними словами; но отклонила разговоръ, предлагая Фёклѣ Савишнѣ *сѣсть по маленькой.*

— Вы скучаете, — сказала Полина, подойдя къ Емельяну Герасимовичу.

— Да немножко скучно, — отвѣчалъ онъ.

— Ахъ, еслибъ вы знали, какая мнѣ скука!

— Скука? отъ чего?

— Какіе вы любопытные!... а я слишкомъ откровенна; скажите, какъ мнѣ не скучать: сестра выходитъ замужъ и уѣзжаетъ. Вы думаете, легко разлучиться мнѣ съ ней, и оставаться одной. А потомъ, я завистлива, я съ завистію смотрю на взаимную ихъ любовь.... Рѣдко удается дѣвушкѣ выйдти по сердцу замужъ.

— Чтожъ дѣлать, вы неспособны любить, Полина.... —Емельянъ Герасимовичъ позабылъ, какъ зовутъ ее по отечеству, и остановился.

— Я неспособна любить?

— Да.

— О, я бы вамъ доказала, еслибъ могла!...

— Ну, докажите!

— Хорошо!

Съ этимъ словомъ Полина скрылась.

Емельянъ Герасимовичъ ждалъ ея доказательствъ; но, къ удивленію его, Полина не показывалась. Начался вальсъ; Емельянъ Герасимовичъ смотрѣлъ-смотрѣлъ на кружащіяся пары, и у него закружилась голова, а наконецъ захотѣлось спать, и онъ ушелъ въ свою комнату.

Передъ разсвѣтомъ уже молодые сѣли въ дормезъ и отправились; вслѣдъ за ними разъѣхались гости. Послѣ хлопотъ, заботъ и трудовъ, весь домъ спалъ непробуднымъ сномъ, не смотря на то, что бѣлый день давно былъ на дворѣ. Только Емельянъ Герасимовичъ всталъ въ обыкновенный свой часъ и по обычаю вышелъ въ садъ, ходилъ около ограды и сердился, что чрезъ каменную стѣну ничего не видно, и нѣтъ калитки въ поле. Вдругъ подлѣ него очутилась Полина.

— И вы уже проснулись?—сказала она; и глаза ея были томны, и отъ косы от-

дѣлено много-много волосъ къ локонамъ, и густые, волнистые локоны клубятся по плечамъ; а плечи небрежно прикрыты дымковой косынкой; а хитрый вѣтерокъ играетъ нескромно съ кисейнымъ утреннимъ халатикомъ.

— Ахъ, Полина.... Полина....

Припоминая съ досадой отечество, Емельянъ Герасимовичъ такъ произнесъ имя, что Полина въ произнесенномъ только имени слышала признанiе страстной любви, которая не находитъ словъ.

— Дайте мнѣ руку,—сказала она томнымъ голосомъ.

— Что жъ доказательства? — спросилъ Емельянъ Герасимовичъ.

— О, Боже мой, какихъ вы еще требуете доказательствъ! — И она своими руками сжала его руку.

— Какъ какихъ?

— Какихъ, скажите!

— Если любите, такъ и замужъ пойдете за того, кого любите?

— Для чего этотъ вопросъ?

— Какъ для чего?

— Да; я хочу знать.

— О, да какія вы любопытныя!

— Ну, скажите! для меня!

— Скажите! я сказалъ все безъ церемоній, я не люблю долго разговаривать; а теперь вы скажите, я васъ спрашиваю.

— Ахъ, сядемте, мнѣ что-то дурно, голова кружится.

И Полина сѣла на скамейку, Емельянъ Герасимовичъ подлѣ нее; она приклонилась къ его плечу.

— Я все сказала, — продолжала тихо Полина.

— Нѣтъ. не сказали,—отвѣчалъ Емель-

янъ Герасимовичъ,—я хочу знать, правда ли, что вы хотите, чтобъ у вашего мужа былъ гербъ съ короной, да мошна съ мильономъ?

Полина вздрогнула, какъ послѣ безчувствія; глаза ея вспыхнули, губы задрожали.

— Вы шутите надо мной! — проговорила она.

— Ей Богу не шучу!—отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ; — хоть вы и кокетка, да чтожъ мнѣ шутить, не мнѣ жениться на васъ, вѣдь вы безприданница, а я голая сирота.

Полина вскочила, бросила взоръ презрѣнія на Емельяна Герасимовича и съ пронзительнымъ крикомъ упала на землю.

— Вотъ тебѣ разъ! припадокъ! — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, поднявъ ее и посадивъ къ себѣ на колѣна;—точно.... какъ бишь ее?

— Прочь!—вскричала Полина.

— Невозможно, — отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ, — опять упадете.

На крикъ Полины прибѣжала горничная, взглянула издали, убѣжала назадъ и вскорѣ Пелагея Васильевна и вся ея дѣвичья явились передъ Емельяномъ Герасимовичемъ. Что такое? что такое? Полина!

— Избавьте меня отъ этого низкаго человѣка! — вскричала Полина, едва переводя дыханіе, и вырвавшись изъ рукъ Емельяна Герасимовича.

— Что это значитъ, сударь? — вскричала и Пелагея Васильевна.

— Припадокъ! — отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Не вѣрьте, маминька! это какой-то мерзавецъ!

— Какъ вы смѣете дѣлать дерзости

моей дочери!—вскричала Пелагея Васильевна.

— Вонъ его!—вскричала и Полина.

— Извольте, сударь, вонъ идти, покуда я не велѣла....

— Что такое? что такое? — раздался голосъ Ивана Ивановича.

— Извольте оставить нашъ домъ! а не то, я не посмотрю, что вы мильонщикъ!...

— Что такое? за что ты его гонишь, душа моя?

— За что?—сказалъ Емельянъ Герасимовичъ; — зато, что ваша кокетка Полина съ ума сошла.

— Мерзавецъ, вонъ!—вскричала снова Полина.

— Вонъ, сударь, говорю вамъ, вонъ; ей, люди! вонъ его!—вскричала и Пелагея Васильевна, вслѣдъ за дочерью.

Иванъ Ивановичъ пожалъ плечами.

— Э, другъ! я не думалъ, что ты таковъ, молодецъ! да ты на всѣ руки бьешь!... Если такъ, такъ убирайся вонъ! покуда шелепами не выгнали!

— Знаешь ли что, Иванъ Ивановичъ,— сказалъ Емельянъ Герасимовичъ спокойно.

— Что?—спросилъ Иванъ Иванови чъ.

— Что такое? — спросила Пелагея Васильевна.

Полина также внимательно устремила на него свой взоръ.

— А вотъ что: ты, Иванъ Ивановичъ, дурандасъ, жена твоя дурында, а дочь ваша пьфу!

— Вонъ, говорю! Ей, люди!—крикнулъ Иванъ Ивановичъ.

— Ну! люди! вотъ и люди! чтожъ люди? сказалъ Емельянъ Герасимовичъ подбоченясь и торжественно наступая на толпу людей.

При приближенiи его всѣ раздавались, и онъ вошелъ въ домъ, и въ своей комнатѣ залегъ на диванъ.

— Батюшка, Емельянъ Герасимовичъ, что это за казусъ такой? — спросилъ камердинеръ Ивана Ивановича, прибѣжавъ къ нему.

— А вотъ что: Иванъ Ивановичъ дурандасъ, жена его дурында, а дочь — пьфу! пусть на ней чортъ женится.

— Аа! понимаю; такъ вотъ что, дѣло-то ясное.

— И здѣсь оставаться не хочу!

— Господи, какая жалость, сударь! а какъ мы вашими милостями были обязаны!...

— Пантелей, приведи лошадей! да скорѣй, Пантелей!

— Какихъ же, сударь, лошадей? развѣ прикажите натять въ селѣ крестьянскую

подводу, до большой дороги, а тамъ возмете почтовыхъ.

— Хоть подводу, хоть почтовыхъ, хоть ямскихъ, хоть долгихъ — все равно, лишь бы скорѣе наплевать на вашъ домъ! я поѣду къ Герасиму Львовичу.

Черезъ нѣсколько минутъ камердинеръ возвратился съ извѣщенiемъ, что подвода у крыльца. Емельянъ Герасимовичъ надѣлъ свой дорожный длинный сертукъ, на бекрень шляпу; камердинеръ взвалилъ на плеча чемоданчикъ, уложилъ его въ повозку, усадилъ Емельяна Герасимовича, пожелалъ ему благополучнаго пути, и — Емельянъ Герасимовичъ отправился на парѣ кобылокъ, между тѣмъ какъ Пелагея Васильевна и Иванъ Ивановичъ считались: Иванъ Ивановичъ имѣлъ неосторожность поздно объявить ей, что онъ пошутилъ, рекомендовавъ Емельяна Герасимовича за мильонщика.

— Ктожъ онъ такой?—спросила Пелагея Васильевна.

— А чортъ его знаетъ! — отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.

Съ этого и началось, да до того дошло, что Иванъ Ивановичъ снова въ коляску, да опять вонъ изъ дому.

— Куда жъ, баринъ, ѣхать? —спросилъ крестьянинъ Емельяна Герасимовича, выѣхавъ за ворота.

— А видишь за лѣсомъ село? ступай туда.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О томъ, какъ Емельянъ Герасимовичъ превратился въ чародѣя, открылъ всѣ шашни Феклы Савишны и дочери ея Уляши, и выжилъ ихъ изъ дому.

Дорогой Емельянъ Герасимовичъ хватился, что у него на глазахъ нѣтъ очковъ.

— Ну, прахъ ихъ возьми! стеклянные глаза! — сказалъ онъ, — простыми лучше видно.

Черезъ часъ подвода притащилась въ село.

— Въ господской домъ прикажете, баринъ?

— Разумѣется.

— Дома баринъ? — спросилъ Емельянъ Герасимовичъ у крестьянина, подъѣхавъ къ крыльцу и выскочивъ изъ телѣги.

— Дома, — отвѣчалъ крестьянинъ.

Емельянъ Герасимовичъ вбѣжалъ въ переднюю, и остановился отъ удивленія, смотря на толпу слугъ, въ замасленыхъ синихъ французскихъ кафтанахъ, въ красныхъ штанахъ, въ башмакахъ съ пряжками; головы взбиты и напудрены.

— Дома?

— Дома-съ, да нездоровы-съ; какъ прикажете доложить? мы доложимъ Феклѣ Савишнѣ.

А Фекла Савишна легка на поминѣ.

— Олухи! сколько разъ говорить мнѣ!... Ахъ! — крикнула она, выставивъ голову въ

переднюю и замѣтивъ Емельяна Герасимовича. — Ахъ, Емельянъ Герасимовичъ! покорнѣйше прошу, садитесь, я сейчасъ доложу Эразму Львовичу.

Фекла Савишна выбѣжала; а Емельянъ Герасимовичъ присѣлъ въ гостиной и посматривалъ на обстановку и убранство комнаты, во вкусѣ эллинскихъ хитростей. На потолкѣ засѣдалъ весь олимпъ; сонмъ боговъ, не извѣстно по какому случаю, имѣлъ тутъ собраніе, вѣроятно по случаю нанесенной Венерой обиды Вулкану, ибо она, какъ подсудимая, находилась посрединѣ плафона, и, безъ сомнѣнія, за наказаніе держала нѣжной своей рукой огромную хрустальную люстру—того и гляди что выронитъ и — въ дребезги! По широкимъ карнизамъ Амуры, придерживая также безсильными руками массивные гиспсовые фестоны, стояли въ послѣдней позитурѣ, какъ балетные геніи на сценѣ передъ публикой, *учинивъ* улыбающееся лицо, а

мочи нѣтъ какъ замучились отъ свободныхъ движеній, легкости и непринужденности. Голубыя, шелковыя обои полиняли и почернѣли отъ времени, какъ хромокислое серебро, и на нихъ отпечатались стоящія на тумбахъ позолоченыя алебастровыя граціи, съ канделабрами въ рукахъ. Канапе и кресла были сдѣланы въ видѣ раковинъ, несомыхъ дельфинами; по всѣмъ простѣнкамъ бахусы, которыхъ руки, обратясь въ вѣтви винограда, отягченныя кистями, поддерживали зеркала, подернутыя ржавчиной. Мебель была покрыта цвѣтнымъ трипомъ, окны и двери драпированы прозрачными индѣйскими тканями, усѣянными фантастическими птицами.

— Покорно прошу!—раздался наконецъ голосъ Феклы Савишны.

Емельянъ Герасимовичъ вошелъ вслѣдъ за ней въ кабинетъ Эразма Львовича.

Эразмъ Львовичъ сидѣлъ въ обширныхъ

эпикурейскихъ креслахъ, въ сертукѣ изъ бѣлаго пикэ, на головѣ вмѣсто пудренаго парика бѣлый колпакъ. Съ одной стороны на столикѣ лежали счетныя книги, съ другой, на другомъ столикѣ, огромная чашка съ чаемъ, блюдечко съ вареньемъ, баночка съ мазью, стклянка съ микстурой, пузырекъ съ каплями и коробочки съ пилюлями. Вокругъ старинные шкапы библіотеки. За стеклами рисовались плотные ряды книгъ въ богатыхъ переплетахъ, изданія многотомныя, различающіяся по вычурамъ позолоты, по цвѣту переплетовъ и по надписямъ. Какая роскошь для истиннаго любителя чтенія и просвѣщенія! Какой ученый аристократъ собралъ всѣ плоды человѣческаго ума, питается, наслаждается ими и доставляетъ другимъ и пищу и наслажденіе?

— Очень радъ съ вами покороче познакомиться!... покорно прошу!... Ступай, Фекла Савишна!

— А я къ вамъ, Эразмъ Львовичъ, — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, садясь на стулъ подлѣ него.

— Очень радъ, очень радъ! Фекла Савишна говорила мнѣ, что вамъ хочется посмотрѣть мое имѣнье....

— Да, очень хочется: она говорила мнѣ, что у васъ просто рай.

— Ну, я до такой степени не похвалюсь; а порядочное. А скажите пожалоста, съ Иваномъ Ивановичемъ вы не сошлись?

— Никакъ!

— Фекла Савишна! — крикнулъ Эразмъ Львовичъ, позвонивъ въ колокольчикъ, — достань, моя милая, свертокъ плановъ.... Постой.... ключи отъ шкапа.... кажется здѣсь....

Эразмъ Львовичъ досталъ изъ столика ключи, и долго искалъ въ связкѣ тотъ, который ему нуженъ. Фекла Савишна сто-

яла подлѣ него, протянувъ руку; а Емельянъ Герасимовичъ между тѣмъ поглядывалъ на шкапъ съ книгами, подлѣ котораго сидѣлъ, и читалъ по складамъ оттиснутыя огромными литерами заглавія:

«Журналъ пути отъ незнанія къ невѣжеству, 5 томовъ.

«Куда ушло время, и гдѣ скрывается? ученыя изслѣдованія, 10 томовъ.

«Опытъ о добываніи ума изъ глупости, 2 тома.

«Отчетъ строительной коммисіи о постройкѣ воздушныхъ замковъ, 5 томовъ.

«Слѣдствія о чинимыхъ насиліяхъ природѣ, и послѣдствія, 10 томовъ.

«Допотопная исторія, 20 томовъ.

Что за исторія такая! вскричалъ бы невольно и психологъ, и филологъ, и археологъ, и наконецъ космологъ, вскочилъ бы съ мѣста, разбилъ бы стекло отъ нетер-

пѣнія, что Фекла Савишна медленно отворяетъ шкапъ, въ которомъ заключаются подобныя библіографическія рѣдкости.

Но вотъ шкапъ отворился—глядь—что за исторія?

Емельянъ Герасимовичъ вскочилъ отъ удивленія съ мѣста, смотритъ — точно, дивная исторія! Вмѣсто книгъ на полкахъ связки манускриптовъ, клинообразнаго вавилонскаго письма: журналъ старосты Дорофея о изгоненіи на работы крестьянъ, доношенія сельской канцеляріи, и прочія бумаги; а между прочимъ и свертки землемѣрскихъ плановъ помѣстья.

— Вотъ извольте посмотрѣть!—сказалъ Эразмъ Львовичъ Емельяну Герасимовичу, который разсматривалъ дверцы шкапа, на которыхъ подъ стекломъ наклеены были заглавія многихъ книгъ. — Извольте посмотрѣть! — повторилъ Эразмъ Львовичъ, развертывая планъ; — триста душъ, двѣ

тысячи десятинъ земли, изъ нихъ шестьсотъ десятинъ пахатной; остальная подъ лѣсомъ и выгонами.... Домъ съ садомъ.

— Домъ съ садомъ?—повторилъ Емельянъ Герасимовичъ;—а озеро?

— Вотъ оно.

— Гдѣ?

— Вотъ оно.

— Да чтожъ это такое? — спросилъ Емельянъ Герасимовичъ, смотря на планъ.

— Какъ что?

— Чтожъ мнѣ въ этомъ?

— Мало? я пожалуй и другое имѣнье продамъ: 200 душъ, имянно вотъ это, гдѣ теперь живу, и съ этимъ домомъ ... оставлю за собой третье — маленькое. Это имѣнье дороже во всѣхъ отношеніяхъ: разныя заведенія, домъ, какъ видите, построенъ для жизни широкой, домашній театръ, и цѣлый гардеробъ костюмовъ.... Понравится, я уступлю дешево.

— Какъ дешево? избави Богъ! дешево да гнило! — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Не то чтобъ дешево, цѣна настоящая, умѣренная — двѣсти пятдесятъ тысячь рублей.

— Двѣсти пятдесятъ тысячь рублей? а чтожъ это составитъ?—спросилъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Какъ что составитъ? то есть почемъ душа?...

— Подводчикъ спрашиваетъ, куда прикажете дѣть поклажу?—спросилъ вошедшій слуга.

— Чью поклажу?

— А вотъ ихнюю-съ.... чемоданъ.

— Вноси, братецъ, сюда! — сказалъ Эразмъ Львовичъ;— прошу со мною безъ церемоній; вотъ вамъ и комната близь моего кабинета, располагайтесь какъ дома.

Эй, Егоръ, приготовить, убрать комнату; да внесите вещи.... Такъ вы не сошлись съ Иваномъ Ивановичемъ?

— Никакъ! кто съ нимъ сойдется: онъ дурандасъ, жена его дурында, а дочь — пьфу!

— Хэ, хэ, хэ! да вы скоро ихъ раскусили.... Вотъ въ этакомъ-то сосѣдствѣ пожить! поневолѣ прослывешь медвѣдемъ. Не удивляюсь, что и меня вы почли принадлежащимъ къ этому же стаду? а! признайтесь!

— Признаюсь, вы показались мнѣ такимъ чудакомъ,—сказалъ Емельянъ Герасимовичъ,—что я не зналъ что дѣлать.

— Ну, откровенность за откровенность: когда сказали и мнѣ, что вы женитесь на Полинѣ Григорьевнѣ, такъ я счелъ васъ недальняго ума.

— Нѣтъ, слава Богу, у меня дальній

умъ; не смотря на то, что она кокетка, я сказалъ, безъ церемоній: нѣтъ, сударыня, на безприданницѣ я не женюсь! у меня ни чего нѣтъ за душой, и у васъ также.

— Браво! прекрасно отдѣлались! Стало быть они скрыли отъ васъ, что за ней полтораста душъ, да деньгами тысячь пятдесятъ.

— Не ужели? такъ она съ приданымъ?— сказалъ Емельянъ Герасимовичъ;—какъ же меня обманула эта, какъ-бишь ее, вотъ что у васъ.

— Фекла Савишна?

— Да, да, да! просто обманула!

— Хэ, хэ, хе, очень нужно вамъ приданое!—сказалъ Эразмъ Львовичъ, смѣясь.

— Мнѣ оно и на подметки не нужно; а женѣ очень нужно. Мнѣ что такое, у меня ни въ гербѣ короны, ни въ мошнѣ мильона, пріѣхалъ къ вамъ: здравствуйте,

Герасимъ Львовичъ! — Здравствуйте. — А я къ вамъ. — Милости просимъ, прошу безъ церемоній, располагайтесь какъ дома. — Вотъ я и располагаюсь. Мнѣ не нужны ни деньги, ни шляпки; салоповъ также не нужно.... и какъ бишь они.... вѣеровъ также не нужно, и башмаковъ не нужно.

— Я васъ не понимаю, — сказалъ Эразмъ Львовичъ, пораженный словами Емельяна Герасимовича.

— Что жъ тутъ непонятнаго, слова какъ слова, — продолжалъ Емельянъ Герасимовичъ; — я теперь круглый сирота, совершенно круглый, хоть шаромъ покати. Пришелъ къ вамъ, а вы какъ слѣдуетъ безпріютнаго пріютили, голоднаго покормили, чѣмъ Богъ послалъ; жаждущаго напоите хоть водой; дремлющаго спать положите.

— Ого! — повторилъ, вспыхнувъ гнѣвомъ, Эразмъ Львовичъ, — надо-мной шутить

вздумали! Тебя, любезный, кто прислалъ ко мнѣ?

— Меня? никто не присылалъ,—отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ;—меня звала, вотъ эта, какъ-бишь ее, что у васъ?

— Дура Фекла Савишна?

— Да, да, да, именно дура Фекла Савишна.

Усмѣшка смѣнила гнѣвъ на лицѣ Эразма Львовича; но онъ сурово сказалъ:—Любезный! не знаю какъ звать тебя, у меня не балаганъ и не постоялый дворъ.

— Не постоялый дворъ? знаю,—сказалъ Емельянъ Герасимовичъ,—напрасно сердитесь; кто вамъ сказалъ, что я на постоялый дворъ пришелъ? пойду ли я къ мошенникамъ, которые за хлѣбъ и соль деньги берутъ. Да еще добро бы у меня деньги; я бы эти мѣшки начинилъ по горло деньгами и затянулъ веревкой. А

гдѣ жъ у меня деньги? всѣ роздалъ: одному дамъ, а другой: батюшка сударь, пожалуйте и мнѣ, и мнѣ и мнѣ, и всѣмъ сколько есть.

— Ты вѣрно, братъ, комедіантъ?—спросилъ Эразмъ Львовичъ развеселясь.

— Комедіантъ не комедіантъ, а комедію ломалъ; — отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Хэ, хэ, хэ! а въ какихъ роляхъ? на какомъ театрѣ?—продолжалъ Эразмъ Львовичъ, желая позабавиться на счетъ Емельяна Герасимовича.

— Да мало ли; я и перезабылъ. На театрѣ войны, роль Бонапарте, да пожалуй хоть роль Алаферна, которому голову срубили.

— Хэ, хэ, хэ! да ты забавникъ! скажите пожалоста, онъ игралъ роли на театрѣ войны! такъ ты хочешь у меня жить?

— Отъ чего же не жить, очень радъ; только служить надоѣло.

— Ну, нѣтъ, любезный, бездѣльниковъ я не люблю; вотъ видишь, у меня есть театръ, а труппы нѣтъ; хочешь замѣнить собою труппу?

— Отъ чего же, пожалуй, отъ чего жъ не замѣнить; это пустяки.

— Посмотримъ; ты будешь разыгрывать каждый день разныя роли, чтобъ ни мнѣ, ни тебѣ не надоѣло одно и тоже. У меня, любезный, есть полный театральный гардеробъ, слежался безъ употребленія; такъ ты провѣтришь его на плечахъ, а потомъ отправишься промышлять дальше, если мнѣ надоѣшь, или тебѣ это наскучитъ.

— И это дѣло; нѣтъ ложки, хлѣбай гортью, говоритъ Пафнутьичъ.

— Такъ не для чего терять время: на первый разъ ты будешь у меня халдейскимъ звѣздочетомъ, будешь предсказывать судьбу.

Эразмъ Львовичъ позвонилъ, вошелъ камердинеръ.

— Скажи Филипу, чтобъ досталъ изъ театральнаго гардероба костюмъ астролога: хламиду, сандаліи, зодіакъ, остроконечную шапку, жезлъ и весь приборъ; онъ знаетъ. Да не забыть парика и бороды. Потомъ пусть оденетъ этого господина, вотъ въ этой, приготовленной для него комнатѣ. Да смотри, чтобъ Фекла Савишна и Уляша ничего не знали, слышишь?

— Слушаю-съ, отвѣчалъ по обычаю камердинеръ.

Эразмъ Львовичъ, въ ожиданіи, хлопалъ по золотой табакеркѣ и улыбаясь смотрѣлъ изъ подлобья на Емельяна Герасимовича; а Емельянъ Герасимовичъ смотрѣлъ на стѣны и на потолокъ комнаты, которая постепенно изъ богатаго кабинета барича XVIII столѣтія обратилась въ боль-

ничную камеру барина XIX столѣтія. Тутъ нѣкогда между барельефными хитросплетеніями летали посреди цвѣтовъ воинственные амуры, преслѣдуя и поражая губительными стрѣлами нимфъ и грацій; тутъ были шифоньерки въ видѣ греческихъ храмовъ съ бронзовыми колоннами коринѳскаго ордена; тутъ были столы яшмовые и столики штучные, рѣзные на сфинксахъ, на раззолоченныхъ вѣтвяхъ, уставленные разными игрушками, фарфоровыми куклами, антиками и раковинами. Тутъ нѣкогда передъ трюмо надѣвали парики и пудрились, чтобъ скрыть годы, уровнять возрасты, юношѣ придать старости, а старику молодости. Здѣсь французскій шелковый шитый кафтанъ натягивался на русскія плеча, а нѣмецкія *съ позволенія сказать* на ноги, и русскій баринъ радовался, что все на немъ важно, и что онъ походитъ на французскаго нобля. Настала во Франціи ресторація; расплодившіеся аббаты *задали*

тонъ, аристократическій кафтанъ уступилъ мѣсто черному фраку, почтенная важность пудреныхъ париковъ уступила мѣсто любезности верхолетовъ, шаркуновъ, примазанныхъ, раздушенныхъ людей comme il faut, сладкоглаголателей, слагателей хитрыхъ словъ, извѣстныхъ подъ именемъ бон-мо. Кабинетъ преисполнился новымъ духомъ и запахомъ. Важная жизнь перешла въ разгульную, и вскорѣ хозяинъ кабинета заохалъ, прикомандировалъ къ себѣ доктора, и вотъ, вмѣсто eau des Alpes явилась на столикѣ какая нибудь aqua saturnica, вмѣсто huile antique—oleum vitriolum, вмѣсто душистой подушечки за пазухой—припарка изъ ароматическихъ травъ; и вотъ у барина вмѣсто рукъ и ногъ—плетки, а вмѣсто кабинета — больничная камера. Амуры и нимфы закоптились, по барельефнымъ фестонамъ пауки развѣсили фестоны паутины, у фарфороваго китайскаго «я иду съ мечемъ судія» отбилъ кто-то

мечъ; французскій пастушокъ стоялъ на одной ногѣ; у мраморной венеры отлетѣла бабочка, и она стояла какъ будто что-то показывая съ усмѣшкой и произнося по-русски: видѣлъ?

— Ну, любезный, отправляйся наряжаться,—сказалъ Эразмъ Львовичъ, когда сѣдой Филипъ принесъ костюмъ; — посмотримъ, узнаетъ ли Фекла Савишна своего мильонщика.

— Эразмъ Львовичъ, да не лучше ли послѣ обѣда,—сказалъ Емельянъ Герасимовичъ,—я еще не ѣлъ ничего сего дня.

— Нѣтъ, любезный, натощакъ лучше; я похохочу для аппетита, а потомъ и тебя накормятъ.

— Ну, пойдемъ! — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, выходя вслѣдъ за Филипомъ въ сосѣднюю комнату.

— Вотъ, господинъ, тутъ весь чародѣйской костюмъ,—сказалъ Филипъ.

— Э, да это славно! халатъ и туфли! Какъ тебя, старика, зовутъ?

— Филипомъ.

— Ну, братъ Филипъ, протягивай по одежкѣ ножки!

— Не мнѣ протягивать, а тебѣ.

— Ну, давай,—сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, сбросивъ съ себя свой собственный костюмъ, и наряжаясь въ красные чулки, сандаліи, широкую изпещренную хламиду, и такъ далѣе.

— А что, братъ, ты будешь ломать комедію?—спросилъ Филипъ.

— Нѣтъ, вѣдь это не Алафернъ; въ Алафернѣ я бы отломалъ бока всей вашей дворнѣ, а здѣсь, можетъ быть, не кстати.

— Э, было бы кому и здѣсь отломать бока, есть и у насъ тутъ собака.

— Это чтожъ такое?—спросилъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Это такая вотъ перевязь чародѣйская, тутъ всѣ звѣри писаные, черезъ плечо надѣвается.

— Черезъ плечо? а это еще что?

— Колпакъ чародѣйской; экая штука! сахарной головой; да прежде надо парикъ да бороду надѣть.

— Это зачѣмъ?

— А какъ же, вѣдь безъ парика-то узнаютъ. Бывало я помню, какъ свои были актеры, Ѳедька Сивуха, — самъ баринъ прозвалъ его сивухой,—одѣнется въ этотъ костюмъ, выйдетъ изъ-за кулисъ и начнетъ гадать; вотъ этимъ жезломъ поведетъ по воздуху; какъ поведетъ, мы и потянемъ изъ-за кулисъ змѣй, совъ, филиновъ и всякую намалеванную гадину—такъ всѣ и ахнутъ! жаль что не была тогда Фекла Савишна, вотъ бы пугнулъ ее!

— Дура Савишна?—спросилъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Да, дура! себѣ на умѣ! — отвѣчалъ Филипъ, подавая волшебный жезлъ чародѣю; — нѣтъ, она не дура, а старая вѣдьма!

— Такъ я жъ ее пугну!—сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Ой ли! вотъ бы обязалъ! чтобъ ее въ коробъ согнуло, и съ дочкой-то Ульяшкой. Такой скверный человѣкъ, что Боже упаси! житья нѣтъ! осѣтила барина! ей-ей и думать иначе не хочетъ, что кромѣ ея никто ему ноги спиртомъ не натретъ; до нее я десять лѣтъ теръ, хорошъ былъ, а тутъ вдругъ не гожусь, да еще изъ камердинеровъ долой, вишь устарѣлъ, молодой понадобился.... чортъ знаетъ кому!... Дочка-то также, видишь, нужной человѣкъ въ домѣ.... что ты будешь дѣлать! нарохтится въ барыни! да и будетъ, ей-ей будетъ! Посмотри-ко ты на нее хорошенько.

— А что?

— Ну, посмотри, родную племянницу оттерли отъ барина, у тебя-дескать будетъ поближе родня, кому наслѣдство отказать. Да баринъ-то въ дуракахъ будетъ, Егорушка поумнѣе его; да Богъ съ ними! не мое дѣло говорить; а ужь сказалъ бы барину всю подноготную! всю бы начисто сказалъ подноготную, ей Богу! Чу, звѣнитъ, вѣрно за тобой; надѣвай, братъ, скорѣй шапку.

Слушая Филипа, Емельянъ Герасимовичъ не замѣтилъ, какъ переобразился въ халдейскаго астролога.

— Скоро-ли? спросилъ вошедшій камердинеръ.

— Сейчасъ,—Егоръ Ивановичъ,—отвѣчалъ Филипъ.

— Дологъ у тебя часъ! баринъ ждетъ.

— Если баринъ ждетъ, такъ и подо-

ждетъ!—сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, передразнивая грубый голосъ камердинера.

— Ну, шутъ гороховой! отшутишь, въ зашей со двора сгоню!

— А ты видѣлъ это?—сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, взявъ въ руки жезлъ,— я тебѣ бока отломаю, только выйди на сцену.

— Мы съ тобой послѣ раздѣлаемся! а теперь по звонку выходи!

Покуда Емельянъ Герасимовичъ облачался, Эразмъ Львовичъ велѣлъ позвать къ себѣ Феклу Савишну.

— Что, батюшко Эразмъ Львовичъ?

— Кого ты ко мнѣ, матушка, привела, покупать имѣнье?

— Какъ кого? — спросила Фекла Савишна съ испугомъ.

— Да, кого? говори же, Фекла Савишна!

— Кого же мнѣ привести, Эразмъ Львовичъ.... Богъ его знаетъ; говорилъ, что ищетъ имѣнье купить, а я и рекомендовала ваше.

— Говори правду, Фекла Савишна!

— Эразмъ Львовичъ, да что жъ такое случилось?

— Гдѣ онъ?

Фекла Савишна осмотрѣлась боязливо кругомъ.

— Почему жъ я знаю, Эразмъ Львовичъ.

— Кто жъ знаетъ?... ты должна знать, Фекла Савишна, ты привела ко мнѣ оборотня.

— Богъ съ вами, Эразмъ Львовичъ!

— Да, да, Фекла Савишна; я посадилъ его, думалъ, что говорю съ господиномъ, съ мильонщикомъ — по твоей рекоменда-

ціи,—смотрю, а передо мною сидитъ шутъ и строитъ гримасы.

— Господи помилуй! — проговорила Фекла Савишна, перекрестясь.

— Да, да,—сказалъ Эразмъ Львовичъ, позвонивъ въ колокольчикъ, — а потомъ смотрю, передо мной стоитъ халдейскій астрологъ.... ахъ! вотъ онъ опять!

Фекла Савишна оглянулась, вскрикнула благимъ матомъ, поблѣднѣла, онѣмѣла отъ ужаса.

Въ дверяхъ стоялъ Емельянъ Герасимовичъ—халдейскій астрологъ, съ огромнымъ жезломъ въ рукахъ, съ острея шапки до пятъ весь исписанный рыбами, раками и всѣми знаками зодіака.

Въ это время вошла и Ульяша, что-то въ родѣ барышни, дѣвушка лѣтъ двадцати, съ вздернутымъ носикомъ, съ головкой на сторону, сѣрые глазки, какъ видно, не разъ ужь плутовали. Ей вѣрно

уже извѣстно было, что будетъ разыгрываться надъ ея матерью комедія. Она сѣла, и смотря на халдейскаго астролога и на испуганную Феклу Савишну, захохотала было, но Эразмъ Львовичъ, самъ едва воздерживаясь отъ смѣха, взглянулъ на нее сурово и этимъ далъ знать, что она можетъ подождать смѣяться.

— Я скажу вамъ всю подноготную, — произнесъ вдругъ чародѣй дикимъ голосомъ.

— Читай по звѣздамъ! начинай съ нее,— сказалъ Эразмъ Львовичъ, показывая на Феклу Савишну, которую смѣхъ Ульяши поуспокоилъ и увѣрилъ, что бояться нѐчего, что вѣрно это какая нибудь комедія.

— Съ нее и начну,— сказалъ чародѣй, махая жезломъ, —и вотъ что скажу тебѣ. Герасимъ Львовичъ: ты назвалъ ее давича

дурой, а она не дура, а себѣ на умѣ; а у нее есть дочка....

— Скажите пожалоста, узналъ! какой колдунъ! — вскричала Ульяша.

— Какъ тебя не узнать, Ульянку! — сказалъ чародѣй, оборотясь къ ней; — а позволь-ко разсмотрѣть тебя....

— Что ты на меня уставился!—вскричала Уляша.

— Ничего, смотрю, кому баринъ хочетъ наслѣдство отказать....

Ульяша вспыхнула, у Эразма Львовича вытянулось немного лицо.

— Баринъ-то будетъ въ дуракахъ, — продолжалъ халдейскій астрологъ;—Егорушка-то поумнѣе его!...

— Что такое говоритъ онъ, Фекла Савишна?—спросилъ Эразмъ Львовичъ, кинувъ подозрительный взоръ на мать и дочь, которыя поблѣднѣли, и грозный

взоръ на пріотворенную дверь, изъ-за которой выглядывалъ камердинеръ, а изъ-за его головы всѣ Ваньки, Петрушки, Сидорки и вся прочая любопытная дворня, всегда интересующаяся знать, что дѣлается у господъ за запертыми дверями.

— Богъ его знаетъ, что онъ говоритъ, и не разслушаешь, — отвѣчала, скрѣпя духъ, Фекла Савишна.

— Поди ты прочь отъ меня! — вскричала Ульяша на астролога, который преспокойно продолжалъ ее осматривать.

— Тсъ! что ты кричишь! забылась! — сказалъ сурово Эразмъ Львовичъ; — продолжай, господинъ астрологъ, читать по звѣздамъ; ну, что еще?

— Именно забылась, нарохтится въ барыни! — сказалъ чародѣй.

— Этого сносить нельзя! — сказала Ульяша, уходя изъ комнаты и хлопнувъ дверью.

— Ага!—произнесъ значительно Эразмъ Львовичъ,—это ужь слишкомъ что-то по барски' — И онъ вынулъ изъ стола бумагу, вѣроятно уже знакомую Феклѣ Савишнѣ.

— Эразмъ Львовичъ! — вскричала она, схвативъ его за руки, — помилуй! за что ты прогнѣвался на Уляшу, вѣдь она съ дуру это!...

— Ну, дура баба, становись на колѣни, да проси прощенья, что оттерла родную племянницу, — сказалъ чародѣй.

— Ахъ ты негодной! мошенникъ! — вскричала, не вытерпѣвъ обиды, Фекла Савишна. — Батюшка, Эразмъ Львовичъ, позволь прогнать этого фокусника, онъ Богъ знаетъ что взведетъ на насъ.

— Ступай прочь! — проговорилъ грозно Эразмъ Львовичъ, и, оттолкнувъ Феклу Савишну, онъ разорвалъ бумагу и бросилъ на полъ.

— Умираю!—вскричала Фекла Савишна, всплеснувъ руками и бросясь поднимать клочки изорваннаго гербоваго листа; родной отецъ, Эразмъ Львовичъ!... Уляша, Уляша!

— Это что значитъ? да ты почему, сударыня, знаешь то, что тутъ написано? а?—проговорилъ Эразмъ Львовичъ, задыхаясь отъ гнѣва.

— Не знаю, ей-ей, не знаю ничего! Уляша! проси, становись на колѣни!

— Эразмъ Львовичъ! — проговорила Уляша, припавъ къ рукѣ Эразма Львовича.

— Прочь, дѣвчонка! Эй, Филипъ!

— Эразмъ Львовичъ,—вскричала Фекла Савишна, перемѣнивъ тонъ,—уже если ты такъ поступаешь съ нами — людей сзывать.... срамить насъ.... сзывай! я выведу на чистую воду виноватаго!

— Этого я не ожидалъ! — сказалъ Эразмъ Львовичъ; — нѣтъ, милая, глупо

придумала! Ступай, ищи виноватаго въ передней, дочка твоя укажетъ тебѣ, — вонъ!

— Не пойду вонъ!... старый развратникъ! не пойду! — кричала Фекла Савишна.

— Если говорятъ: вонъ, такъ вонъ! — сказалъ чародѣй, и съ этими словами обхвативъ Феклу Савишну, вытолкнулъ въ двери.

— Принимай, ребята! тащи!

— Ахъ, собака, кусается! — раздалось въ залѣ.

— Эразмъ Львовичъ! — завопила снова Ульяша.

— Вонъ!

— Если говорятъ: вонъ, такъ вонъ! — сказалъ чародѣй, схвативъ Уляшу и вытаскивая за двери.

— Принимай, ребята! тащи вонъ!

Уляша стащила съ головы чародѣя остроконечную шапку, вцѣпилась въ волоса, и парикъ остался въ ея рукахъ.

— Кошка! прысъ, проклятая! пьфу! дрянь!

По всему двору раздавался голосъ Феклы Савишны. Она сѣла посреди двора на землю и кричала: — Не пойду! просьбу въ судъ подамъ на стараго пса!...

Вся дворня стояла кругомъ и хохотала.

— Какова бабариха! — сказалъ чародѣй Емельянъ Герасимовичъ, возвратясь въ кабинетъ. Эразмъ Львовичъ, блѣдный, весь дрожалъ отъ взволновавшаго его гнѣва.

— Какова бабариха! — продолжалъ чародѣй, — ей говорятъ: вонъ! а она выйдти сама не умѣетъ!

— Послушай, любезный, ты почему знаешь всѣ здѣшнія домашнія дѣла?

— Какъ почему? да потому именно,

что этого нельзя не знать, какъ Ульянку, сама скажется, — отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Не узна́ешь, откуда въ дуракахъ иногда умъ берется; да нѣтъ, нельзя! говорить тебѣ никто не станетъ, — вѣрно гдѣ нибудь слышалъ, признавайся!

— Какъ никто не говоритъ? — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ; — всѣ говорятъ.

— Кто жъ именно?

— Именно никто, отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ; — вотъ такъ бывало и Наталья Дмитріевна: кто говоритъ? — всѣ говорятъ; такъ нѣтъ, подай ей, кто̀ именно? а подай ей этого *кто именно*, такъ она и отправитъ его на конюшню.

— Ты преумный дуракъ! — сказалъ Эразмъ Львовичъ, невольно разсмѣявшись; — въ самомъ дѣлѣ глупо добиваться, кто именно, когда всѣ именно.

Крикъ Феклы Савишны еще раздавался по временамъ.

Эразмъ Львовичъ позвонилъ; вошелъ камердинеръ, Егоръ Ивановичъ.

— Ты что-то, братъ, не въ себѣ? — сказалъ Эразмъ Львовичъ, смотря на него пристально.

— Никакъ нѣтъ-съ! — отвѣчалъ Егоръ Ивановичъ, стараясь не дрожать отъ страху.

— Ну, полно; чай жаль, что Фекла Савишна и Ульяна Петровна сходятъ со двора?

— А мнѣ что до нихъ-съ, мнѣ все равно.

— Какъ все равно, не можетъ быть: ты служилъ имъ, привыкъ къ нимъ, и онѣ къ тебѣ привыкли; пойди, скажи Феклѣ Савишнѣ и Ульянѣ Петровнѣ, что я не хочу лишить ихъ вѣрнаго слуги. От-

правляйся съ ними; завтра же Фекла Савишна получитъ крѣпость на тебя.

— Эразмъ Львовичъ! помилуйте! — вскричалъ камердинеръ, упавъ въ дверяхъ на колѣна и ползя къ стопамъ барина.

— Я, братецъ, и дѣлаю тебѣ милость,— сказалъ Эразмъ Львовичъ, — отдаю тебя госпожѣ, которой ты преданъ.

— Нѣтъ ужь, Эразмъ Львовичь, къ этимъ вѣдьмамъ не пойду въ услуженье! умру, а не пойду! не погубите души! ей-ей онѣ вѣдьмы, опоили меня зельемъ! я ни душой, ни тѣломъ не виноватъ!

— Пустяки, братъ, не бойся, онѣ не вѣдьмы и не опоили тебя, а просто подносили за вѣрную службу. Ступай, ступай! служи имъ вѣрой и правдой! ступай же!—прибавилъ Эразмъ Львовичъ такимъ голосомъ, послѣ котораго нечего было ожидать милости. Милость была возвращена Филипу, который терпѣливо

перенесъ все свое униженіе передъ выскочкой Егорушкой.

У Емельяна Герасимовича въ продолженіи цѣлаго дня, какъ говорится, куска въ горлѣ не было.

— А что, обѣдаютъ у васъ?—спросилъ онъ у Эразма Львовича, по окончаніи сценъ съ Феклой Савишной и Егоромъ.

— Я сытъ, любезный, — проговорилъ сердито Эразмъ Львовичъ, — можешь отправляться.

— Я еще не обѣдалъ,—сказалъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Ступай на кухню или въ лакейскую; тамъ тебя накормятъ.

— Покорно благодарю! Наталья Дмитріевна съ малолѣтства запретила мнѣ ходить по лакейскимъ да по кухнямъ.

— Что за Наталья Дмитріевна такая?

— А была такая Наталья Дмитріевна,

которая всегда говаривала: какъ тебѣ не стыдно, какъ тебѣ не совѣстно ходить въ лакейскую! прилично ли тебѣ водить компанію съ людьми! чему ты тамъ научишься? разнымъ грубостямъ и непристойностямъ.—Вотъ по этому-то случаю, чтобъ не научиться разнымъ грубостямъ и непристойностямъ, я и не хочу ни въ кухню, ни въ лакейскую; а иначе мнѣ все бы равно, гдѣ ни обѣдать.

— Дѣльно, — сказалъ Эразмъ Львовичъ, — шутъ почетное лице въ домѣ, и не долженъ мѣшаться съ слугами. Умна была твоя барыня Наталья Дмитріевна.

— Не барыня моя, а моя maman, — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, — не матушка, а maman, понимаете? вмѣсто матери, потому что отца у меня совсѣмъ не было, понимаете?

— Трудно понять, — сказалъ Эразмъ Львовичъ, улыбнувшись невольно.

— Я самъ не нонимаю, почему Платонъ Андреевичъ говорилъ, что свинья твой отецъ, а не я.

Это показалось смѣшно Эразму Львовичу; но онъ не расположенъ былъ смѣяться.

— Ну, ступай въ гардеробную, тамъ твоя комната,—сказалъ онъ Емельяну Герасимовичу, и кликнувъ Филипа, приказалъ подать ему обѣдать.

Когда вышелъ Емельянъ Герасимовичъ, Эразмъ Львовичъ задумался; онъ припомнилъ богатую здоровьемъ и радостями свою молодость, и въ первый разъ содрогнулся, почувствовавъ одиночество, которое вынудило его привязаться даже къ глупой Феклѣ Савишнѣ и преглупѣйшей ея дочери, и находить удовольствіе въ безсмысленныхъ ихъ розсказняхъ и нелѣпыхъ сужденіяхъ. Въ первый разъ проявился въ немъ упрекъ самому себѣ,

и старость заговорила въ упрекъ молодости, что не насадила для нее ни въ чьемъ сердцѣ любви и дружбы, не заготовила ни одной заботливой души, не прикрыла корня вѣтвями, не оградила изсякающую жизнь новой, родной жизнью. Бѣдный глупецъ! вмѣсто почтеннаго возраста, украшаемаго мудростью, ты впалъ снова въ дѣтскій возрастъ, старый, сѣдой, лысый ребенокъ! тебѣ опять нужны нянька да сказочницы, болтовня и игрушки!

Въ этихъ грустныхъ думахъ Эразмъ Львовичъ забылъ о перевязкѣ ноги, и заснулъ въ креслахъ; никто не смѣлъ войдти къ нему безъ зову колокольчикомъ. Филипъ угостилъ Емельяна Герасимовича какъ благодѣтеля, разсказывалъ ему цѣлый вечеръ про Феклу Савишну, какъ она бывало ходила по домамъ, переносила сплетни, да побиралась старыми платьями и лоскутьями, какъ поддѣлалась къ

старой барынѣ, гаданьемъ про Эразма Львовича, какъ при его племянницѣ втерлась погостить, а послѣ нее и совсѣмъ поселилась въ домѣ, — какъ сначала была почтительна ко всей дворнѣ, всѣхъ величала по имени и по отчеству, даже кота ваську не просто звала васькой, а васенькой.

— А какъ присусѣдилась къ барину, какъ увидѣла, что безъ нее ему и больной ноги нѣкому натерѣть спиртомъ — такъ такъ выправилась на барскую стать, что ай-люли! Какъ пошла трубить барину въ уши: тотъ воръ, тотъ мошенникъ, тотъ пьяница, весь домъ разнесутъ по бревну, — что жъ, какъ вы думаете? словно сглазила: откуда взялись и воры и пьяницы. Кого въ солдаты, кого въ свинопасы. Барышня бывало экономна — все въ прокъ, покуда сгніетъ, лучше собакамъ, чѣмъ людямъ; а какъ Фекла Савишна забрала ключи да экономію — дожили до

пустыхъ щей! Бывало мукà отпускалась четвертями, въ девять мѣръ, мѣра хозяйская, — купила мѣру воровскую, выдаетъ четверть въ восемь мѣръ. Бывало на всю дворню въ недѣлю разъ бьютъ скотину....

— Послушай, старина, — перервалъ Еменьянъ Герасимовичъ, — говорятъ, что дворня-то у господъ ничего не дѣлаетъ, а только объѣдаетъ ихъ!

— Кто тебѣ сказалъ ничего не дѣлаетъ? какъ ничего не дѣлаетъ? видишь наслушался голышей! пошла жизнь иная и иныя рѣчи повели! Когда господа-то господами жили, такъ у каждаго была дворня-то свой городъ; все тутъ есть, чего ни спроси: закормы полны хлѣба, кладовыя запасовъ, погреба—вина, пива и меду, конюшни лошадокъ, а въ дворнѣ-то живутъ свои ключники, повара, пекаря, швецы, сапожники, столяры, маляры, музыканты — все народъ нужный, да дѣль-

ный; городу-то бывало не кланялись, въ лавочку не бѣгали покупать на вымозженный грошъ лучку, да на краденый мучки. Хозяйство было свое, а не на сторонѣ, не въ чужихъ рукахъ, не продажное. Бывало разъ въ годъ посѣешь въ полѣ, да разъ пожнешь, анъ на цѣлый годъ и сытъ; а теперь, братъ, сѣютъ-то на проѣзжей дорогѣ: одинъ посѣялъ, другой потопталъ. Господа-то не у дѣла въ своей отчинѣ живутъ, а у бездѣлья въ городѣ. Кафтанъ и сапоги сшей нѣмецъ, накорми и напои французъ,—что жъ своимъ-то дѣлать? вѣстимо что свой на чужой ладъ не угодитъ; а ладъ-то, или по французскому мода, стала у всѣхъ чужая. Что жъ господской дворнѣ-то дѣлать? Пришло запивать горе; а какъ за глазами какой нибудь управитель, Фекла Савишна, посадитъ на мякину да на воду,—тогда-то что дѣлать? да еще какъ ребятишки кричатъ? а? того стянулъ кусо-

чикъ, того ломоточикъ — глядь и воръ. Разъ спрятался со страху отъ палки, вдругоредь за уголъ отъ дубины, а въ третій глядь и въ лѣсъ ушелъ. Вотъ, братъ, какъ дѣла-то дѣлаются на свѣтѣ! Ужь я тебѣ, братъ, скажу, на облупленомъ яичкѣ цыпленка не высидишь.... Э, да ты спишь?... вотъ думалъ парня учить, а его еще надо лечить.

Емельянъ Герасимовичъ проспалъ вплоть до полудня. Филипъ разбудилъ его.

— Баринъ скоро встанетъ, — сказалъ онъ ему,—вставай, одѣвайся, братъ, одѣвайся скорѣй! Да какое жъ ты платье надѣнешь, опять тоже или свое?

— Нѣтъ, спасибо, этотъ балахонъ мнѣ надоѣлъ, довольно его провѣтривать на плечахъ, — отвѣчалъ Емельянъ Герасимовичъ;—теперь провѣтрить надо вотъ этотъ военный шишакъ и мечъ.

— Чу, баринъ всталъ! Я пришлю къ

тебѣ Ваську, — сказалъ Филипъ, и побѣжалъ на звонъ колокольчика.

Въ ожиданіи Васьки, Емельянъ Герасимовичъ зѣвалъ.

Пришелъ Васька.

— Ты Васька?

— Васька.

— Давай, братъ, одѣваться.

— Во что жъ?

— Во что? а вотъ въ это военное платье, что съ шлемомъ и съ мечемъ.

Васька досталъ рыцарскій костюмъ, и торопился наряжать зѣвающаго Емельяна Герасимовича, въ надѣждѣ посмотрѣть сквозь двери, какъ онъ будетъ ломать опять комедію.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

О томъ, какъ Емельянъ Герасимовичъ превратился въ Захара Эразмовича.

Представьте себѣ слѣдующую живую картину, если только она возможна въ нашъ вѣкъ: представьте себѣ почтеннаго старца, который обхватилъ обѣими руками голову рыцаря крестовыхъ походовъ, припавшаго передъ нимъ на подушку, лежащую на полу, обхватилъ голову рыцаря, и собирается съ духомъ что-то сказать. Можетъ быть, эта живая картина представляетъ великаго магистра, возла-

гающаго орденъ золотаго руна на посвящаемаго въ рыцари? но на старцѣ, вмѣсто шитой пурпуровой мантіи, бѣлый халатъ-*пикэ*, вмѣсто сапоговъ съ золотыми шпорами — туфли, на головѣ напудренный парикъ съ пучкомъ; притомъ же дѣйствіе происходитъ не въ залѣ ордена, а въ обыкновенномъ покоѣ въ родѣ спальни; старецъ погруженъ въ волтеровскія кресла, и нѣтъ ни одного свидѣтеля, нѣтъ ни коммандора, ни рыцаря. Можетъ быть, эта живая картина представляетъ, какъ отецъ въ среднія времена благословлялъ сына своего на погибель Туркамъ, увѣщалъ его служить безъ страха и порока, внушалъ вражду ко всему, что носитъ чалму, бралъ съ него обѣтъ истреблять безъ пощады луну и всѣхъ, кому обѣщаны на томъ свѣтѣ огненныя объятія гурій? и то нѣтъ. Старецъ, послѣ долгаго молчанія, вздохнулъ глубоко, отеръ слезы и сказалъ рыцарю:

— Ну, братъ Емельянъ, я виноватъ передъ тобою! поди, другъ мой, одѣнься прилично!

— Что жъ такое, что вы виноваты; виноватаго Богъ прощаетъ, — сказалъ рыцарь.

— Я вижу, у тебя добрая душа; да поди, поди, переодѣнься скорѣй! я не могу смотрѣть на тебя въ этомъ нарядѣ!

— Какой же костюмъ еще провѣтрить на плечахъ, Эразмъ Львовичъ?—спросилъ рыцарь.

— Полно, братъ, полно, не упрекай меня, что не знавши человѣка, не спросивъ даже кто онъ, сдѣлалъ изъ него шута; да не я надъ тобой, а ты подшутилъ надо мною, и правъ; умно! нельзя лучше наказать!... Забудь обиду!... ступай, одѣнься прилично.

— Въ партикулярное платье?—сказалъ рыцарь, и поднявъ шлемъ, который ва-

ляяся въ ногахъ, надѣлъ на голову и вышелъ, а старецъ задумался, взялъ письмо, лежавшее на столѣ, пробѣжалъ его, уронилъ на него нѣсколько слезъ, позвонилъ и сказалъ вошедшему Филипу:

— Накрой здѣсь на два прибора; да когда одѣнется Емельянъ Герасимовичъ, проси его сюда. Ты самъ одѣнь его, да прошу обходиться съ нимъ почтительно, понимаешь? Да.... позови ко мнѣ человѣка, который пріѣхалъ съ письмомъ.

Вскорѣ знакомый намъ человѣкъ вошелъ и поклонился Эразму Львовичу.

— Послушай, любезный Пафнутій, тебѣ сама Наталья Дмитріевна поручила мнѣ доставить письмо?

— Гдѣ, батюшко, сама? я ужь не засталъ ее въ живыхъ!

Пафнутьичъ прослезился, и продолжалъ:

— Пріѣхали, анъ ужь въ домѣ вла-

ствуетъ сестрица Прасковья Дмитріевна. Емельяна Герасимовича на глаза не пустила.... а меня въ кандалы, да въ деревню отправила... Заболѣлъ я, сударь, съ горя, не о себѣ, а объ Емельянѣ Герасимовичѣ; вѣдь Наталья Дмитріевна на мои руки его поручила, беречь велѣла какъ око свое. Онъ же такой добрый, довѣрчивый, только лѣнивой не поѣдетъ на немъ верхомъ. Пріѣхалъ я въ деревню: не прошло недѣли, получаю письмо отъ Василисы Кондратьевны, что была экономкой при Натальѣ Дмитріевнѣ; пишетъ, что прилагаемое письмо покойница барыня поручила ей отдать мнѣ для непремѣннаго доставленія по надписи; а если не найду васъ, батюшко, въ живыхъ—то сжечь. Что дѣлать? гдѣ искать? какъ искать? Адреса на письмѣ не написано; а я человѣкъ невольной; да надо же было исполнить послѣднюю волю покойной барыни. Какъ быть? упросилъ людей

въ деревнѣ, чтобъ не говорили никому, что я отлучусь на недѣлю мѣста. Нанялъ лошадей, да въ Москву. Туда, сюда, разспрашивать. Молебенъ отслужилъ, какъ узналъ, что вы, батюшко, не вдалекѣ отъ Москвы проживать изволите. Я сюда.... вхожу.... Господи! ей-ей, не узналъ бы ни ввѣкъ Емельяна Герасимовича, еслибъ онъ самъ не бросился ко мнѣ на шею и не крикнулъ Пафнутьичъ! Признаюсь вамъ, батюшко, я и попрослезился, какъ взглянулъ на него.... что за нарядъ! чего добраго.... по добротѣ его души, пожалуй и въ шуты записать его можно. Батюшко, Герасимъ Львовичъ!—(Пафнутьичъ упалъ въ ноги) — вѣдь онъ воспитанникъ Натальи Дмитріевны.... любила она его какъ роднаго сына.... ему не приходится быть комедіантомъ....

— Полно, Пафнутій, откуда ты это взялъ....

— Да люди ваши сказали, что....

— Полно, полно.... Это только шалость его, чтобъ позабавить меня.... А въ доказательство, послушай, Пафнутьичъ, по старому знакомству, покойница Наталья Дмитріевна поручаетъ его на мои руки· Я свято исполню ея волю, и сдѣлаю для него больше, чѣмъ она могла бы ожидать.... Я его усыновляю.... я не имѣю ни дѣтей, ни близкой родни.... онъ будетъ моимъ наслѣдникомъ.

— Батюшко, Герасимъ Львовичъ! — вскричалъ Пафнутьичъ, снова бросаясь въ ноги и цѣлуя руки у старика, — позвольте же мнѣ взглянуть еще разъ на него; да ужь я пойду, доживать вѣкъ въ горѣ!

— Нѣтъ, тебя я выкуплю; ты, Пафнутьичъ, будешь жить при Емельянѣ Герасимовичѣ.

*

— Господи, другой радости мнѣ не нужно!

— Скажи мнѣ, съ котораго года онъ воспитывался у Натальи Дмитріевны?

— Сколько знаю, лѣтъ съ трехъ; меня въ дому не было, я управлялъ въ имѣньи Платона Андреевича, а засталъ Емельяна Герасимовича, такъ сказать, уже годковъ пятнадцати. Платонъ Андреевичъ — не проститъ ему Богъ! — терпѣть не могъ Емельяна Герасимовича; при Натальѣ Дмитріевнѣ — ничего, только учитъ его стихи говорить; а какъ нѣтъ ее дома, такъ и пойдетъ забавляться имъ, да учить говорить какіе-то бон-мо. Что жъ за премудрость съ толку сбить младенца, — подъ часъ и взрослаго можно въ дурака окрестить, умному отростить уши выше головы. Да честное ли это дѣло? Такъ-то и Платонъ Андреевичъ Богъ знаетъ что дѣлалъ съ Емельяномъ Герасимови-

чемъ; а онъ по добротѣ души повинуется, все дѣлаетъ, что прикажутъ. Жалко смотрѣть бывало. Такъ бы онъ и пропалъ, еслибъ двоюродный братецъ Натальи Дмитріевны, Артамонъ Матвѣевичъ, не опредѣлилъ его въ свой полкъ.

— Артамонъ Матвѣевичъ? неужели? знаю; такъ онъ на службѣ былъ?

— Какъ же, батюшко; Наталья Дмитріевна, отпуская его въ полкъ, знала, что я люблю его, и приставила меня къ нему въ дядьки. Все пошло хорошо; да на бѣду, въ Москвѣ влюбись въ него дочка Артамона Матвѣевича, Варвара Артамоновна, и онъ полюбилъ ее. Ужь Богъ знаетъ, какимъ образомъ догадался Артамонъ Матвѣевичъ, только такъ озлобился, что сначала морилъ-морилъ подъ арестомъ Емельяна Герасимовича, а потомъ послалъ его за чѣмъ-то одного въ Москву, занятую Французами — вѣрно за тѣмъ, чтобъ извести....

— Ахъ онъ нехристь! да еслибъ я зналъ! — вскричалъ Эразмъ Львовичъ.

— Спасъ же Богъ! Проходитъ день, другой, недѣля, — полкъ въ походѣ; а Емельяна Герасимовича нѣтъ. Спрашиваю у Артамона Матвѣевича, куда изволилъ послать барина; — а кто его посылалъ, говоритъ, самъ отправился побывать у Натальи Дмитріевны, да и пропалъ. — Что дѣлать мнѣ; поѣхалъ я въ деревню къ Натальѣ Дмитріевнѣ, и тамъ нѣтъ; а она чуть не умерла съ отчаянья, и послала меня искать его живаго или мертваго. Гдѣ жъ искать? Пошелъ я....

— Здравствуй еще разъ, Пафнутьичъ! — вскричалъ Емельянъ Герасимовичъ, вбѣжавъ въ комнату франтомъ, въ венгеркѣ.

— Ахъ, ангелъ ты мой! — повторялъ Пафнутьичъ, цѣлуя руки Емельяна Герасимовича, — я ужь и не думалъ увидѣть тебя!

— На огнѣ не тонетъ, на водѣ не горитъ! — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, обнимая Пафнутьича.

— Обними же и меня еще разъ, — сказалъ Эразмъ Львовичъ, протягивая руку къ нему, — называй меня не иначе, какъ отцомъ: я тебя усыновляю.

— Отцомъ? неужели? это мнѣ по сердцу! — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, обнимая старика; — Платонъ Андреевичъ не позволялъ мнѣ называть себя ни отцомъ, ни батюшкой, ни папинькой, ни тятинькой, ни родителемъ: ты, говоритъ, поросенокъ.... У всѣхъ отцы, а у меня только нѣтъ....

— Самъ онъ животное! оселъ!—вскричалъ сердито Эразмъ Львовичъ, обнимая снова Емельяна Герасимовича; а Пафнутьичъ, радуясь за барина своего, цѣловалъ у старика руку.

— Скажи пожалоста, гдѣ ты служилъ?

— Сперва въ милиціи, а потомъ въ артиллерійской бригадѣ.

— Чѣмъ?

— Офицеромъ.

— Что жъ тебя понудило выйдти въ отставку?

— Да вотъ онъ пріѣхалъ, и сказалъ, что Наталья Дмитріевна требуетъ, чтобъ онъ привезъ меня живаго или мертваго къ ней. Нечего дѣлать, я и поѣхалъ.

— Вѣдь въ отставку-то вы еще, сударь, не подавали, надо писать прошеніе, — сказалъ Пафнутьичъ.

— Что за прошеніе, — сказалъ Эразмъ Львовичъ, — никакого прошенія не нужно! Притвори-ко двери.... Я его усыновляю вмѣсто роднаго моего сына.... Вѣдь я былъ женатъ въ Италіи, Пафнутьичъ; сынъ Захарій умеръ, жена.... также умер-

ла, по крайней мѣрѣ, для меня; но къ счастію, бумаги сохранились.... Съ этой минуты ты, любезный другъ, вмѣсто Емилія будешь называться Захаріемъ, слышишь? Что ты, Пафнутьичъ, качаешь головою?

— Да какъ же, батюшко Эразмъ Львовичъ, не грѣхъ ли будетъ называться Емельяну Герасимовичу чужимъ именемъ.

— Причуды!... только этимъ однимъ средствомъ я успокою совѣсть, понимаешь? — прибавилъ Эразмъ Львовичъ тихо Пафнутьичу. — И все это умретъ между нами. Обними же меня, Емилій; съ этой поры въ тебѣ ожилъ мой Захарій! мой сынъ, мой родной сынъ!

— Слава Богу, что ожилъ! — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, обнимая Эразма Львовича.

— Помни же! — сказалъ прослезясь Эразмъ Львовичъ, — помни, ты съ этой

минуты Захарій, а не Емельянъ, слышишь? называй меня отцомъ.

— Слышу, папа; только престранное имя, Сахаръ, Захаръ!

— Ты привыкъ все шутить!... Я не люблю шутокъ!

— Батюшко Эразмъ Львовичъ, — сказалъ Пафнутьичъ тихо, — грѣхъ грѣхомъ не выкупаютъ, батюшко; нельзя ли просто усыновить, не мѣняя имени Емельяна Герасимовича.... ужь какъ-то привыклось къ нему, ужь такъ что, вотъ, ей-Богу, и не знаю какъ сказать....

— Ты глупъ, Пафнутій! Здѣсь нѣтъ грѣха; еслибъ я чрезъ это полное усыновленіе лишалъ кого нибудь, чего нибудь — такъ! но у меня нѣтъ кровной родни.

— Ваша воля, сударь, — произнесъ Пафнутьичъ, вздыхая.

— Такъ помните же, Емельянъ Гера-

симовичъ умеръ, не существуетъ; а живъ Захарій Эразмовичъ, мой родной сынъ, возвратившійся изъ Италіи.... О чемъ ты опять прослезился?

— Да какъ же, сударь, не прослезиться: вы изволите говорить, что Емельянъ Герасимовичъ умеръ....

— И конечно умеръ, — сказалъ Емельянъ Герасимовичъ, котораго и мы съ этой поры будемъ называть Захаромъ Эразмовичемъ, — умеръ какъ нельзя лучше; ты не знаешь этого, потому что тебя не было со мной. Емельянъ Герасимовичъ на томъ свѣтѣ.

— А вы-то что? — спросилъ Пафнутьичъ сердито.

Эразмъ Львовичъ, принявъ слова Захара Эразмовича за шутку надъ малодушіемъ Пафнутьича, невольно захохоталъ.

— А вы-то что? — повторилъ Пафнутьичъ.

— Я-то что?—спросилъ Захарій Эразмовичъ. — Какъ что?

— Да, извольте-ко сказать.

— Ну, полно шутить! онъ мой сынъ Захарій, и кончено!

— И кончено! — прибавилъ Захарій Эразмовичъ.

— Богъ съ вами, Емельянъ Герасимовичъ, у васъ все чудное такое въ головѣ!—проговорилъ Пафнутьичъ.

— Не Емельянъ Герасимовичъ, а Захарій Эразмовичъ!—сказалъ Эразмъ Львовичъ.

— Захаръ Герасимовичъ.... такъ Захаръ Герасимовичъ, ужь право и не знаешь, какъ и говорить-то.

— Ну, я усталъ, — сказалъ Эразмъ Львовичъ; — повторяю: все что было, то было между нами. Теперь ты слуга не какого нибудь сироты, безъ имени, а моего сына и наслѣдника.

— Ахъ, этому-то я радъ, сударь! — сказалъ Пафнутьичъ, улыбнувшись сквозь слезы и поцѣловавъ руку Эразма Львовича и своего барина.

— Ей-Богу, ужь какъ я радъ-то счастію Емельяна....

— Тсъ!

— Виноватъ! Емельяна....

— Захарій!

— Виноватъ! Захара Герасимовича; радъ счастію Емельяна.... охъ! Захара Герасимовича; да вѣдь какъ-то съ непривычки, Богъ ее знаетъ....

— Ну, ну, ну, ступай, вели накрывать на столъ на два прибора, вотъ тутъ, подлѣ меня.

— Слушаю, сударь.

— Знаете что, папà, — сказалъ Захарій Эразмовичъ, по выходѣ Пафнутьича.

— Что, другъ мой?

— Перемѣнить бы кстати имя и Пафнутьичу.

— Опять шутки! тебя я вижу пріучили паясить! Я этого терпѣть не могу!

— Ну, можно и безъ этого обойтись.

— Вотъ это гораздо лучше.

— Такъ я пойду.

— Куда?

— Въ садъ.

— Прогуляться?

— Прогуляться.

— Ну, прогуляйся, покуда на столъ накроютъ.

Пробираясь въ садъ, Захарій Эразмовичъ увидѣлъ на крыльцѣ своего дядьку, который сидѣлъ на лавкѣ, отирая слезы, что-то бормоталъ про себя.

— О чемъ ты плачешь, Пафнутьичъ?— спросилъ онъ его.

— Какъ же, сударь, не плакать-то, вѣдь мнѣ надо ѣхать, опять оставлять васъ....

— Зачѣмъ оставлять? поѣдемъ вмѣстѣ, когда тебѣ здѣсь не нравится.

— Что вы это, баринъ! Богъ вамъ послалъ благодѣтеля.... роднаго отца а вы отъ него!

— Какъ же быть-то; если надо ѣхать, такъ нéчего дѣлать.

— Богъ съ вами! Кому надо ѣхать? мнѣ надо ѣхать.

— Ну, такъ и мнѣ надо ѣхать!

— Куда, сударь?

— Какъ куда? туда куда.... ну, куда и ты.

— Богъ съ вами! Въ дворъ Прасковьи Дмитріевны? да она васъ велитъ прово-

дить со двора. Да и мнѣ бѣда будетъ, что васъ привезъ. Нѣтъ ужь, сударь, мнѣ горчѣе васъ, а пришло терпѣть, покуда Герасимъ Львовичъ исполнитъ обѣщанье, купитъ меня; тогда ужь я вѣчно вашъ.

— А мнѣ чтожъ дѣлать до того времени, покуда ты будешь вѣчно мой?—спросилъ Захарій Эразмовичъ.

— Добрый мой баринъ, — сказалъ Пафнутьичъ, цѣлуя руку Захарія Эразмовича.—Богъ вамъ послалъ счастье, теперь вы не сирота, Герасимъ Львовичъ принялъ васъ за роднаго сына, теперь, батюшко Емельянъ.... охъ! какъ-бишь?... какъ зовутъ-то васъ теперь?

— Какъ зовутъ? какъ-бишь?... ну, прекрасно! и я позабылъ!

— Охъ, какъ-бишь?

— Постой, я спрошу Герасима Львовича.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, ужь послѣ, сударь, Емельянъ Герасимовичъ

— Опять Емельянъ Герасимовичъ?

— Э, да все равно; не о томъ дѣло: я говорю, что Герасимъ Левовичъ признаетъ васъ роднымъ сыномъ, передаетъ вамъ наслѣдіе; такъ вы потѣште его на старости лѣтъ, исполняйте его волю, заслуживайте его любовь, уважайте его какъ роднаго отца; да при случаѣ напомните и обо мнѣ, дескать: вы обѣщали моего Пафнутьича не оставить своими милостями....

— Ну, хорошо, Пафнутьичъ,—сказалъ Захарій Эразмовичъ,—какъ ты говоришь, такъ тому и быть.

— Захаръ Герасимовичъ, баринъ, батюшка вашъ, приказалъ просить кушать! на столъ подано-съ. Они думали, что вы въ саду-съ! — прогремѣлъ оффиціантъ съ салфеткой въ рукахъ.

— Постой....

— Ступайте, ступайте, батюшко Захаръ Герасимовичъ, Герасимъ Львовичъ ждетъ васъ,—сказалъ Пафнутьичъ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

О томъ, какъ Артамонъ Матвѣевичъ ошибся, принявъ Захарія Эразмовича за Емельяна Герасимовича.

Емельянъ Герасимовичъ.... охъ! Захарій Эразмовичъ сѣлъ кушать, и такъ кушалъ, что возбудилъ необычайный аппетитъ въ Эразмѣ Львовичѣ. Старикъ забылъ строгую діэту, предписанную ему, и на радости, что онъ уже не одинокъ и есть существо, которое можетъ назвать своимъ, выпилъ огромный бокалъ шампанскаго за здоровье

сына Захарія, другой въ память Натальи Дмитріевны, развеселился, кликнулъ музыку, и испыталъ въ первый разъ истинное, полное наслажденіе.

Кто не испыталъ одиночества, не оборачивался на всѣ четыре стороны съ тяжкой думой: гдѣжъ мои? и не видывалъ той пустыни, гдѣ на голосъ сердца никто не отзовется, — тотъ не понимаетъ ни прямой потребности жизни, ни истиннаго недостатка.

Радость Эразма Львовича была нарушена сильнымъ приступомъ подагры. Захарій Эразмовичъ день и ночь сидѣлъ подлѣ старика; никому не позволялъ ворочать его съ боку на бокъ, самъ пеленалъ больную ногу. Эразмъ Львовичъ утѣшался его заботами, и въ первый разъ сталъ и самъ заботиться о чужомъ спокойствіи.

— Ты, другъ мой, ужь третьи сутки

не спишь, ты истомишься, прилягъ здѣсь на диванѣ, усни, — сказалъ онъ наконецъ Захарію Эразмовичу.

— Да зачѣмъ же мнѣ спать, папа? чего я не видалъ во снѣ? — спросилъ Захарій Эразмовичъ.

— Какъ зачѣмъ спать? я тебѣ говорю, Захарій, что безъ сна можно истомиться, заболѣть. Другое дѣло, я боленъ, не могу спать.

— Если вы не можете, такъ и я не могу, папа, — отвѣчалъ Захарій Эразмовичъ; и напрасно Эразмъ Львовичъ уговаривалъ его лечь. Наконецъ Эразмъ Львовичъ притворился что уснулъ; но и это не помогло.

— Что жъ ты не ложишься? вотъ я заснулъ и опять засну.

— Вы, папа, спали? да кто жъ такъ спитъ?

— Да какъ же спятъ?

— Какъ какъ? да вотъ какъ: надо раскинуться на постелѣ, разметать руки и ноги, захрапѣть, и ужь тутъ хоть труби въ уши—ничего! Спи, малютка, почивай, глазъ своихъ не открывай!

— Охъ, не смѣши меня; какъ ты привыкъ шутить!... Всякій, другъ мой, спитъ по своему.

— Ну, а по вашему ужь лучше и не спать.

— Какой ты чудакъ!—сказалъ Эразмъ Львовичъ, и почувствовавъ боль въ ногѣ, невольно стиснулъ глаза и замолчалъ.

Въ это время звѣзда нашего героя, съ яснаго чистаго неба смотрѣла на него, утѣшалась, что устроила судьбу его; но получивъ тьму не удовольствій отъ созвѣздія за особенныя объ немъ попеченія, придумывала, какъ бы упрочить счастіе

Емелюшки. Надъ нимъ нуженъ постоянный надзоръ, — размышляла она, — глазъ дядьки Пафнутьича недостаточно, хоть ужь кормильца лучше Пафнутьича нигдѣ не найдешь. Надо его женить, женить, во чтобы то ни стало женить. Жены вообще любятъ заботиться о судьбѣ мужей своихъ; притомъ же: за слѣпаго мужа жена видитъ, за нѣмаго говоритъ, за глухаго — слышитъ, за глупаго — судитъ и рядитъ, за лѣниваго — дѣло дѣлаетъ, а за умнаго дѣлаетъ глупости. Слѣдовательно жена во всякомъ случаѣ есть необходимая вещь для житейскаго равновѣсія. Для моего Емелюшки нужно доброе любящее существо, съ простымъ смысломъ. Вотъ прекрасное бы существо была Каллироя, Коленька; какъ хорошо она влюбилась въ него! какъ бы хорошо я ихъ судьбу устроила. Никому бы и въ голову не пришло, что Емелюшка не французскій генералъ; да и того не удалось! Это ужасно!

Надо же было тутъ вмѣшаться Змѣю Горыничу!... Вѣрно судьба моему Емелюшкѣ жениться на Варенькѣ!... Помирюсь съ ея звѣздочкой.

И вотъ, звѣзда Емелюшки отправила ясный лучь къ подругѣ, которая свѣтилась въ сосѣднемъ созвѣздіи.

— Послушайте, моя милая, помиримтесь!

— Нѣтъ-съ!

— Помиримтесь!

— Нѣтъ-съ! вы меня совсѣмъ отуманили! сами предложили соединить вашего Емелюшку съ моей Варенькой, а потомъ и *на попятный дворъ!* Я заставила ее влюбиться безъ памяти въ вашего Емелюшку; а у вашего Емелюшки и думки объ ней не было.

— Кто это вамъ сказалъ?

— Не кто сказалъ, а я вамъ говорю!

не онъ ли обжегъ поцѣлуями ручку, да еще не одну, а обѣ, свелъ съ ума дѣвушку, да и тягу отъ нее?

— Свелъ съ ума! какъ это вамъ не стыдно говорить!

— Да-съ! вы думаете, что горячій поцѣлуй ручки ничего не значитъ для неопытной дѣвушки?

— Признаюсь!

— А я вамъ говорю, что это хуже антонова огня, въ одинъ мигъ проникаетъ до сердца.

— Такъ я вамъ говорю, что мой Емелюшка, кромѣ Вареньки, до сихъ поръ никого не любилъ.

— Хмъ!

— Нѣтъ, не хмъ! а правда. А я не виновата, что судьба развела ихъ на время, да это и къ лучшему: они тогда еще были очень молоды.

— Хмъ!

— Нѣтъ, не хмъ! а правда. Помиримтесь, соедините и..ъ. Посмотрите, ихъ сама судьба какъ нарочно сблизила. Артамонъ Матвѣевичъ вышелъ въ отставку, старый знакомецъ, сосѣдъ по имѣнью Эразму Львовичу; а Емелюшка теперь наслѣдникъ Эразма Львовича. Ну, не къ лучшему ли все это?

— Подумаю.

— Нéчего думать; онъ любитъ Вареньку, она его любитъ, отцы старые друзья, рады будутъ соединить дѣтей. Ну?

— Ну, хорошо. Кажется, препятствій быть не можетъ.

— Ни малѣйшихъ. Я за Емелюшку ручаюсь; поручитесь за Вареньку.

— Ручаюсь; она никому не отдастъ руки кромѣ Емелюшки!

— Отцовъ согласимъ; въ отношеніи же всѣхъ постороннихъ обстоятельствъ, я буду на сторожѣ.

— И я.

— Ну, это вѣрно!

— Вѣрно!

— Прощайте, моя алмазная!

— Прощайте, свѣтъ мой!

На другой день прибылъ отъ Артамона Матвѣевича гонецъ, съ поклономъ и съ извѣщеньемъ, что онъ вышелъ въ отставку, прибылъ благополучно въ свое помѣстье и желаетъ посѣтить Эразма Львовича.

— Артамонъ Матвѣевичъ! радъ, радъ, проси его! Жду его! Одинъ онъ прiѣхалъ?

— Съ дочкой Варварой Артамоновной.

— Съ дочкой? Когда жъ онъ хотѣлъ прiѣхать ко мнѣ?

— Чай скоро будутъ, меня послали впередъ.

— И прекрасно! скачи навстрѣчу и скажи, что жду дорогаго гостя.

Въ это время Захарія Эразмовича не было дома; онъ провожалъ Пафнутьича, который отправлялся въ деревню, куда сосланъ былъ Прасковьей Дмитріевной. Съ нимъ отправлялось письмо, въ которомъ Эразмъ Львовичъ просилъ Прасковью Дмитріевну уступить ему Пафнутьича съ семьей, понеже-дескать этотъ старикъ имѣетъ свѣденіе въ садоводствѣ, а ему нуженъ садовникъ.

— Знаешь, Захарій, другъ мой, кто ѣдетъ ко мнѣ въ гости?—сказалъ Эразмъ Львовичъ, когда Захарій Эразмовичъ возвратился съ проводовъ дядьки.

— Не знаю, папа,—отвѣчалъ онъ.

— Твой старый начальникъ.

— Какой старый? у меня старыхъ начальниковъ не было.

— Э, чудакъ! какой ты шутъ! что жъ, твой Артамомъ Матвѣевичъ молодой человѣкъ?

— Артамонъ Матвѣевичъ! неужели? Вотъ бѣда! Онъ меня посадитъ подъ арестъ, что я не явился въ полкъ; скажетъ, что я бѣглый.

— Ха, ха, ха, ха!—прохохоталъ Эразмъ Львовичъ; — нѣтъ, ужь здѣсь наша воля; здѣсь мы сами его арестуемъ!

— Да знаете ли, папа, какъ онъ на меня тогда разсердился за Вареньку? страхъ! чтобъ я, говоритъ, за паршиваго щенка отдалъ дочь свою!

— Ахъ онъ собака, гордецъ! Посмотримъ! Послушай, Захарій, ты не шутя любишь Вареньку?

— Какая же шутка, папа; Наталья Дмитріевна обѣщала, во что бы то ни стало женить меня на ней.

— Что жъ помѣшало?

— Какъ что? я вамъ говорю, что̀ онъ сказалъ.

— Ну, такъ я женю тебя на Варѣ!

— Поздо! она, я думаю, сгорѣла въ Москвѣ!

— Кто это тебѣ сказалъ?

— Нѣтъ, ужь я знаю, что это не ложь.

—Аа! понимаю! Это для того сказали тебѣ, чтобъ ты забылъ, что она и на свѣтѣ существуетъ. Не бойся, живехонька.

— Неужели? Вотъ странное дѣло! Стало быть и Наталья Дмитріевна жива?

— Нѣтъ, другъ мой, твоя maman уже не существуетъ; а Варенька будетъ твоей.

— Хмъ! Артамонъ Матвѣевичъ сказалъ: чтобъ я за какого нибудь Емельку отдалъ дочь свою!

— Емельку? дуракъ онъ! посмотримъ! Теперь ты, душа моя, не какой нибудь Емелька, а Захарій Эразмовичъ! Посмо-

тримъ, какъ-то онъ откажетъ отдать Вареньку за моего сына и наслѣдника!... Только, избави тебя Богъ, ты не проговорись ему, будь съ нимъ какъ незнакомый, какъ будто съ роду и не видывалъ его.

— А если онъ вдругъ скажетъ: а! Емельянъ!

— Скажи ему: извините, я не Емельянъ, а Захарій Эразмовичъ; а ужь мое дѣло будетъ рекомендовать тебя. А лучше всего ни слова не говори покуда; я буду за тебя говорить и отвѣчать.

— А если Варенька узнаетъ меня, и ей не говорить?

— Ну, какъ же можно ей говорить! ты скажешь ей, а она отцу, а онъ еще кому нибудь, и все пропало. Ужь сказано тебѣ: ты и забудь, что былъ Емельяномъ, котораго могли называть щенкомъ; теперь ты мой сынъ, Захарій; понимаешь? мой, душа моя! поди сюда, поцѣлуй меня!

— Чу, кто-то пріѣхалъ, папа, — сказалъ Захарій Эразмовичъ, поцѣловавъ Эразма Львовича; — вѣрно Артамонъ Матвѣевичъ; у меня что-то душа не на мѣстѣ.

— Ого! хорошо вѣрно онъ внушилъ въ тебя страхъ къ себѣ — а? Экой строгой командиръ! Да страху-то твоему я не вѣрю; ты въ меня, неробкаго десятка.

Вошелъ Филипъ и доложилъ о пріѣздѣ Полковника Артамона Матвѣевича.

— Проси! — сказалъ Эразмъ Львовичъ.

— Какой тутъ страхъ, папа, — сказалъ Захарій Эразмовичъ; — не страхъ, а вотъ это, какъ это называютъ, что вотъ такъ и вытягиваетъ во фрунтъ передъ командиромъ?

— Ты смотри вправду не вытянись передъ нимъ по привычкѣ; теперь у тебя одинъ начальникъ: я!... Ахъ, Артамонъ Матвѣевичъ!

— Эразмъ Львовичъ! Господи! да вы ли это?

Старики обнялись.

— Да вы ли это? — продолжалъ Артамонъ Матвѣевичъ; — молодецъ, красавецъ, свѣтскій человѣкъ! бывало зависть беретъ, все такъ за нимъ и ходитъ....

— Чтожъ дѣлать, Артамонъ Матвѣевичъ, двадцать пять лѣтъ не шутка!

— Да, двадцать пять лѣтъ! ай-ай, ай-ай, сколько воды утекло!

Въ это время Артамонъ Матвѣевичъ взглянулъ на Захарія Эразмовича, остановилъ на немъ взоръ, откашлянулся, вынулъ платокъ... Захарій Эразмовичъ смотритъ прямо ему въ глаза какъ сова и — ни слова.

— Ну, какъ, что, съ семействомъ здѣсь, или одни, Артамонъ Матвѣевичъ?

— Слава Богу.... одинъ.... съ семействомъ.... только дочь Варенька....— отвѣчалъ Артамонъ Матвѣевичъ, продолжая искоса всматриваться въ Захарія Эразмовича.

— Еще не замужемъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, куда еще, молода.... я въ походѣ былъ....

— И прекрасно; а у насъ здѣсь женихи есть, — сказалъ Эразмъ Львовичъ;— я еще и не рекомендовалъ вамъ моего сына Захарія....

— Сына? — перервалъ Артамонъ Матвѣевичъ съ удивленіемъ, вставъ съ мѣста и приближаясь къ Захарію Эразмовичу.

— Прошу любить и жаловать; это мой сынъ, — продолжалъ Эразмъ Львовичъ.

— Сынъ? неужели?... Господи Боже мой! что за чудо! точно! — перервалъ Артамонъ Матвѣевичъ,—Емельянъ, именно Емельянъ!

— Обознались, почтеннѣйшій Артамонъ Матвѣевичъ,—сказалъ Эразмъ Львовичъ,— гдѣжъ вамъ видать его?

— Какъ! помилуйте! его не видывалъ?

воспитанника моей сестры, Натальи Дмитріевны, который былъ у меня въ полку?

Захарій Эразмовичъ дулся, пыхтѣлъ, уставивъ глаза па Артамона Матвѣевича, и чуть-чуть не измѣнилъ себѣ. Кивнувъ головой въ подтвержденіе словъ своего бывшаго командира, онъ уже готовъ былъ вскрикнуть: »именно, именно такъ, папа! Артамонъ Матвѣевичь правду говоритъ!« но Эразмъ Львовичъ предупредилъ его.

— Что вы это говорите, Артамонъ Матвѣевичъ! Захарій, поди сюда! За кого воспитанника принимаете вы моего сына? Всмотритесь въ него.

— Смотрю, смотрю! онъ! ну вотъ онъ да и только!

— Да кто онъ?

— Да онъ, Емельянъ!

— Вотъ забавное сходство! — сказалъ Эразмъ Львовичъ.

— И очень забавное! — сказалъ Артамонъ Матвѣевичъ. — Чортъ знаетъ, какъ двѣ капли воды!... Ей-Богу! сестра Наталья Дмитріевна взяла какого-то сироту на воспитанье. Своихъ дѣтей нѣтъ, такъ хоть чужаго нянчить. И вынянчила дубину, не знаетъ куда дѣваться съ нимъ. А на тотъ разъ я пришелъ въ Москву съ полкомъ. Платонъ Андреевичъ и говоритъ мнѣ: нельзя ли, братецъ, опредѣлить вотъ этого болвана на службу. — Почему не такъ; взялъ да и опредѣлилъ его, да еще записалъ прямо офицеромъ. Чтожъ бы вы думали? Привезъ я дочь свою Варю къ сестрѣ Натальѣ, а этотъ и подластился къ ней. Долго ли дѣвку съ ума свести, особенно при помощи любезной тетушки...

— Захарій!—сказалъ Эразмъ Львовичъ, перервавъ слова Артамона Матвѣевича,— ты я вижу обижаешься, душа моя, что мой добрый пріятель, Артамонъ Матвѣ-

вичъ, обознавшись, принялъ тебя Богъ знаетъ за кого.

— Конечно, Артамону Матвѣевичу нельзя было не обознаться, потому что я не Емельянъ Герасимовичъ, — сказалъ Захарій Эразмовичъ.

— Ну, извините старика; вотъ, по голосу я вижу, что вы совсѣмъ другой человѣкъ: Емельянъ говорилъ ясно, а вы немножко шепелявите. Помиримтесь, поцѣлуйте меня. Ей-Богу, мнѣ очень пріятно, что у моего почтеннѣйшаго друга такой достойный сынъ. Знаете, сходство ужасно обманываетъ. Я же золъ на этого мерзавца Емельяна. Представьте себѣ, Эразмъ Львовичъ, вздумалъ просить у меня Варину руку. Согласитесь, пріятно ли мнѣ, за какого нибудь свинаго сына, голыша, выдавать дочь?

— А если онъ не свиной сынъ? — сказалъ Захарій Эразмовичъ.

— Ну, собачій, все равно, — отвѣчалъ Артамонъ Матвѣевичъ.

— А если....

— Захарій! молчи! ты, я вижу, готовъ заступаться за всѣхъ, — сказалъ Эразмъ Львовичъ, бросивъ на него строгій взглядъ.

— Не сердитесь, Эразмъ Львовичъ, молодежъ немножко безразсудна; да не о томъ дѣло: я что-то хотѣлъ сказать, да и позабылъ.

— Вели-ко, душа моя, Захарій, подать намъ закусить чего нибудь; да распорядись объ обѣдѣ, а мы между тѣмъ побесѣдуемъ, — сказалъ Эразмъ Львовичъ.

Захарій Эразмовичъ вышелъ распоряжаться, а старики вспомнили прежнія времена, помолодѣли, особенно Артамонъ Матвѣевичъ, разсказывая подвиги свои съ дружиной ратниковъ. Когда пылъ разсказа поутихъ, и исторія Артамона Матвѣевича кончилась отставкой и потреб-

ностью опочить отъ трудовъ, Эразмъ Львовичъ склонилъ хитро рѣчь на упроченное счастіе дѣтей и на высокое наслажденіе быть дѣдомъ прекрасныхъ внуковъ. Артамонъ Матвѣевичъ прослезился.

— Что, братецъ, Эразмъ Львовичъ, — сказалъ онъ, — я боюсь, что скверновецъ Емелька сглазилъ мою Варю. Бывало, какая веселая дѣвка, полненькая, румяная, а теперь, Богъ ее знаетъ, какъ будто все о чемъ-то думаетъ, изхудала. Бывало въ головѣ все женихи, отъ окна не отгонишь, все высматриваетъ, не пройдетъ ли какой нибудь суженой; а теперь изъ темнаго угла не выгонишь.

— Э, любезнѣйшій Артамонъ Матвѣевичъ, это-то и есть признакъ, что пора замужъ, и ждать нѣчего.

— По мнѣ хоть сейчасъ; слава Богу, приданое будетъ, и замужемъ съ голоду не умретъ.

— Артамонъ Матвѣевичъ, вѣдь, чаю, не нищій же какой нибудь женится на твоей Варѣ. Вотъ, напримѣръ, хоть бы и мой сынъ вздумалъ посвататься: онъ не нуждается въ женниномъ приданомъ: у самого будетъ до 1000 душъ.

— Чтожъ, зачѣмъ дѣло стало? — сказалъ Артамонъ Матвѣевичъ.

— А вотъ, постой, пріѣдемъ смотрѣть невѣсту; надѣемся, что понравимся, отказу не будетъ.

— Ей Богу? пріѣдешь, Эразмъ Львовичъ? пріѣзжай! ей Богу, пріѣзжай!

— Пріѣду.

— Ну, когда?

— Долго не буду откладывать, а дня назначить не могу: я совершенно завишу отъ своей ноги.

— Э, нога! а кто лечитъ?

— Теперь никто, самъ; цѣлые пять

лѣтъ медицина дѣлала надъ ней свои опыты леченія подагры; а я между тѣмъ увѣрился, что то, что было здорово людямъ при Иппократѣ, теперь никуда не годится. теперь совсѣмъ другое нужно.

— Что не заговоры ли? Ну, Эразмъ Львовичъ, ужь этому я и удивляюсь! бывало ничему не вѣрилъ, а теперь вздумалъ лечиться заговорами! Ктожъ это тебѣ заговаривалъ ногу? чай какіе нибудь знахари?

Эразмъ Львовичъ невольно усмѣхнулся.

— Нѣтъ,—продолжалъ Артамонъ Матвѣевичъ, — я не повѣрю себя этимъ мошенникамъ. Я подговорилъ къ себѣ въ деревню доктора; знаю, что какъ случится заболѣть, такъ есть подъ руками помощь. Совѣтую и тебѣ, Эразмъ Львовичъ, полечиться у него. Чудный человѣкъ! латынской кухни самъ терпѣть не можетъ, го-

ворить, что простой кухней также можно лечить; здоровье, говоритъ, зависитъ отъ выбора соотвѣтственной желудку пищи. У меня ужь такъ и готовятъ по его назначенію.

— Готово обѣдать, — сказалъ Захарій Эразмовичъ, входя въ комнату.

— Пойдемъ-ко, пойдемъ, сосѣдъ, обѣдать, у меня легкой, діэтной столъ, — сказалъ Эразмъ Львовичъ; — помоги мнѣ, душа моя, Захарій, привстать.

Захарій Эразмовичъ повелъ отца къ столу подъ руки.

— Удивительное сходство съ перваго взгляда! — думалъ Артамонъ Матвѣевичъ, смотря на Захарія Эразмовича. — Вотъ, что скажетъ Варя, какъ увидитъ его.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТРЕТЬЕЙ ЧАСТИ.

НОВЫЙ ЕМЕЛЯ,

или

ПРЕВРАЩЕНІЯ.

РОМАНЪ

А. Ѳ. Вельтмана.

ЧАСТЬ IV.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. СТЕПАНОВА.

1845.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва. Іюня 18 дня 1845 года.

Ценсоръ *И. Снегиревъ.*

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

О томъ, какъ и Варенька думала, что это онъ анъ вышелъ не онъ.

Послѣ славнаго сытнаго корма и пьянаго питья, Артамонъ Матвѣевичъ распростился съ Эразмомъ Львовичемъ. Эразмъ Львовичъ на дняхъ обѣщалъ пріѣхать къ нему.

— Съ сыномъ, — сказалъ Артамонъ Матвѣевичъ, обнимая Захарія Эразмовича. — Захарій Эразмовичъ, поторопи, любезный другъ, отца. У меня, братъ, есть дочка, красавица, такъ оно знаешь ты и не худо; приволокнешься.

— Покорно благодарю-съ! — отвѣчалъ Захарій Эразмовичъ.

— Да, да, приволокнись, — прибавилъ Артамонъ Матвѣевичъ, у котораго языкъ прилипалъ уже къ гортани.

— Нѣтъ, покорно благодарю! — сказалъ Захарій Эразмовичъ по отъѣздѣ бывшаго своего начальника.

— Что такое? — спросилъ Эразмъ Львовичъ.

— Опять приволокнись; а какъ я приволокнулся по его же приказанію, такъ такую поднялъ кутерьму.

— Теперь не бойся. Дѣло рѣшено, Варя наша. Разумѣется, покуда ты былъ не болѣе какъ сирота, пріемышъ, онъ не отдалъ бы за тебя дочери. Ну, а теперь, за моего сына — дѣло другое.

— Разумѣется другое,—отвѣчалъ Заха-

рій Эразмовичъ; — да я знаю, что онъ опять привяжется ко мнѣ.

— Женю тебя, душа моя; если дастъ Богъ дождусь внука.... тогда легко будетъ и умирать.

— Конечно, — сказалъ Захарій Эразмовичъ, — все-таки будетъ веселѣе, когда Вареньку мы прикомандируемъ сюда: я ни шагу отъ васъ, а она ни шагу отъ меня.

— Именно, душа моя, жена не должна рыскать отъ мужа.

— Бывало Платонъ Андреевичъ: « Куда жъ ты, Наташенька ? » А Наталья Дмитріевна молчитъ. « Тебѣ я говорю! » — А я терпѣть не могу запросовъ. — «Минуты со мной не посидитъ! Никакой нѣтъ привязанности къ мужу! » — Да-съ, я не люблю быть привязанной! я не собака! — « Да-съ, другой бы мужъ, суда-

рыня, и держалъ васъ на привязи, чтобъ не рыскали!» — Охъ, мнѣ дурно! мнѣ житья нѣтъ дома! грубость, брань! это ужасъ! подавайте карету!... — и поѣдетъ. А Платонъ Андреевичъ ко мнѣ, возметъ за ухо да и говоритъ: ну, мордашка, читай стихи! — Я и читаю: Коза, коза, моя краса! сѣрые глаза, льняная коса!...

Эразмъ Львовичъ радъ бы слушать разсказы Захарія Эразмовича о житьѣ-бытьѣ Платона Андреевича и Натальи Дмитріевны; но не могъ воздержаться отъ смѣху и прерывалъ ихъ словами:

— Охъ, не смѣши меня, мочи нѣтъ больно!

Между тѣмъ Артамонъ Матвѣевичъ возвратился домой.

— Ну, Варя, — сказалъ онъ цѣлуя дочь, у насъ будетъ на дняхъ гость.

— Какой гость, папинька? — спросила Варенька.

— А такой гость, который будетъ тебѣ по сердцу.

— Я не знаю, папинька, какой гость.

— А такой гость, какого лучше тебѣ и не надо, понимаешь?

— Право не понимаю, папинька.

— Ну, дурочка, если не понимаешь, такъ ложись, да спи, вѣрно увидишь его во снѣ.

Варенька пожелала отцу покойной ночи, и отправилась въ свою комнату, гдѣ мамушка ея, вооруживъ носъ накладными очками, сидѣла подлѣ столика и вязала чулки.

Въ старину, изволите ли видѣть, когда еще были свои родовые, наслѣдные нравы и обычаи, и когда принимать чужихъ никто еще и не думалъ, водились на Руси мамушки, сѣденькія старушки изъ барскихъ барынь. На ихъ рукахъ росли

боярышни. Онѣ берегли дѣвушекъ пуще своего глаза отъ обмороченья, отъ узороченья, отъ обаянья, отъ чернаго глаза и отъ всякой порчи. Стерегли чувства, какъ птенчиковъ, ухаживали за красотой, какъ за румянымъ цвѣткомъ. По праздникамъ, съ ними въ храмъ Божій; въ будни надзирали за ихъ рукодѣльемъ. Въ долгій зимній вечеръ скажутъ сказочку, уложатъ въ пуховую перинку, подъ соболье одѣяло, перекрестятъ: «Спи, голубушка моя, съ Богомъ!» и ночью раза три встанутъ: «Спитъ ли, моя голубушка?» Бывало — было же такое время невѣжества! — дѣвушка выйдетъ изъ подъ ихъ надзору замужъ, и ровнехонько ничего не знаетъ: ни сорочьяго щебетанья, ни павлиныхъ перьевъ, ни лисьихъ уловокъ, ни надувной полноты, ни накладной красоты. Чиста, моя голубушка, и тиха, какъ лебедь бѣлая, пятнышка чернаго нѣтъ ни на душѣ, ни на перѣ. Те-

перь мадамъ не чета мамушкамъ; за то дѣвушка ровнехонько все знаетъ, все разумѣетъ, и то и сё и все прочее, кромѣ только чего нибудь инаго. Бывало дѣвушка выйдетъ замужъ: что за жена! что за мать! а теперь выйдетъ дѣвушка замужъ: что за жена? что за мать? Бывало мужъ мужемъ, а теперь мужъ не мужъ. Дай вамъ Богъ царство небесное, мамушки, и душѣ вѣчный покой!

— Что, сударыня моя, Варвара Артамоновна, о чемъ призадумалась, словечка не промолвишь? — сказала мамушка Варенькѣ.

— Такъ, ничего, — отвѣчала Варенька.

— И, ужь такъ, ничего! не посердился ли за что батюшка?

— И не думалъ.

— Хмъ! и не придумаю, о чемъ ты сгрустнулась.

— И не думаю грустить.

— Ой, неправда!

— Неправда! о чемъ мнѣ грустить: папинька сказалъ, что какой-то гость къ намъ будетъ.

— Ой-ли? что жъ, сударыня, милости просимъ: каковъ гость.

— Папинька такъ странно сказалъ: тебѣ, говоритъ, онъ будетъ по сердцу. Что жъ это такое?

— А! вотъ видишь ли! приготовляйся же, сударыня, встрѣчать гостя.

— Это для чего?

— Ужь я знаю для чего.

— Скажи, мамушка!

— Знаю: гость-отъ будетъ какой нибудь женихъ.

— Пьфу!

— Послушай, сударыня, выкинь ты

изъ головы дурь свою! Ужъ не даромъ ты на всѣхъ жениховъ поплевываешь!

— Я не хочу замужъ идти!

— Ой-ли? и за него не пойдешь?

— За кого?

— Да вотъ за того, что тетенька-то Наталья Дмитріевна тебѣ упрочила.

— Перестань мнѣ напоминать, мамушка!

— Ну, ну, спи, сударыня, съ Богомъ!

Но Варенька не могла заснуть: по словамъ отца, она боялась увидѣть гостя во снѣ. Только что начнетъ забываться, вдругъ ей померещится какой нибудь чучело-военный, усы закорючкой, сабля стучитъ о деревянную ногу; вздрогнетъ Варенька, проснется съ ужасомъ. Снова заснетъ, глядь, передъ нею чучело-статской, перо за ухомъ, чернилица вмѣсто часовой цѣпочки; или чучело—такъ, ни то

ни сё, дутикъ, фертикъ, накрахмаленной, лощеной франтъ, хохолъ улиткой. Только передъ утромъ исчезли грезы, и въ сладкомъ, крѣпкомъ снѣ явился кто-то и сказалъ: здравствуйте, Варвара Артамоновна! какъ вы поживаете, все ли въ добромъ здоровьѣ?

Варенька ахнула, очнулась, окинула во кругъ себя взорами: утро румяно; а она еще румянѣе.

Три дни прошли въ ожиданіи гостя; и вотъ, передъ обѣдомъ, на четвертый день, загрохотала коляска по двору, и подлѣ крыльца раздалось невыразимое кучерское прррр! По всему дому бѣготня, во всѣхъ концахъ повѣщается о пріѣздѣ гостей. У Вареньки опало сердце отъ страху. Артамонъ Матвѣевичъ идетъ встрѣчать.

— Эразмъ Львовичъ! милости просимъ!... Какъ бишь?...

— Здравствуй, батюшко Артамонъ Матвѣевичъ! Насилу добрался!

Въ то время, какъ Захарій Эразмовичъ заботливо помогалъ отцу всходить на ступеньки лѣстницы, гдѣ принялъ его въ объятія Артамонъ Матвѣевичъ, любопытная Варенька, взглянувъ въ окно, ахнула, всплеснула руками и бросилась на шею мамушкѣ своей.

— Что съ тобой, золото мое?—спросила, испугавшись, мамушка.

— Мамушка, душечка, вѣдь это пріѣхалъ Емельянъ Герасимовичъ! — проговорила Варенька, обнимая свою мамушку.

— Охъ, что ты, да ты задушишь!... да тебѣ мерещится, Варвара Артамоновна.

— Ей Богу нѣтъ! это онъ! онъ, мамушка душечка!

— Пріемышъ; а вѣдь это отецкой сынъ, сударыня. Артамонъ Матвѣевичъ гово-

рилъ мнѣ, что будетъ женихъ смотрѣть тебя: отцы-то ужь согласились; вотъ и прiѣхалъ.

— Ахъ, что-это ты говоришь, мамушка!

— Какому же тутъ быть твоему любезному.

— Такъ это не онъ, мамушка? — проговорила сквозь слезы Варенька.

Опрометью прибѣжала съ низу горничная Вареньки и сказала, что папинька зоветъ ее къ себѣ.

— Одѣвайтесь, барышня!

Варенька не знала, вѣрить ли своимъ глазамъ, или словамъ мамушки. Она была въ нерѣшительности, въ сомнѣнiи, и хотѣлось идти, и боялась идти; страшно было и встрѣтить Емельяна Герасимовича, страшно было и убѣдиться, что это не онъ.

Мамушка однако же умѣла наговорить на ея душу столько твердости, чтобъ идти на волю Божью: что будетъ, то будетъ. Съ трепетнымъ сердцемъ сошла она внизъ, идетъ, потупивъ очи, чрезъ гостиную; вдругъ кто-то навстрѣчу ей опрометью — чуть-чуть не сбилъ ее съ ногъ и ахнулъ. Ахнула и Варенька.

И вотъ, Захарій Эразмовичъ, бѣжавшій сказать Филипу, чтобъ досталъ изъ коляски спиртъ Эразму Львовичу, стоитъ передъ Варенькой какъ листъ передъ травой.

Смущенная Варенька присѣла, и не знаетъ, идти ли ей далѣе или также не двигаться съ мѣста.

— Варвара Артамоновна! здравствуйте, какъ вы поживаете, все ли въ добромъ здоровьѣ? — проговорилъ, послѣ долгаго недоумѣнія что дѣлать, Захарій Эразмовичъ и подошелъ къ рукѣ.

— Я никакъ не ожидала васъ, — произнесла дрожащимъ голосомъ Варенька.

— Какъ не ожидали? а папинька не сказалъ вамъ?

— Нѣтъ-съ.... извините, папинька ждетъ меня.

Захарій Эразмовичъ долго смотрѣлъ въ слѣдъ за Варенькой; но вспомнивъ о спиртѣ, побѣжалъ на крыльцо; а Варенька робкимъ шагомъ вошла въ кабинетъ отца.

— А! Варя! — сказалъ Артамонъ Матвѣевичъ; — Эразмъ Львовичъ, рекомендую мою дочь.

— Какая милая дѣвица! Пожалуйте, сударыня, вашу ручку, — сказалъ Эразмъ Львовичъ, сидя въ глубокихъ креслахъ.

— А гдѣ жъ сынокъ? — спросилъ Артамонъ Матвѣевичъ.

— Сейчасъ придетъ. Очень радъ, Варвара Артамоновна, что имѣю удовольствіе васъ видѣть. Завидую Артамону Матвѣевичу, что у меня нѣтъ такой дочери!

— Не завидуй; съ тобой, Эразмъ Львовичъ, я и дочерью готовъ подѣлиться.

— На это, любезный другъ, нужно согласіе Варвары Артамоновны; захочетъ ли она еще принять меня вторымъ отцомъ.

— Захочетъ, захочетъ; она отъ отцовской воли ни на шагъ. Правда, Варя?

Варенька потупила очи, хотѣла что-то сказать; но въ это время вошелъ Захарій Эразмовичъ съ Филипомъ.

— Вотъ и онъ,—сказалъ Эразмъ Львовичъ;—рекомендую вамъ моего молодца.

Артамонъ Матвѣевичъ взглянулъ на Вареньку; но такъ какъ первое впечатлѣніе неожиданной встрѣчи въ гостиной прошло уже, то Варенька присѣла, немного

покраснѣвъ, а Захарій Эразмовичъ поклонился и только.

— Хмъ!—подумалъ Артамонъ Матвѣевичъ, — съ чего жъ это пришло мнѣ въ голову находить въ немъ сходство съ Емельяномъ? Ужь вѣрно Варя также приняла бы его за Емельяна.

— Ну, я попрошу на минутку оставить меня, нога-то очень разболѣлась, — сказалъ Эразмъ Львовичъ.

— Пойдемте, пойдемте,—сказалъ Артамонъ Матвѣевичъ, взявъ за руку Захарія Эразмовича. — Варя, вотъ тебѣ на руки гость, проведи его по саду, займи; прошу, безъ церемоній; а я покуда останусь здѣсь. Ей! позовите ко мнѣ Ивана Егоровича.... Эразмъ Львовичъ, ты, братецъ, какъ хочешь, а покажи свою ногу моему доктору; это ни на что не похоже такъ мучиться!

— Охъ полно, Артамонъ Матвѣевичъ, какой тутъ докторъ!

— Какъ какой: настоящій привиллегированный, рекомендованный; неужели ты думаешь, что я поручу сохраненіе своего здоровья кому нибудь?

Покуда Артамонъ Матвѣевичъ разхваливалъ Ивана Егоровича, Иванъ Егоровичъ явился на лицо.

— Вотъ, Эразмъ Львовичъ, рекомендую тебѣ Ивана Егоровича.

Эразмъ Львовичъ сначала сердито посмотрѣлъ на вошедшаго медика, довольно неловкаго, но въ очкахъ и съ самонадѣянной наружностію; однакожъ, такъ какъ у всѣхъ больныхъ есть страстишка, если не лечиться, такъ по крайней мѣрѣ, разсказывать про свои болѣзни каждому, кто готовъ слушать; то Эразмъ Львовичъ никакъ не могъ себѣ отказать въ удовольствіи поговорить съ Иваномъ Егоровичемъ о вновь открывшемся симптомѣ своей болѣзни.

Иванъ Егоровичъ былъ изъ числа тѣхъ людей, которые любятъ теорію одного познанія, а практику другаго. Ни въ одной практикѣ нельзя такъ утаить невѣжества, какъ въ практикѣ медицинской, которой всѣ дѣйствія совершаются во внутренностяхъ человѣческихъ. Тутъ заслуги природы можно приписать себѣ, а свои злодѣянія свалить на природу. Иванъ Егоровичъ беззаботно слѣдовалъ системѣ гонять болѣзнь изъ угла въ угогъ, покуда она какъ мышка уйдетъ въ щелку, или какъ кошка въ окошко.

Покуда Эразмъ Львовичъ волею или неволею совѣщался на счетъ своей болѣзни съ докторомъ, докторъ понялъ болѣзнь, и доказывалъ, что у него не подагра, а просто ревматизмъ; а Артамонъ Матвѣевичъ подтверждалъ слова своего домашняго доктора, громогласно возглашая: да, да, имянно такъ! въ этомъ и сомнѣваться нé-

чего.—Захарій Эразмовичъ съ Варенькой ходили по саду.

— Какъ пріятно вмѣстѣ прогуливаться,—началъ Захарій Эразмовичъ.

— Да-съ,—отвѣчала Варенька.

— Такъ вамъ, Варвара Артамоновна, папинька ничего не говорилъ обо мнѣ?

— Ничего не говорилъ.... Онъ только сказалъ, что вы будете къ намъ,—отвѣчала Варенька.

— А вотъ видите ли, стало быть онъ сказалъ, что я пріѣду жениться на васъ?

Варенька смутилась, покраснѣла.

— Да скажите же, Варвара Арамоновна, я хочу знать навѣрное, любите ли вы меня?

Варенька не знала, что дѣлать, что говорить; такъ страшны показались ей эти слова.

— Да скажите же, Варвара Артамоновна, безъ церемоній; вѣдь папинька самъ сказалъ, чтобъ вы говорили со мной безъ церемоній.... Вѣдь онъ сказалъ папинькѣ, что радъ, лишь бы вы были рады.

У Вареньки трепетали всѣ жилки, она молчала; какъ испуганный строусъ прячетъ голову подъ крыло, такъ ей хотѣлось спрятать куда нибудь свою голову.

— Ужь я въ послѣдній разъ говорю: если любите, такъ дайте ручку, а если нѣтъ, такъ Богъ съ вами! Я уѣду отъ васъ и никогда не пріѣду. Хотите, чтобъ я уѣхалъ?

Варенька отдѣлила одну ручку отъ платочка, который держала обѣими.

— Ну, теперь вы моя! — вскричалъ Захарій Эразмовичъ, — сядемте на скамеечку, да посидимте.... Знаете ли какое счастіе! какая ручка! чудо! Я теперь васъ просто

буду называть Варенькой.... Чего жъ вы боитесь? Варенька, а Варенька! Э! какія вы! что жъ вы спрятались? да бросьте платокъ! не хотите?

— Да зачѣмъ вамъ это?—проговорила Варенька.

— Какъ зачѣмъ? что мнѣ за охота смотрѣть на вашъ платокъ.

— Пойдемте ходить!

— Зачѣмъ ходить?

— Такъ.

— Вотъ прекрасно; будто нельзя , не ходивши, сидѣть?

— Я думаю, что ужь накрыли на столъ; намъ пора идти.

— Ну, пойдемте; я скажу, что вы мнѣ отдали свою руку.

— Ахъ, пожалоста не говорите!—вскричала Варенька.

— А если спросятъ?

— Ахъ нѣтъ, не говорите!

— А если не говорить, такъ какъ же вашъ папинька и мой папа узнаютъ, что вы отдали мнѣ руку и сердце? Вѣдь вы отдаете мнѣ и сердце?

Варенька закрыла снова лицо платкомъ и не знала что говорить.

— Что жъ, Варенька, вы не говорите?

— Послѣ, послѣ!—произнесла тихо Варенька.

— Ну, послѣ, такъ послѣ; пожалуй хоть тогда, когда женимся; это все равно.

— Насъ вѣрно ждутъ, — сказала Варенька.

— Пойдемте; если спросятъ, такъ ужь какъ хотите, а я скажу, что руку вы отдали мнѣ, а сердце осталось за вами.

— Ахъ, ради Бога не говорите!

— Какія вы странныя! Ну, чего тутъ бояться?

— Послѣ, а не теперь.

— Послѣ! да я послѣ и скажу.

— Только не здѣсь.

— Да комужъ мнѣ здѣсь говорить?

— Не то что здѣсь; не у насъ, а дома, завтра.

— автра! а если завтра будетъ поздо?

— Пожалуста!

— Какъ хотите, Варенька; а до завтра ничего не должно откладывать.

Захарій Эразмовичъ какъ будто предвидѣлъ, что *завтра* ужасно какъ затягиваетъ дѣло.

— Я сейчасъ приду,—сказала Варенька, входя въ залу; — не угодно ли вамъ въ кабинетъ.

Захарій Эразмовичъ вошелъ въ кабинетъ, гдѣ Эразмъ Львовичъ поохивалъ отъ боли; а Артамонъ Матвѣевичъ уговаривалъ его лечиться у Ивана Егоровича.

— Гдѣ ты былъ, Захарій? — спросилъ Эразмъ Львовичъ.

— Гулялъ въ саду съ Варварой Артамоновной,—отвѣчалъ Захарій Эразмовичъ.

— Ого! У тебя премиленькая дочь, Артамонъ Матвѣевичъ.

— А вотъ спросимъ, какъ имъ понравилась,—сказалъ Артамонъ Матвѣевичъ.

— Говори-ко, Захарій, правду.

— Мнѣ Варвара Артамоновна очень нравится.

— Ну, а ты понравился ли ей?

— Я? не совсѣмъ еще.

— Отъ чего же ты такъ думаешь?

— Да такъ.

— Э, да возможно ли, чтобъ дѣвушка съ перваго разу сказалась! Это ужь мое дѣло узнать ея мысли. Да что жъ это не подаютъ на столъ?

Съ этими словами Артамонъ Матвѣевичъ вышелъ, велѣлъ подавать кушанье, а между тѣмъ позвалъ къ себѣ Вареньку, и посмотрѣвъ на нее испытующимъ взоромъ, спросилъ:

— Ну?

— Ничего, папинька,—отвѣчала Варенька, потупивъ взоръ и покраснѣвъ.

— А что, сударыня, отгадалъ я, что гость будетъ тебѣ по сердцу? а?

Варенька молчала.

— Да говорижъ, моя милая!

— Вы знаете, папинька.... — произнесла Варенька.

— Что я знаю?

— Что Емельянъ Герасимовичъ....

— Э, сударыня! у тебя въ головѣ по сю пору Емелька! я тебѣ дамъ Емельяна Герасимовича!

Варенька затрепетала, дыханіе ея стѣснилось, слезки копились-копились въ очахъ, и она вдругъ зарыдала.

— Если ты не выбьешь его изъ своей головы.... Смотри! тсъ! не плакать!

Прикрикнувъ на дочь, Артамонъ Матвѣевичъ возвратился въ кабинетъ, и вмѣстѣ съ Захаріемъ Эразмовичемъ повелъ къ столу стараго друга своего Эразма Львовича, который едва могъ ступить на ногу.

Въ продолженіи обѣда и хозяинъ и его докторъ развлекали старика разсказами о чудесныхъ излеченіяхъ; Захарій Эразмовичъ не сводилъ глазъ съ Вареньки; а Варенька сидѣла грустна и печальна, и не

смѣла взглянуть на Захарія Эразмовича. Отецъ посматривалъ изъ подлобья на это равнодушіе и сердился.

Послѣ обѣда Иванъ Егоровичъ предупредилъ Захарія Эразмовича въ помощи Эразму Львовичу добраться до кабинета.

— Варенька, а Варенька!—сказалъ Захарій Эразмовичъ, оставшись съ ней наединѣ въ гостиной, — что это значитъ, что вы за столомъ не кушали, не говорили, не глядѣли, а все думали?

— Ахъ, оставте меня! — проговорила Варенька сквозь слезы.

— Какъ оставьте! — спросилъ съ удивленіемъ Захарій Эразмовичъ.

— Такъ; я не могу вамъ принадлежать.

— Не можете? ну, Богъ съ вами! — сказалъ Захарій Эразмовичъ.

— Послушайте!—сказала Варенька, залившись слезами.

— Если не хотите, такъ о чемъ же плакать.

— Ахъ, не сердитесь; это не моя воля?

— Чья же воля?

— Ахъ, не сердитесь на меня! — произнесла Варенька, взявъ за руку Захарія Эразмовича,—сердце мое вамъ принадлежитъ.

— Мнѣ? Такъ мнѣ больше ничего и не надо!

— Но рука моя не можетъ вамъ принадлежать! Папинька запрещаетъ мнѣ васъ любить!

И съ этими словами Варенька выбѣжала вонъ изъ комнаты, въ двери, ведущія въ садъ.

Захарій Эразмовичъ остолбенѣлъ. Ка-

кая-то сила повлекла его въ садъ вслѣдъ за Варенькой; онъ выбѣгалъ всѣ дорожки, обшарилъ всѣ кусты, ищетъ Вареньку; а между тѣмъ Эразмъ Львовичъ собрался домой, и толпа лакеевъ ищетъ по всему дому Захарія Эразмовича. Эразмъ Львовичъ сидѣлъ уже въ коляскѣ, когда онъ наконецъ явился.

— Куда это ты запрятался съ своей возлюбленной, что цѣлый часъ тебя искали?—спросилъ Эразмъ Львовичъ, когда кони двинулись съ мѣста.

— Я и не думалъ прятаться, папа,— отвѣчалъ Захарій Эразмовичъ,—она спряталась, а я искалъ ее.

— Такъ вы играли въ гулючки?

— Какая игра! Артамонъ Матвѣевичъ запретилъ ей отдавать мнѣ руку!

— Какъ запретилъ?

— А ужь я не знаю, какъ запрещаютъ.

— Пустяки, ложь!

— Что Варенька скажетъ, то не ложь; она плакала-плакала, и сказала мнѣ, что сердце ея принадлежитъ мнѣ, а рука — мечта!

— Не можетъ быть! хитритъ! вѣрно ты ей не по душѣ, любезный другъ.

— Я ей не по душѣ? А что жъ это значитъ, что она залилась слезами, сказала печальнымъ голосомъ: прощайте! и ушла.

— Такъ Артамонъ Матвѣевичъ хитритъ. Вотъ пусть только пріѣдетъ, завтра же хотѣлъ пріѣхать съ докторомъ, я его допрошу! нѣтъ! я шутить не позволю надъ собой!...

На другой день, дѣйствительно, Артамонъ Матвѣевичъ пріѣхалъ съ своимъ домашнимъ докторомъ. Эразмъ Львовичъ напалъ на него добрымъ порядкомъ.

— Кто, я не согласенъ отдать дочери

за твоего сына? — вскричалъ Артамонъ Матвѣевичъ,—я хитрю? помилуй, Эразмъ Львовичъ; или ты меня не знаешь? Да съ чего ты это взялъ.

— Да такъ мнѣ показалось.

— Показалось! странной ты человѣкъ! Молодые люди не успѣли еще ознакомиться, а ужь ты увѣренъ, что они другъ друга любятъ, что дочь моя рада выйдти замужъ за твоего сына, да я противлюсь этому! а по мнѣ Богъ съ ними, хоть сейчасъ къ вѣнцу.

Эразму Львовичу нечего было отвѣчать на это; въ самомъ дѣлѣ онъ поторопился упрекнуть Артамона Матвѣевича, и этимъ могъ обнаружить метаморфозу Емельяна Герасимовича въ Захарія Эразмовича.

— Ну, перестань сердиться; ты знаешь, что больные привязчивы.

— Да съ чего ты взялъ, что я гово-

рю одно, а дѣлаю другое? Сталъ бы я церемониться! просто бы сказалъ: извини, братъ, Эразмъ Львовичь, сынъ твой мнѣ не по нутру.

— Ну, ну, ну, оставимъ это!

— То-то же!... Да! Иванъ Егоровичъ привезъ тебѣ мазь отъ ноги; такъ ужь ты пожалоста не кобянься, а полечись какъ долгъ велитъ.

— Развѣ для тебя, — сказалъ Эразмъ Львовичъ. — Только, если я такимъ же образомъ навязываю тебѣ на шею сына, какъ ты мнѣ навязываешь доктора, то признаюсь!

— Опять! Ей Богу разсержусь и уѣду!

— Ты что-то вправду сердитъ, Артамонъ Матвѣевичъ, шутки не понимаешь.

Артамонъ Матвѣевичъ въ самомъ дѣлѣ былъ не въ духѣ; онъ подозрѣвалъ, не схитрила ли какъ нибудь Варенька, чтобъ

отклонить отъ себя Захарія Эразмовича. Въ этихъ мысляхъ онъ ѣхалъ домой и былъ мраченъ, отвѣчалъ на слова своего спутника, доктора, отрывисто.

— Какой замѣчательный человѣкъ сынъ Эразма Львовича, — сказалъ Иванъ Егоровичъ.

— А что? — спросилъ Артамонъ Матвѣевичъ.

— Я никакъ не ожидалъ, чтобъ онъ уже путешествовалъ.

— А что?

— Я полагалъ, что онъ здѣсь и выросъ и воспитывался, и говорю ему: вы я думаю не весело провели вашу молодость въ деревнѣ, при больномъ родителѣ, и рѣдко куда нибудь выѣзжали? — Какъ рѣдко? — сказалъ онъ съ удивленіемъ, — мнѣ надоѣло ѣздить: я цѣлый свѣтъ изъѣздилъ. — Были въ иностран-

ныхъ земляхъ? — спросилъ я его. — Вездѣ былъ, гдѣ хотите, — отвѣчалъ онъ.

— Что жъ удивительнаго, вѣдь онъ родился и выросъ въ Италіи, — сказалъ Артамонъ Матвѣевичъ.

— Неужели? какъ любопытно было распространить съ нимъ разговоръ; но вы меня позвали къ Эразму Львовичу въ кабинетъ, и мнѣ не удалось.

— Успѣешь еще сто разъ, Иванъ Егоровичъ: между нами сказать, онъ будетъ мнѣ свой.

— Ахъ, какъ это пріятно!

— Только покуда не проговорись. Ручаться ни за что нельзя; можетъ быть, не понравится дочери.

— О, вѣрно понравится, — сказалъ Иванъ Егоровичъ, съ улыбкой, которая значила: мы кое-что замѣтили.

— Такъ ты думаешь?

— Увѣренъ.

— Ты, братъ, вѣрно по медицинѣ все знаешь?

— А какъ же, любовь есть также родъ болѣзни, и проявляется въ извѣстныхъ симптомахъ.

— Хитрые вы люди!

Иванъ Егоровичъ распространился-было о наружныхъ признакахъ сердечной горячки; но Артамону Матвѣевичу не хотѣлось разсѣивать разговоромъ душу свою. Пріѣхавъ домой, онъ позвалъ къ себѣ Вареньку и приласкалъ ее.

— Ты обѣщаешь мнѣ быть послушной, Варя, а?

— Во всемъ воля ваша, папинька, — отвѣчала она, печально склонивъ головку.

— То-то же; такъ выкинь причуды изъ головы; я знаю, что покойница тетка Наталья Дмитріевна сбила тебя съ пути: хмъ! знаю! ей хотѣлось женить на

тебѣ своего пріемыша Емельку! Трудно ли такой бабѣ свести съ ума неопытную дѣвушку! Да я увѣренъ, Варя, что отецъ дороже тетки, и ты скорѣе исполнишь мою волю, нежели ея, — правда? отвѣчай же.

— Правда, папинька.

— Ну, такъ вотъ видишь ты: какъ тебѣ нравится сынъ Эразма Львовича Потанина?

— Какой, папинька?

— Вотъ что былъ у насъ.

— Когда, папинька?

— Что ты, сумасшедшая что ли? Тебѣ надо напоминать, ктò вчера былъ.

— Вчера былъ.... — Варенька хотѣла сказать Емельянъ Герасимовичъ, но не смѣла.

— Вчера былъ Захарій Эразмовичъ, прекрасный молодой человѣкъ, образо-

ванный, путешествовалъ вокругъ свѣта, наслѣдникъ до тысячи душъ. Женихъ, хоть куда и не нашему брату. Да, замѣтила ты, что есть маленькое сходство съ Емельяномъ?

Варенька покраснѣла, смутилась, думала, что отецъ надъ ней шутитъ и не знала что отвѣчать.

— Тебя я спрашиваю?

— Не знаю, папинька.

— Не похожъ? Ну, такъ мнѣ померещилось. Какъ же тебѣ нравится Захарій Эразмовичъ? а?... Что съ тобой?

— Голова кружится,—проговорила Варенька, — что-то дурно, я пойду лягу....

— Ну, ступай, ступай! Бѣда съ этими дѣвками!

Варенька съ трудомъ дошла до своей комнаты, бросилась въ постель и закрыла лицо руками.

Долго не могла допытаться мамушка, что съ ней сдѣлалось.

— Ахъ, мамушка, не спрашивай! Ахъ, еслибъ ты знала, что я сдѣлала!

— Да что такое, голубчикъ мой? что такое? да скажи же мнѣ! что за несчастье! что за бѣда такая случилась?

— Ахъ, мамушка! вѣдь это былъ сынъ Эразма Львовича, того больнаго старика, съ которымъ пріѣзжалъ.

— Ну, что жъ за бѣда такая?

— Ахъ, мамушка! съ незнакомымъ человѣкомъ я обошлась какъ съ знакомымъ! что онъ обо мнѣ подумаетъ!

— Да что жъ ему подумать, дитятко мое?

— Ахъ, онъ подумаетъ, что я влюблена въ него!

— Ахъ, мать моя, да съ чего жъ это онъ показался тебѣ за Емельяна Герасимовича?

— Самъ папинька говоритъ, что онъ похожъ на него. Да такой смѣлый, ни съ того ни съ сего началъ допрашивать, люблю ли я его, пойду ли за него замужъ.

— Ну, что жъ ты ему отвѣчала?

— Я сгорѣла со стыда, боялась смотрѣть на него. Я думала, что это Емельянъ Герасимовичъ, а это какой-то чортъ ивановичъ! Теперь онъ воображаетъ, что я безъ памяти отъ него, радехонька выйдти за него замужъ!... а я скорѣй утоплюсь, чѣмъ пойду за него замужъ!

— Оохо, хо!—произнесла задумавшись мамушка; и въ этомъ русскомъ оохо, хо! было все ея горе, сполна.

— Гдѣ были твои глаза, сударыня моя!—сказала она наконецъ;—помолись-ко Богу, да ложись спать; утро вечера мудренѣе.

— Пусть что хочетъ дѣлаетъ со мной папинька, а я не покажусь на глаза это-

му оборотню! — сказала Варенька въ заключенiе разговора.

— Ооxo, хо! — повторила мамушка, уложивъ свое дитятко и перекрестивъ его.

Между тѣмъ Эразмъ Львовичъ почувствовалъ необыкновенное облегченiе въ ногѣ отъ присланнаго пластыря Иваномъ Егоровичемъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ почувствовалъ маленькую одышку; новый симптомъ болѣзни сталъ его безпокоить.

— Поѣзжай-ко, душа моя, — сказалъ онъ Захарiю Эразмовичу, — къ своей невѣстѣ съ визитомъ, успокой ее на счетъ согласiя ея отца. А на дняхъ мы рѣшимъ дѣло сговоромъ, да и свадьбой нѣчего медлить. Отдѣлаю тебѣ домъ и — съ Богомъ.

— Конечно медлить нѣчего, папа; я сей-часъ же поѣду и скажу все Вареинькѣ, скажу, что дѣло стало только за ней.

— Долго однакожъ тамъ не оставайся да попроси доктора пріѣхать ко мнѣ, если можно вмѣстѣ съ тобой.

Захарій Эразмовичъ нарядился во фракъ, въ рейтузы съ пуговицами; къ счастію въ боковомъ карманѣ отыскалъ онъ очки свои.

— Ну, батюшко сударь, теперь ужь настоящій господчикъ! — сказалъ Филипъ, наряжавшій своего молодаго барина.

Чрезъ два часа, кузовъ на прямыхъ ресорахъ остановился передъ крыльцомъ дома Артамона Матвѣевича, и Захарій Эразмовичъ выскочилъ изъ него какъ ловкій денди, или по-русски *шематонъ*. Слуги засуетились, всѣ двери передъ нимъ настежъ, и онъ влетѣлъ въ залу, гдѣ встрѣтилъ его Артамонъ Матвѣевичъ, не узналъ и хотѣлъ спросить, съ кѣмъ имѣю честь говорить?

— Папа кланяться приказалъ, и я также честь имѣю... явиться, Артамонъ Мат-

вѣевичъ, — сказалъ Захарій Эразмовичъ, колеблясь по модному, какъ сельный цвѣтъ на стебелькѣ.

— Ахъ, батюшки мои, да я васъ не узналъ!... И въ очкахъ! вотъ, ужь видно, что за границей были. Милости просимъ, очень, очень радъ! Ну, что здоровье батюшки?

— Ничего, слава Богу; просилъ съ собою привезти лекаря.

— Да что жъ онъ чувствуетъ себя хуже?

— Э, нѣтъ, не хуже; онъ ничего не чувствуетъ, и потому очень безпокоится; нога, говоритъ, не болитъ.

— Хмъ! экой чудакъ! безпокоится, что нога перестала болѣть!

— Очень безпокоится.

— Такъ, вѣрно, привыкъ къ боли, что грустно съ ней разстаться! Экой чудакъ!

Я говорилъ, что ни кто не поможетъ ему, кромѣ Ивана Егоровича. Пойдемте въ садъ; тамъ Варя свои цвѣты поливаетъ. Ужь я увѣренъ, что и она не узнаетъ васъ. Вотъ она. Варя!

Изъ-за кустовъ синели отозвалась Варенька. Она еще была въ бѣломъ утреннемъ капотѣ, волосы подъ гребенку, потому и смутилась, увидя передъ собою незнакомаго мужчину.

— Что, папинька? — повторила она, опустивъ по обычаю глаза въ землю, присѣла, взглянула, и живой румянецъ исчезъ съ лица ея.

— Что, Варя, узнала ты ихъ? — спросилъ Артамонъ Матвѣевичъ.

— Засѣдатель прiѣхалъ, — сказалъ прибѣжавшiй слуга.

— А! извините, я сейчасъ, только переговорю съ нимъ. А ты куда, Варя?

— Папинька, я одѣнусь,—отвѣчала тихо Варенька.

— Пустяки! они не взыщутъ; что за наряды; какъ застали, по домашнему.

И Артамонъ Матвѣевичъ оставилъ трепещущую, смущенную Вареньку съ Захаріемъ Эразмовичемъ, который, какъ учтивый кавалеръ, немедленно же обратился къ ней съ рѣчью.

— И вы не узнали меня, Варвара Артамоновна?

Варенька не знала что отвѣчать.

— А я пріѣхалъ успокоить васъ, чтобъ вы не безпокоились. Папинька вашъ согласенъ женить васъ хоть сейчасъ же на мнѣ. И мой папа сказалъ, что медлить нечего, и я сказалъ также, что медлить нечего; въ любви мы уже объяснились, жить другъ безъ друга не можемъ: вы моя, я твоя, чего же еще больше. Въ

бѣленькомъ платьицѣ вы еще лучше, чѣмъ прошлый разъ....

— Ахъ, оставьте! — вскричала Варенька, вырывая руку, которую хотѣлъ взять Захарій Эразмовичъ.

— Вотъ прекрасно! теперь эта рука моя!

— Извините! не ваша! — произнесла сурово Варенька; вырвалась какъ голубка изъ когтей ястреба и скрылась.

— Варенька! — вскричалъ Захарій Эразмовичъ, бросясь вслѣдъ за ней; но и слѣдъ простылъ. Пройдя залу на сквозь, онъ вышелъ на крыльцо. Кучеръ, ожидавшій выхода барина, двинулъ лошадей къ подъѣзду, лакей отворилъ дверцы, и — Захарій Эразмовичъ задумавшись сѣлъ въ коляску, уѣхалъ, такъ что никто того и не замѣтилъ.

— Гдѣ жъ это они? — спрашивалъ самъ

себя Артамонъ Матвѣевичъ, возвратясь въ садъ. — Гдѣ барышня?

— Не знаю, сударь, — отвѣчалъ садовникъ.

— Куда жъ это они дѣлись?

И Артамонъ Матвѣевичъ обошелъ садъ, возвратился въ домъ, обошелъ комнаты, заглянулъ во всѣ углы.

— Гдѣ барышня?

— Въ своей комнатѣ-съ, — отвѣчала попавшаяся навстрѣчу горничная Вареньки.

— Эгэ! повела въ свою комнату! скоро ознакомилась!

И Артамонъ Матвѣевичъ поднялся по лѣстницѣ въ антресоль, подошелъ къ дверямъ спальни Вареньки. Тихо, дверь заперта.

— Варя! — крикнулъ онъ.

— Что угодно, папинька? — отозвалась Варенька встревоженнымъ голосомъ.

— Да отвори же, моя милая!

— Сейчасъ, папинька.

— Это ужь немножко скоро.... а гдѣ жъ?...

— Кто, папинька?

Артамонъ Матвѣевичъ вспыхнулъ, посмотрѣлъ косо на взволнованную Вареньку, которая стояла передъ нимъ, потупивъ глаза въ землю, блѣдна, и едва переводила дыханіе.

— Это ужь немножко.... гдѣ, спрашиваю я тебя, гость нашъ? а?

— Я не знаю, папинька.

— Чтооо? не знаешь?

Варенька струсила грознаго голоса отца, закрыла лицо, зарыдала и почти безъ чувствъ припала на колѣни передъ отцомъ.

— Это ужь.... чортъ знаетъ что!... Гдѣ онъ? да ну же! гдѣ этотъ молодецъ?

— Не знаю, папинька.... онъ въ саду остался.... я ушла, мнѣ стыдно стало.... онъ такой дерзкой.... схватилъ меня за руку, хотѣлъ, чтобъ я его поцѣловала.... мнѣ стало стыдно, я ушла отъ него....

— Ахъ онъ невѣжа! Такъ онъ въ саду? Постой! я самъ съ нимъ переговорю!... Вишь пріѣхалъ изъ чужихъ краевъ, да думаетъ, что и здѣсь потаскушки живутъ.... Ей! гдѣ гость?

— Они уѣхали-съ, — отвѣчалъ лакей.

— Какъ уѣхали?

— Уѣхали.

— Ахъ, невѣжа! нѣтъ, братъ, у насъ трактирнаго французскаго обычая не водится! безъ поклона и безъ спасибо хозяину вонъ не выходятъ! Покорно благодарю Эразма Львовича за такого зятька!

Артамонъ Матвѣевичъ разгнѣвался не въ шутку на Захара Эразмовича, а За-

харъ Эразмовичъ, какъ вы сами видѣли, ни тѣломъ ни душой не былъ виноватъ въ томъ, что судьбѣ было угодно творить, мѣшаться въ его дѣла и мѣшать успѣхамъ. Онъ также имѣлъ право быть недовольнымъ и на Артамона Матвѣевича и на Вареньку; но онъ не привыкъ роптать и даже не плевалъ съ досады.

— Ну что, Захарій? — спросилъ его Эразмъ Львовичъ, когда онъ возвратился домой.

— Ничего, папа, — отвѣчалъ онъ.

— Какъ ничего?

— Да такъ, ничего; а чемужъ тутъ и быть.

— Я тебя не понимаю.

— И я не понимаю: сперва ушелъ отъ меня Артамонъ Матвѣевичъ, потомъ ушла Варенька, я остался одинъ, вижу, что мнѣ нéчего дѣлать одному, я и уѣхалъ.

— Все-таки я тебя не понимаю; разскажи мнѣ подробно, какъ ты прiѣхалъ, какъ тебя встрѣтили, что говорилъ?

— Прiѣхалъ я какъ прiѣзжаютъ; встрѣчать меня не встрѣчали....

— Холодно приняли?

— Артамонъ Матвѣевичъ сказалъ: пойдемте къ дочери, потомъ сказалъ: извините, и ушелъ. Варенька также сказала: извините, и ушла. Съ кѣмъ же мнѣ было говорить?

— Это ужь слишкомъ!—сказалъ Эразмъ Львовичъ дрожащимъ отъ досады голосомъ.—Ну, а докторъ? да впрочемъ, понимаю, тебѣ ужь было не до доктора. Ты, душа моя, объ своей Варѣ не горюй; въ околоткѣ мы найдемъ сотни такихъ невѣстъ.... жаль только мнѣ доктора; знающiй свое дѣло человѣкъ.... Досадно, что онъ у такого осла!... О, да я разочтусь съ этимъ старымъ дуракомъ!...

Болѣе ничего не сказалъ Эразмъ Львовичъ; онъ не любилъ истощаться на слова, когда самолюбіе его было затронуто. За обиду у него не было другой платы, кромѣ обиды. Это было у него должное воздаяніе. Таковъ былъ вѣкъ, такова была гордость человѣческая, *не тронь меня*. Въ шутку ли, съ намѣреніемъ или безъ намѣренія затрогивалось самолюбіе — все равно: оно кусалось, какъ дикой звѣрь, жалило какъ змѣя. Но чѣмъ отплатить Артамону Матвѣевичу?

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Емельянъ Герасимовичъ, онъ же и Захарій Эразмовичъ оборотень.

Когда мелкопомѣстной помѣщицѣ Ѳеклѣ Савишнѣ въ домѣ Эразма Львовича мѣста не стало, она возвратилась въ свое помѣстье, на краю деревни Тутовой, гдѣ наслѣдственнаго и родоваго ея имѣнія былъ господскій ея дворъ, съ избой, заключающей по послѣдній ревизіи три души: одну вымершую, другую престарѣлую, третью малолѣтную, да сверхъ того двѣ женскихъ души: старую бабу, да недо-

росточка дѣвочку. Престарѣлая душа носила названіе старосты, который обязанъ былъ выгонять самъ себя на барщину, за неимѣніемъ достаточнаго количества земли *самъ родить* потребное количество хлѣба, за неимѣніемъ въ имѣніи лѣса, достать *гдѣ хочетъ* для отопленія господскаго дома дровъ, за неимѣніемъ пастуха пасти господскую скотину — тощую корову и сивую клячу, и за неимѣніемъ кучера ѣздить съ барыней по гостямъ.

Возвратившись въ наслѣдственное и родовое имѣнье, Ѳекла Савишна занялась устройствомъ его. Накинулась на старосту, что въ господскомъ ея домѣ провалилась крыша, потолки протекли, стѣны сквозятъ. Ѳекла Савишна представленій его не приняла въ *резонъ*, и сказала, что она ничего знать не хочетъ, что *нѣтъ* не отговорка, что хорошій староста досталъ бы и бревенъ и тесу, что кругомъ лѣсу не оберешься.

— Да чужой, матушка сударыня, безъ денегъ щепки не дадутъ.

— А на свою избу лѣсъ нашелся? на себя и воровать не грѣхъ? мошенникъ!

— Нѣтъ, матушка сударыня, воровать Богъ помиловалъ!

— Купилъ небось?

— Купить не купилъ, да и не даромъ достался: заработалъ у здѣшняго барина, нанимался кирпичи жечь.

— Такъ ты это занятъ былъ чужой работой? да какъ ты смѣлъ? да кто тебѣ позволилъ? мои крестьяне будутъ на чужихъ господъ работать? а я съ голоду и холоду умирай! Э, такъ таковъ-то у тебя за домомъ присмотръ былъ? Чтобъ завтра же была крыша починена — слышишь? а не то подамъ въ городъ жалобу! я дамъ тебѣ отъ господской работы уходить на сторону!

Устроивъ дома, Өекла Савишна велѣла старостѣ заложить лошадь въ повозку, и поѣхала къ окрестнымъ сосѣдямъ изъявлять свое почтенiе, погостить, погадать, поразсказать разныхъ разностей, пожаловаться на судьбу и людей, всѣхъ собой разжалобить и въ заключенiе попросить горсточку крупки, съ пригоршни мучки, да мѣрочку овсяца....

Да.... забылъ сказать! Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Эразмъ Львовичъ выжилъ отъ себя Өеклу Савишну, явился къ ней Егорушка, общипанной, оборваной, пьянъ-пьянехонекъ.

— Извольте меня, сударыня, поить, кормить, обувать и одѣвать; я теперь вашъ крѣпостной слуга,—сказалъ онъ, ввалясь въ двери.

Уляша ахнула, а Өекла Савишна вскрикнула:

— Егорушка! что ты это!

— Ничего! — отвѣчалъ онъ, — я теперь вашъ; баринъ пожаловалъ меня вамъ, такъ и извольте что хотите дѣлать, сударыня... Ульяна Ивановна.

— Что? мнѣ? пожаловалъ? — вскричала Ѳекла Савишна, — за мои услуги, за прожитье въ домѣ, вздумалъ навязать мнѣ пьяницу на шею?

— Ульяна Ивановна, — продолжалъ Егорушка, — вѣдь вы теперь моя барышня, сударыня, пожалуйте ручку.

— Пошелъ прочь! — вскричала Уляша.

— Какъ пошелъ прочь? Теперь и прочь пошелъ, Ульяна Ивановна.

— Поди вонъ! Какъ ты смѣешь грубіянить? — вскричала и Ѳекла Савишна.

— Никакъ нѣтъ, сударыня, я не грубіяню: я мое почтеніе изъявить долженъ.... Баринъ меня пожаловалъ вамъ, выходитъ вы моя барыня.... Баринъ одежи не пожа-

ловалъ, говоритъ, проси у своей барыни, пусть сама одѣваетъ и обуваетъ.... Вотъ изволите видѣть.... надѣть не́чего.

И Егорушка приподнялъ полу истертаго сертука.

— Вонъ, мерзавецъ!—вскричала опять Ѳекла Савишна.

— Какъ угодно, сударыня. . . Баринъ пожаловалъ меня вамъ.... теперь вы моя барыня. . . Я обовязанъ по правдѣ все сказать. . .

— Ей! Ѳедотъ! Маланья!... пошли Ѳедота, выгнать этого пьяницу! — крикнула Ѳекла Савишна.

— Ѳедотъ да не тотъ, и зовутъ да нейдетъ! — проговорилъ, моргая глазами, Егорушка.

— Вонъ ступай, говорятъ тебѣ!

— Какъ угодно, сударыня.... Баринъ пожаловалъ меня вамъ.... вы теперь моя

барыня, Ульяна Ивановна барышня.... я обовязанъ слушать и повиноваться.... я не пойду, куда глаза глядятъ, а пойду, куда прикажете.... хоть въ огонь, хоть въ воду....

— Вотъ я тебя на конюшню отправлю, голубчикъ, постой!

— Хоть на конюшню; а приказываете стоять—стою! сѣсть при васъ не смѣю.... ужь я теперь не камердинеръ господской.... чайкомъ и водочкой не поподчуете.... чтожъ дѣлать, баринъ разжаловалъ меня, пожаловалъ вамъ, теперь вы моя барыня. . . . я обовязанъ моимъ почтеніемъ....

Ѳекла Савишна сама побѣжала за Ѳедотомъ, и велѣла вывести Егорушку, прогнать со двора. Но онъ со двора не шелъ, говорилъ, что со двора не сойдетъ, что баринъ пожаловалъ его Ѳеклѣ Савишнѣ, и что угодно Ѳеклѣ Савишнѣ, тò пусть съ нимъ и дѣлаетъ.

Өекла Савишна, въ отчаяніи, что Эразмъ Львовичъ на смѣхъ навязалъ ей пьяницу на шею, поѣхала жаловься на него попадьѣ, съ которой во время житья въ домѣ Эразма Львовича вела дружбу и гощенье.

— Ахъ, матушка, Өекла Савишна, ну, въ тягость человѣкъ, такъ продайте его.

— Ахъ, въ самомъ дѣлѣ! и въ голову этого не приходило! продамъ, продамъ въ рекруты!... Ну, что у васъ новаго, матушка? что старой-то песъ еще не околѣлъ?

— Куда! да вѣдь кажется при васъ, Өекла Савишна, призналъ онъ сына-то своего?

— Какого сына?

— А вотъ что баринъ-то молодой пріѣхалъ; да при васъ, при васъ; у меня и изъ головы вонъ.

— Какой молодой баринъ?

— Да вы же сказали, что имѣнье пріѣхалъ покупать; анъ это вышла только шутка, онъ притворился: узнаетъ ли его отецъ.

— Какъ притворился?

— Ахъ, да такъ; нарочно не сказался своимъ имененъ. Вѣдь вамъ извѣстно, что Эразмъ Львовичъ женатъ былъ въ чужихъ краяхъ, и былъ у него сынъ? Ну, вотъ онъ-то и есть этотъ молодой баринъ.

— Что ты, матушка! неужели такъ?... Сынъ? Да вѣдь это просто оборотень!

— Съ нами крестная сила! что вы это, Ѳекла Савишна!

— Даа, сынъ Эразма Львовича въ малолѣтствѣ въ чужихъ краяхъ и умеръ; самъ онъ мнѣ говорилъ.

— А можетъ быть другой, а не Захаръ Герасимовичъ: мало ли у господъ дѣтей поразкидано по свѣту.

— Захаръ, Захаръ! да-да-да; онъ-то и былъ единственный сынъ этой собаки, да и того чортъ взялъ.

— Что вы это говорите, Ѳекла Савишна?

— Да ужь говорю, что такъ; вотъ тебѣ крестъ, именно Захаръ. Ужь я тебѣ говорю, что такъ, матушка! Охъ, да ты вѣрно всего не знаешь: Эразмомъ Львивичемъ овладѣла нечистая сила! Оборотень, матушка, оборотень!

— Ахъ ты Господи! — проворила, перекрестясь, попадья.

— Оборотень! слыхала ты про хромоногаго бѣса, что ходитъ по домамъ? Вотъ это-то онъ. Я тебѣ разскажу. Какъ были мы на балу у Ивана Ивановича, ко мнѣ и подсѣлъ какой-то, всѣ величаютъ его Емельяномъ Герасимовичемъ, мильонщикомъ; мнѣ и не въ догадъ, что онъ припадаетъ на ногу.... Завелъ со мною раз-

говоръ, видишь *души скупаетъ....* Вѣрно догадался онъ, что Эразмъ-то Львовичъ въ годъ одного креста на себя не положитъ, и началъ допрашивать, что дескать это за старикъ такой, гдѣ живетъ? я и выскажи все, да еще и рада, что нашелся покупщикъ имѣнью.... Вотъ-те и покупщикъ! Смотрю, на другой или на третій день, не помню, и пріѣхалъ. Эразмъ Львовичъ также радъ покупщику, принялъ его какъ нельзя лучше; подай, говоритъ, Ѳекла Савишна, планы деревенскіе; я и вынула изъ шкапа, подала, да и вышла вонъ. Не прошло часа, бѣгутъ мнѣ сказать, что Эразмъ Львовичъ зоветъ. Я къ нему — думаю себѣ: вѣрно дѣло идетъ на ладъ! Вхожу, глядь — онъ сидитъ одинъ, весь не свой: «Кого ты мнѣ, Ѳекла Савишна, привела покупать имѣнье? — Какъ кого, Эразмъ Львовичъ? —Ты, говоритъ, привела ко мнѣ оборотня; а самъ дрожитъ да смотритъ кру-

гомъ; оглянулась и я, да такъ и обмерла: никого не было; вдругъ, откуда ни возмись, стоитъ передъ нами страшилище, просто чортъ, матушка....

— Съ нами крестная сила! — проговорила, перекрестясь попадья.

— Просто чортъ, сударыня моя! да еще какой! какого никто съ роду не видывалъ!

— Что жъ, чай всѣ такъ и обмерли?

— Какое! состроилъ такую рожу, что Эразмъ Львовичъ, Уляша, и я, такъ и покатились со смѣху. А вѣдь, ты знаешь, Эразмъ Львовичъ и не улыбнется никогда. Да добро бы только мы, а то въ цѣломъ домѣ поднялся хохотъ, вся дворня заливается, а чему смѣются, сами не знаютъ. Всѣ животы надорвали. Вдругъ, махнулъ жезломъ, сказалъ какое-то слово — словно кто горло всѣмъ заткнулъ. Смотрю я, а Эразмъ Львовичъ какъ туча

сидитъ, блѣдный, губы трясутся, а очи такъ и ходютъ, такъ и ходютъ, какъ маятникъ.

— Страсти какія! Да что жъ это никто не говорилъ мнѣ про это? — спросила попадья.

— Э, матушка, всѣ въ дому чортово племя, сама ты знаешь: тотъ воръ, тотъ пьяница. Ты послушай, что́ бѣсъ нашепталъ про меня Эразму Львовичу. Вѣрно знала нечистая сила, что я не поддамся ей, да еще и Эразма-то Львовича охраню отъ нее, и давай меня выживать изъ дому. Эразмъ Львовичъ, ни съ того ни съ сего, какъ крикнетъ на меня и на Ульяшу: вонъ! я такъ и обмерла, креста не успѣла положить на себя. Помню только, что меня замертво вынесли, да мошенникъ, демонской холопъ Филипъ надругался надо мною....

— Въ какой онъ чести опять при баринѣ!

— Да между нами будь сказано, ужъ я навѣрно знаю, что онъ водится съ нечистой силой, это его навожденіе.

— Сынъ-то откуда же взялся?

— Я тебѣ говорю, что оборотень — проклятой человѣкъ, который принимаетъ на себя всѣ образы, все тотъ же, что назвался Емельяномъ Герасимовичемъ, мильонщикомъ.

— Ахъ, Ѳекла Савишна, вѣрно такъ: по сю пору ни разу въ храмѣ Божьемъ не былъ.

— И не будетъ, матушка.

— Теперь такъ-таки всѣ и величаютъ его Захаромъ Герасимовичемъ. Да что жъ это Эразмъ-то Львовичъ: вѣдь онъ знаетъ, что сынъ его еще въ младенчествѣ умеръ.

— Что жъ тутъ удивительнаго: чорту душу отдалъ — рехнулся ума.

— И то статься можетъ; да еще вотъ что: сватаетъ за дочь полковника.... дай Богъ память.... по имени Артамонъ Матвѣевичъ.

— Что ты говоришь! да ужь не полковникъ ли милиціонный, Артамонъ Матвѣевичъ....

— Ну да, да!

— Ахъ, мать моя! сватаетъ?

— Сватаетъ!

— Ахъ, грѣхъ какой! да вѣдь я знавала покойницу-то, добрая такая, да кажись и дочь-то видала.... ай-ай-ай! Нѣтъ, ужь до этого-то не допущу!

— Доброе бы дѣло сдѣлали, Ѳекла Савишна.

— Не допущу! не дамъ пасть въ дьявольскія сѣти дочкѣ Артамона Матвѣевича! лишь бы найти каналъ свидѣться съ ней.

Ѳекла Савишна, не найдя готоваго канала къ знакомству въ домѣ Артамона Матвѣевича, сама прорыла каналъ, пріѣхала подъ вечерокъ въ полковничье село, прямо на барской дворъ, и остановилась у дворовой избы.

— Чье это село, голубушка? — спросила она у женщины, вязавшей чулки на крыльцѣ.

— Полковничье, сударыня, Артамона Матвѣевича Ранецкаго.

— И слыхомъ не слыхала; куда жъ это я заѣхала? Что, голубушка, нѣтъ ли у васъ хоть чайничка, если самоварчика нѣтъ; смерть чайку хочется напиться.

— Чаю-то мы не пьемъ, сударыня.

— Хоть въ барскомъ домѣ горяченькой водицы нельзя ли достать, чайничекъ-то у меня есть.

— Отъ чего же, сударыня, можно и самоваръ взять.

— Такъ позволь ужь зайти къ тебѣ.

— Покорно просимъ, вотъ налѣво-то дверь.

Ѳекла Савишна вошла въ горницу.

— Мужъ-то твой въ какой должности?

— Прикащикомъ, сударыня, да дома нѣтъ, баринъ послалъ въ городъ.

— Твой сынокъ?

— Мой, сударыня.

— Какой славной мальчикъ! надо ему гостинчику дать, со мной есть пряничьки. Нако, на!

И Ѳекла Савишна изъ своего сборнаго мѣшка, со всякой всячиной, вынула пряничные орѣшки въ бумажкѣ, и дала горсточку мальчику.

Матери всегда по сердцу, когда ласкаютъ ея дѣтей. Между тѣмъ какъ прикащица, угождая доброй барынѣ, Ѳеклѣ Савишнѣ, побѣжала за самоваромъ, Ѳекла

Савишна усѣлась передъ столомъ и начала раскладывать карты, безъ которыхъ она ни шагу не дѣлала. Это была приманка повсюду, куда ни пріѣзжала Ѳекла Савишна.

— Что это, сударыня, не гадать ли изволите? — спросила прикащица, поставивъ самоваръ.

— Гадаю, голубушка, буду ли сегодня на мѣстѣ.... Вотъ, на половинѣ пути, въ домѣ.... а хозяина нѣтъ дома.... о, да онъ у тебя горяченекъ.

— Есть не много; да почемужъ это вы узнали, сударыня?

— Карты говорятъ, моя милая... а ты въ чемъ-то подозрѣнье имѣешь на него.

— Ахъ ты Господи, все-то карты знаютъ! — сказала прикащица, вздохнувъ и подставивъ руку подъ голову.

— А другаго у тебя горя и нѣтъ.

— Такъ, такъ!

— Выходитъ какая-то змѣя подколодная....

— Такъ, такъ, сударыня! ужь я не даромъ догадывалась!

У бѣдной прикащицы и въ головѣ не было подозрѣній: поссорилась она съ Груней, одной изъ горничныхъ дѣвушекъ; а мужъ не ссорился съ ней, и былъ по прежнему ласковъ. Женѣ было досадно, зачѣмъ и мужъ не сердится и говоритъ съ Груней, какъ съ человѣкомъ. Вотъ и все. А какъ погадала Ѳекла Савишна, поразсказала что̀ карты говорятъ, прикащица и поняла, въ чемъ дѣло. И съ этой поры начала распѣвать пѣсню про подколодную змѣю, разлучницу. Пилитъ мужа: не знайся съ Груней, да и только. — Да помилуй, что тебѣ въ голову бредетъ? и говорить-то я съ ней пересталъ! — Знаю, знаю, при мнѣ ни слова а безъ меня

шу-шу-шу! — Отъ дѣла отбилась прикащица, все высматриваетъ да стережетъ, не застанетъ ли гдѣ мужа наединѣ съ Груней.... Но воротимся къ своей сказкѣ.

— А что, голубушка, правду ли карты говорятъ: баринъ-то вашъ вдовецъ?

— Вдовецъ, сударыня.

— И дочка у него есть невѣста.

— Есть, сударыня.

— Ахъ, батюшки! да ее сватаютъ? вотъ и женихъ, пиковой валетъ.... охъ, что-то тутъ недоброе, поскорѣй смѣшать!

Такихъ чудесъ нельзя было не разнести по всему дому. Покуда Ѳекла Савишна распивала чай, сквозь всѣ щелки стали заглядывать дворовыя дѣвушки, а одна вошла въ горницу вмѣстѣ съ прикащицей.

— Нельзя ли, сударыня, погадать что-нибудь, вотъ горничной дѣвушкѣ нашей барышни.

— Сдѣлайте одолженіе, сударыня, погадайте.

— Изволь, милая, такой хорошенькой нельзя отказать. Ты какъ кладешь себя, бубновой дамой? да вѣрно бубновой; ну, что скажетъ бубновая дама.... а! вотъ рядышкомъ червонная. . . . это вѣрно твоя барышня.... Какое счастье тебѣ во всемъ!.. Эээ! посмотри-ко на меня!...

Дѣвушка вспыхнула, взглянувъ на Ѳеклу Савишну, которая уставила на нее глаза.

— Знаю, знаю твои мысли!... что-то не совсѣмъ еще клеится, а скоро сбудется.... Есть и тутъ пиковая дама, разбиваетъ думки....

— Я тебѣ говорила!—не утерпѣла сказать прикащица.

— Охъ, червонной-то дамѣ что-то приходитъ худо! Женихъ-то ой-ой-ой!

— Что жъ такое, сударыня?

— Нельзя сказать; всякой о себѣ гадаетъ. Вотъ еслибъ я барышнѣ твоей погадала — дѣло другое.

— А что, не позвать ли барышню? — спросила дѣвушка тихонько у прикащицы.

— Что жъ, позови.

Свѣтская дѣвушка-невѣста, не то что семейная дѣвушка-невѣста. Свѣтскія дѣвушки и женихи—существа приведенныя *образованіемъ* къ одному знаменателю: сами по себѣ ничего не значутъ; но значутъ по своему значенію въ свѣтѣ. Невѣстѣ древняго Вавилона и всѣхъ новѣйшихъ Вавилоновъ нéчего гадать о своей судьбѣ, ей извѣстно, что въ замужествѣ ей предстоитъ не просто, какъ говорятъ по-русски, дѣлать честь дому, но faire les honneurs de la maison. Семейная дѣвушка совсѣмъ другое дѣло. Для нея бракъ есть таинство, съ именемъ жены въ ея понятіяхъ соединена волею или неволею

любовь къ мужу, съ именемъ матери обязанность кормилицы и няни своихъ дѣтей, съ именемъ хозяйки дома всѣ заботы о домѣ. Какъ тутъ не погадать, когда вся будущность загадка, когда сердце должно вдругъ отстать отъ всѣхъ своихъ дѣтскихъ привычекъ.

Любопытство подстрекнуло и Вареньку; какъ не погадать и ей, когда и ея сердце ноетъ. Хоть чѣмъ нибудь надо утѣшить его. Людская подлѣ, на дворѣ смерклось; и вотъ Варенька, сопровождаемая своей Настей, вошла боязливо въ горницу, гдѣ Ѳекла Савишна въ чепцѣ и нанковомъ капотѣ сидѣла передъ столомъ и тасовала колоду. Круглое, сальное лице ея опало отъ времени къ скуламъ и подбородку, рѣсницы надъ безцвѣтными глазами также отекли, тучный носъ, какъ откупщикъ табачной плантаціи, вымѣнивая это пьяное зелье, по всей области лица, на кровное достояніе, разжирѣлъ

сидя на одномъ мѣстѣ, и какъ бы упился потомъ и кровью широкихъ ланитъ Ѳеклы Савишны. Варенька испугалась взглянувъ на нее; но ласкательный голосъ Ѳеклы Савишны и предупредительность успокоили ее.

— Ахъ, прошу извиненія!... Это вѣрно здѣшняя барышня? — сказала Ѳекла Савишна, вставъ съ мѣста и почтительно кланяясь.

— Такъ точно-съ,—отвѣчала ей прикащица.

— Ахъ, простите великодушно, сударыня, что заѣхала безъ позволенія,—продолжала Ѳекла Савишна подбѣгая къ Варенькѣ,—сбилась съ дороги, стало смеркаться, мѣста незнакомыя, а ѣхать далеко, устала; у мужика остановиться — ни самоварчика, ни чайничка; а признаюсь захотѣлось чайку напиться. Не взыщите, сударыня, что попользовалась вашимъ самоварчикомъ.

— Помилуйте, отъ чего же, — отвѣчала Варенька.

— Не прикажите ли, сударыня, сѣсть.... покорно прошу!... кажется Вѣра....?

— Варвара Артамоновна, — отвѣчала тихо Настя.

— Варвара Артамоновна! не взыщите.... Какія прекрасныя у васъ здѣсь мѣста! безподобныя! Вы здѣсь и родились?

— Нѣтъ, я въ Москвѣ родилась,—отвѣчала Варенька.

— Въ Москвѣ? вотъ просто вѣдь никакъ не угадаешь, а разложи я карты на червонную даму, тотчасъ бы угадала, здѣсь вы родились или нѣтъ.

— Я и хочу васъ попросить погадать мнѣ.

— Извольте, сударыня, отъ чего жъ не погадать; да я впередъ знаю, что такой хорошенькой барышнѣ предстоитъ

всякое благополучіе и сердечное удовольствіе.... Извольте.... на червонную даму.... шу, шу, шу!

Пошушукавъ во время тасованья на колоду картъ, Өекла Савишна вынула червонную даму, и разложила около нее карты, крестомъ.

— Что сбудется, то скажется.... При всѣхъ не могу.... Выйдите, голубушки, на минуту!... Вотъ видите ли, Варвара...: кажется Артамоновна по батюшкѣ?

— Такъ точно.

— Извините, по картамъ выходитъ, что у васъ есть женихъ.... Мое дѣло говорить, что выходитъ, а правда ли, неправда ли, не мое дѣло.... Что-то странно выходитъ.... Какъ будто и нравится вамъ, какъ будто и нѣтъ — двояко! Да что-то ужь не самъ ли онъ двоякъ?... Двоякъ!... съ нами крестная сила!.. право, извини-

те, а сказать какъ не умѣю.... тутъ что-то непонятное.

— Что жъ такое, скажите, пожалоста,— проговорила Варенька.

— Охъ, поостерегитесь, Варвара Артамоновна.... онъ не тотъ, за кого его принимаютъ.

Варенька поблѣднѣла.

— На немъ чужое лицо!... Позвольте разложить снова; что-то мутитъ! вѣдь не оборотень же сватается на васъ.... а бываетъ: я вамъ разскажу случай. Слыхала я, что живутъ оборотни, люди проклятые въ утробѣ матери, да не вѣрила; а пришлось своими глазами увидѣть. Гостила я, вотъ въ недавнемъ времени, у одного помѣщика, извините, фамилію не стану говорить. Дряхлой, больной, ни роду ни племени, кромѣ племянницы. Скучно молодой дѣвушкѣ ходить за капризнымъ старикомъ, да просиживать ночи

надъ нимъ, она и пригласила меня пожить, да походить за своимъ дядей, покуда съѣздитъ погостить къ одной своей знакомой. Поѣхала, да и вышла замужъ безъ спросу. Очень огорчился старикъ. Хоть и тягота ходить за больными; да жаль мнѣ стало его одиночества, согласилась остаться при немъ. А надо вамъ сказать, что въ молодости онъ былъ въ нѣмечинѣ, да и женился на тальянкѣ; а вѣдь тамъ не то что у насъ: пожила-пожила, не понравилось, и пошла за другаго. Тоже было и съ его женой. Жена со двора сошла, сынокъ умеръ, что дѣлать Герасиму Львовичу....

Съ намѣреніемъ или безъ намѣренія проговорилась Ѳекла Савишна, но имя Эразма Львовича смутило Вареньку.

— Воротился на родину, вывезъ съ собою какую-то нѣмецкую болѣзнь, подагру, да и слегъ съ тѣхъ поръ въ постель. Вотъ, прошу помнить, что сынокъ-то его еще

младенцемъ въ нѣмечинѣ умеръ,—вдругъ откуда ни возмись, пріѣзжаетъ въ домъ какой-то молодецъ подъ видомъ одного извѣстнаго молодаго барина Емельяна Герасимовича.... фамилію-то, извините, позабыла.... Что съ вами, сударыня?

— Голова что-то закружилась, — едва проговорила Варенька, закрывъ лицо рукою.

— Воды, воды — выкушайте; это такъ бываетъ иногда.... Ей, голубушка, дай водицы, барышнѣ немного сдѣлалось дурно.

— Барышня, пойдемте поскорѣй домой,—сказала испугавшаяся Настя.

Варенька подала ей руку и вышла. Ѳеклѣ Савишнѣ досадно было, что не успѣла ей разсказать всю подноготную. Но для Вареньки и того было довольно.

— О, Боже мой, что я надѣлала!—повторяла она, заливаясь слезами; я чувствовала, что это былъ Емельянъ Гера-

симовичъ! Кому же и быть иному: его глаза, его голосъ, его лицо! а папинька переувѣрилъ меня!

Варенька стала припоминать всѣ слова Захарія Эразмовича, и убѣдилась, что онъ Емельянъ Герасимовичъ.

— Мамушка, скажи мнѣ, бываютъ оборотни?

— Бываютъ, бываютъ, охъ какъ еще бываютъ,—отвѣчала мамушка.

Варенька задумалась.

— Иной злой человѣкъ такимъ, сударыня, прикинется добрымъ, такую надѣнетъ на себя личину....

— Я не то тебя спрашиваю.

— Что жъ такое, Варвара Артамоновна?

— Я спрашиваю, можно ли сдѣлать, чтобъ я напримѣръ вдругъ оборотилась въ тебя, а ты въ меня?

— Какъ это? я не понимаю!

— Ну такъ, чтобъ папинька думалъ, что ты его дочь, а я твоя мамушка.

— Господь съ тобой! съ ума что ли сойдетъ Артамонъ Матвѣевичъ принимать меня за тебя.

— Э, ты меня не понимаешь! — сказала Варенька сердито.

— Да кто жъ тебя пойметъ, такую нелѣпицу городишь, — отвѣчала мамушка, также съ сердцемъ.

И стала Варенька горевать, да задумываться: вѣрно я съ ума сошла! не повѣрила глазамъ своимъ! не узнала Емельяна Герасимовича!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Емельянъ.... охъ! Захарій Эразмовичъ помѣщикъ, и пріѣхала къ нему въ гости сестрица съ мужемъ и съ дѣтьми, и обработала статью.

На другой день послѣ напрасной поѣздки Захарія Эразмовича къ своей невѣстѣ, пріѣхалъ къ Эразму Львовичу Иванъ Егоровичъ. Эразмъ Львовичъ разсыпался передъ нимъ, и такой далъ ему пріемъ *услажденнаго меркурія*, что у Ивана Егоровича слюнки потекли.

— Сколько вамъ платитъ въ годъ Артамомъ Матвѣевичъ?

*

— Не много, очень не много, стыдно сказать; да обстоятельства заставили....

— Тысячи двѣ?

— Помилуйте! только что не десятую долю этого.

— Не удивляюсь, онъ скряга, необразованъ, не умѣетъ понимать людей. Я бы, нуждаясь въ такомъ медикѣ, какъ вы, по малой мѣрѣ платилъ бы вамъ двѣ тысячи.... Помилуйте, здоровье намъ дороже всего.

У Ивана Егоровича открылась сильная саливація, только что зубы не зашатались.

— Чтожъ дѣлать-съ, — сказалъ онъ, откашлянувшись, — очень сожалѣю, что лишенъ счастливаго случая быть вамъ вполнѣ полезнымъ.... я увѣренъ, что теперь давно уже вы были бы избавлены отъ вашей болѣзни.... Пластырь, который я прописалъ вамъ, прекрасная вещь....

— Да, да, я большое почувствовалъ облегченіе. Жаль и мнѣ, очень жаль! кромѣ двухъ тысячь разумѣется всѣ принадлежности, экипажъ и тому подобное.

— Если бы еще Артамонъ Матвѣевичъ не былъ вамъ знакомъ, мнѣ бы легко было оставить его....

— Ну, знакомство наше не слишкомъ короткое. Съ моей стороны никакихъ *авансовъ* нѣтъ. Мало ли что бы онъ вздумалъ, да не все сбудется. Вопервыхъ не образованный человѣкъ, совершенно мужикъ....

— О, конечно, сойтиться съ его понятіями и привычками трудно, особенно вамъ....

— Да, я думаю, и вамъ не легко.

— Если правду сказать, представьте себѣ: ономедни вдругъ призываетъ меня и проситъ, чтобъ я далъ какого нибудь лекарства его сѣрой верховой кобылѣ....

— О, да ужь будьте увѣрены, что онъ всѣхъ медиковъ считаетъ коновалами.

— Это обидно, признаюсь; я не думаю долго оставаться у него. Ни домашней своей аптеки, ничего! На дняхъ, какъ-то заболѣла одна дворовая женщина, сложной болѣзнью, я прописалъ рецептъ и прошу его послать за лекарствомъ въ городъ.... Въ городъ? за лекарствомъ? за сто верстъ посылать для этой твари? — Каково было мнѣ это слушать? а потомъ еще сталъ увѣрять, что она больна съ перепою, и самое лучшее для нее лекарство розги.

— Чтожъ вы сказали ему?

— Да чтожъ говорить?

— Экіе какіе! вы бы сказали, что если онъ намѣренъ лечить всѣхъ палками и розгами, такъ у него есть свои доктора на конюшнѣ.

— Ха, ха, ха, ха! не догадался,—ска-

залъ Иванъ Егоровичъ, прохохотавъ учтивымъ образомъ.

— Я вижу, что вамъ тяжело жить у него, — продолжалъ Эразмъ Львовичъ, — знаете ли.... охъ, что это такое, вотъ ужъ второй день, какъ меня вдругъ замутитъ-замутитъ, и какъ будто все жжетъ голову.

— Позвольте пульсъ. Это отъ желудка. Я пропишу вамъ пилюльки, или порошки, какъ угодно.

— Такъ и горитъ. Я васъ не пущу, вы у меня останьтесь на нѣсколько времени; вѣдь у васъ дома больныхъ нѣтъ.

— Можетъ быть, Артамонъ Матвѣевичъ будетъ въ претензіи.

— За чтожъ тутъ претендовать, вы взялись меня лечить, нельзя же оставлять больнаго; да впрочемъ, если выйдутъ неудовольствія изъ этихъ пустяковъ, такъ

вы можете сказать, что вы не нанимались быть на привязи.

— Конечно, если Артамонъ Матвѣевичъ скажетъ мнѣ хоть слово непріятное, я тотчасъ же оставлю его!

— И можете прямо ко мнѣ переѣзжать.

— Покорнѣйше васъ благодарю; въ такомъ случаѣ я готовъ остаться.

Оставшись, Иванъ Егоровичъ тотчасъ же настрочилъ нѣсколько протяжныхъ рецептовъ. Послали въ городъ; въ тотъ же день явились пластыри, мази и пилюли. На другой же день ногѣ гораздо лучше, а головѣ гораздо хуже. Иванъ Егоровичъ усилилъ пріемы разбивающихъ, мягчительныхъ, прохлаждающихъ; а онѣ, злодѣи, не разбиваютъ, не мягчатъ и не прохлаждаютъ; точно какъ будто и не ихъ дѣло: ни одно не смѣетъ дѣйствовать

противъ застарѣлой болѣзни, которая разсердилась, что ее выжили съ мѣста.

На третій день Эразмъ Львовичъ лежалъ уже безъ памяти, а на четвертый явился гонецъ отъ Артамона Матвѣевича, просить Ивана Егоровича пожаловать скорѣе домой.

— Извините, — сказалъ Иванъ Егоровичъ, торопясь ѣхать и взявъ за руку Захарія Эразмовича.

— Кудажъ вы?

— Артамонъ Матвѣевичъ прислалъ; въ домѣ есть опасно больные, мнѣ нужно торопиться. Катаплазмы продолжайте, я надѣюсь, что это скоро пройдетъ.

Иванъ Егоровичъ пріѣхалъ домой. Артамонъ Матвѣевичъ встрѣтилъ его довольно сердито.

— Эдакъ, батюшка, не водится. Уѣхали на часъ, да прожили трое сутокъ. Я

васъ нанялъ для своего дома, а не для цѣлаго уѣзда.

— Артамонъ Матвѣевичъ, — сказалъ Иванъ Егоровичъ кроткимъ голосомъ, — вы сами предложили мнѣ взять на свои руки Эразма Львовича. Пріѣхавъ къ нему, я засталъ его въ отчаянномъ положеніи.

— Неужели?

— Да-съ, дѣйствіе лекарствъ было прекрасное; но не возможно: говоришь, что при лекарствахъ нельзя употреблять ни кислаго, ни соленаго — куда! и слушать не хочетъ.

— Чудакъ, нѐчего говорить. Не слушаетъ, такъ нѐчего было тамъ и оставаться такъ долго, — сказалъ Артамонъ Матвѣевичъ, и этимъ заключилъ свой разговоръ съ докторомъ.

— Такъ очень боленъ?—спросилъ онъ на другой уже день Ивана Егоровича.

— Безнадежно.

— Какъ безнадежно!

— Да, я такъ думаю.

— Ахъ, Боже мой! я поѣду къ нему!... Эй!

И Артамонъ Матвѣевичъ приказалъ слугѣ заложить лошадей.

— Ѣдемте.

— Нѣтъ, ужь извините меня, Артамонъ Матвѣевичъ; подумаютъ еще, что я его лечилъ; а я только прописалъ ему легонькую мазь, да и ту онъ не употреблялъ.

Артамонъ Матвѣевичъ поѣхалъ одинъ, и пріѣхалъ очень кстати: не доставало свидѣтеля при совершеніи духовной.

Подлѣ постели больнаго стоялъ наслѣдникъ его Захарій Эразмовичъ.

— Спасибо, братъ! — произнесъ едва внятно Эразмъ Львовичъ, покачалъ головой

и протянувъ руку къ Артамону Матвѣевичу.—Богъ съ тобой!

— Эразмъ Львовичъ, въ чемъ же ты меня упрекаешъ? — спросилъ Артамонъ Матвѣевичъ прослезясь.

Эразмъ Львовичъ показалъ только рукой на Захарія Эразмовича.

— Кто, я виноватъ? да я радехонекъ былъ, онъ самъ.... ну, да я забываю все! Варя будетъ его! вѣришь?

Эразмъ Львовичъ кивнулъ головой и— умеръ спокойно.

Остался нашъ Захарій Эразмовичъ сиротой. Безъ руководителя ему бѣда, тоска, онъ не знаетъ, что съ собой дѣлать. Но звѣзда озаботилась объ немъ. На другой день послѣ похоронъ прибылъ къ нему его вѣрный дядька Пафнутьичъ. Поцѣловавъ тысячу разъ ручку своего барина, Пафнутьичъ осмотрѣлъ его съ головы до ногъ и сказалъ:

— Батюшка, баринъ, вѣдь вы теперь помѣщикъ!

— Возьми-ко, Пафнутьичъ, къ себѣ ключи, да распоряжайся какъ дома,—сказалъ Захарій Эразмовичъ.

Послѣ осмотра дома и всего наслѣдственнаго богатства, Пафнутьичъ совѣтовалъ барину пройтись по деревнѣ, да посмотрѣть, какъ мужички живутъ. Только что показался новый помѣщикъ, сопровождаемый своимъ дядькой, на улицѣ весь міръ собрался вокругъ него.

— Здравствуйте, господа мужички,—сказалъ Захарій Эразмовичъ,—каково вамъ жить?

— Да ничёво, батюшко, родной нашъ отецъ, кормилецъ.

— Ничего? Если ничего, такъ ничего.

— Пожаловаться нельзя, слава Богу.

— Ну, посмотримъ.

И Захарій Эразмовичъ, пройдя дворъ, по мѣсиву соломы и грязи, хотѣлъ-было войдти въ избу; но дымъ валилъ въ двери, какъ изъ трубы. Подъ густымъ, волнующимся облакомъ, между тремя станами, курица учила цыплятъ, какъ рыться въ сору и въ грязи; поросяты хрюкали и чавкали въ корытѣ, воткнувъ рыло въ мѣсиво, составленное изъ помой и мякины; отнятый отъ коровы теленокъ совался носомъ во всѣ углы и мычалъ. На лавкѣ сидѣла замазанная дѣвочка съ лѣпешкой и деревянной ложкой въ рукахъ, хлѣбала молоко; ей *держали* компанію котяты; усѣвшись вокругъ чаши, они преспокойно лакали и облизывались, между тѣмъ какъ кошка, наѣвшись досыта, поставила ногу костылемъ и умывалась. Въ печи трещалъ хворостъ; подлѣ него баба мѣсила хлѣбы и ворчала на ревущаго благимъ матомъ груднаго ребенка, скомканнаго въ тулупъ.

Казалось бы, все это было въ порядкѣ вещей; но Захарій Эразмовичъ не понялъ, что это такое.

— А что, братцы, — спросилъ онъ, — вы со скотиной живете, или скотина съ вами?

— Баринъ изволитъ говорить, что не приходится людямъ жить со скотами, — прибавилъ Пафнутьичъ, въ объясненіе словъ своего господина.

— Чтожъ дѣлать, батюшко, какъ Богъ привелъ, такъ и живемъ. И скотинѣ нужно тепло; а какъ нѣтъ тепла, такъ и запазухой грѣешь.

— Пошлетъ Богъ добраго господина, и намъ хорошо, — прибавилъ другой мужикъ.

— А будто не всѣ господа добры? — спросилъ Захарій Эразмовичъ.

— Всѣ, всѣ, вѣстимо что всѣ, по насъ всѣ добры; а судитъ самъ Господь.

— Умные мужички,—сказалъ Пафнутьичъ,—правда, все отъ Бога; такъ помолитесь Господу Богу, чтобъ было намъ всѣмъ хорошо. Очистимъ душу отъ всякой скверны, и вокругъ насъ все будетъ чисто, всему найдется свое мѣсто: свиньямъ въ клевѣ, курамъ въ курятникѣ, навозу въ навозной ямѣ.

— Вѣстимо, вѣстимо! Будетъ милость Господня и ваша, поставимъ красныя избы, и скотный дворъ самъ по себѣ, какъ въ старь бывало.

— Баринъ вамъ дастъ лѣску, берите сколько нужно, да и берегите лѣсокъ, барину не своимъ глазомъ беречь, лучше беречь съ обща. А отъ работъ-то не лынять.

— Къ чемужъ, сударь: какъ знаешь, что мы всѣ про барина, а баринъ про насъ, а Богъ надъ нами, такъ все пойдетъ споро и ладно.

Въ самомъ дѣлѣ все пошло споро и ладно; Пафнутьичъ съ бариномъ своимъ всякой день хлопочутъ не объ улучшенiи имѣнья, чтобъ давало больше дохода, а объ улучшенiи довольствiя крестьянъ; не объ удобренiи земли навозомъ, но объ удобренiи быта мужичковъ; не объ усовершенствованiи недвижимаго, а объ усовершенствованiи всего движущагося на ногахъ. Улучшенiя эти были извлекаемы не изъ мертвой вывезенной изъ затридевяти земель теорiи, а изъ живаго источника совѣта и дѣла; потому что не то хорошо, что красиво, а то хорошо, что по сердцу; шей кафтанъ, мѣрку снимай,— говорилъ Пафнутьичъ; а простой, смѣтливый природный умъ, по большей части, яснѣе благопрiобрѣтеннаго; подъ его руководствомъ дѣла идутъ хоть не такъ складно, да ладно.

— Ну, батюшко баринъ, — сказалъ однажды Пафнутьичъ, одѣвая Захарiя Эраз-

мовича,—таперь бы вамъ жениться! Куда бы хорошо было взять за себя добрую барыньку!

— А Варенька-то, худа не бось?—спросилъ Захарій Эразмовичъ.

— Какая Варенька?

— А Варвара-то Артамоновна.

Пафнутьичъ и не зналъ, что его баринъ почти сосватанъ; да еще и на Варварѣ Артамоновнѣ.

— Батюшка баринъ, да неужели ни Артамонъ Матвѣевичъ, ни Варвара Артамоновна не узнали васъ?

— Не узнали; какъ же имъ узнать меня, когда я совсѣмъ перемѣнился.

— Такъ они по мнѣ узнаютъ васъ.

— Чего добраго; говорилъ я Эразму Львовичу, чтобъ и тебѣ перемѣнить имя.

— Нѣтъ, покорно благодарю, съ чѣмъ родился, съ тѣмъ и умру! лучше я на

глаза не буду показываться; или просто будемъ говорить, что мы другъ друга въ глаза не знаемъ.

— Такъ поѣдемъ къ Варенькѣ, да и кончимъ дѣло: женимся, да и назадъ воротимся.

— У васъ все скоро: тяпъ да ляпъ и корабль.

— Какъ же иначе; самъ Артамонъ Матвѣевичъ говорилъ, чтобъ я скорѣе пріѣзжалъ къ нему.

— А вы по сію пору не собрались съѣздить! Правду сказать, славная будетъ барынька Варвара Артамоновна—овечка!

— Такъ поѣдемъ.

— Съѣздите-ко, сударь, одни; а то я боюсь, съ непривычки величать васъ Захаромъ Герасимовичемъ: того и гляди, что проговорюсь, да назову Емельяномъ Герасимовичемъ.

— Чтожъ тутъ думать, я поѣду, а ты оставайся дома.

— А я поѣду покуда въ поле; мнѣ же и нужно. Вамъ-то ѣхать теперь еще раненько. Я накажу Филипу, что нужно вамъ приготовить.

Пафнутьичъ отправился въ поле, а Захарій Эразмовичъ отправился на озеро, смотрѣть, какъ ловятъ въ тоню рыбу. Только что началась работа, вдругъ прибѣжалъ изъ дому человѣкъ.

— Степанида Ивановна, сударь, пріѣхала.

— Что за Степанида Ивановна?

— Барыня, племянница, сударь, покойнаго барина, сестрица ваша, пріѣхали съ мужемъ и съ дѣтками.

— Неужели? сестрица? ѣдемъ!—вскричалъ Захарій Эразмовичъ.

Надо сказать, что Фекла Савишна не

забыла сообщить племяннице Эразма Львовича обо всѣхъ событіяхъ въ домѣ ея дяди и совѣтовала ей пріѣхать какъ можно скорѣе. Степанида Ивановна выходила замужъ, какъ единственная наслѣдница дяди; она хотѣла осчастливить своею рукою голаго капитана Ѳедора Петровича, но ошиблась въ расчетѣ. За полкомъ она не хотѣла слѣдовать, и принудила мужа выйти въ отставку, опредѣлиться въ штатскую, въ ожиданіи смерти ея дяди. Получивъ извѣстіе отъ Ѳеклы Савишны, что Эразмъ Львовичъ сошелъ съ ума и признаетъ какого-то оборотня за своего роднаго сына, Степанида Ивановна пришла въ ужасъ, велѣла мужу собираться скорѣе въ дорогу, нанимать лошадей.

— Помилуй, душа моя, черезъ два дни будутъ выбирать меня въ засѣдатели, а меня вдругъ нѣтъ на лицо; подождемъ, покуда я получу мѣсто.

— Подите вы съ своимъ мѣстомъ. До

мѣста мнѣ теперь! Дядя откажетъ чортъ знаетъ кому имѣнье, а я здѣсь жди мѣста! сейчасъ же отправляйтесь, Ѳедоръ Петровичъ! Ну, чтожъ вы сидите тюленемъ!

— Да дай, душа моя, докурить трубочку!

— Трубочку! да чтожъ вы шутите что ли со мной? я теряю наслѣдство, а вы преспокойно курите трубочку!... Да впрочемъ мнѣ до васъ дѣла нѣтъ, я найму лошадей, уѣду съ дѣтьми; вы курите себѣ!... Дунька, кликни Марѳу!

— Она, сударыня, хлѣбы въ печь сажаетъ.

— Если я.... тебѣ говорю.... кликни, такъ ты не смѣй, не смѣй говорить.... что хлѣбы въ печь сажаетъ, что хлѣбы въ печь сажаетъ!... вотъ тебѣ и печь!

Дунька съ встрѣпанными волосами побѣжалъ на кухню.

— Да ты, душа моя, совсѣмъ взбѣле-

нилась, —сказалъ Ѳедоръ Петровичъ, затянувшись дымомъ, и ставя трубку въ уголъ.

— Да-съ, я взбѣлѣнилась, я ѣду, а вы сидите здѣсь, да курите трубочку!—отвѣчала Степанида Ивановна, собирая отвсюду платье, вещи и укладывая все въ сундукъ. — Марѳа! ступай, приведи мнѣ извощиковъ!

— Да какъ же, сударыня, хлѣбы-то бросить; я пойду, а тутъ печка остынетъ; вотъ посажу, да и пойду.

— Сейчасъ ступай!

— Вѣдь я самъ иду, душа моя, къ чемужъ посылать Марѳу?

— У васъ, сударь, маланьины сборы! Ступай, Марѳа!

— Да вѣдь я иду.

— Вы десять лѣтъ будете сертукъ на себя натягивать, да потомъ на дорогу

трубочку закурите; покорно васъ благодарю!

Но Өедоръ Петровичъ доказалъ своей супругѣ, что и онъ можетъ быть поспѣшнымъ; сбросивъ халатъ, онъ кое-какъ обвилъ шею галстукомъ, надѣлъ наскоро сертукъ, и не дотянувъ его до плечь, схватилъ картузъ и бросился вонъ; Марөа пошла на кухню, и смазывая хлѣбы на лопатѣ, ворчала, что за какими-то пустяками барынѣ вздумалось отрывать ее отъ дѣла; а Степанида Ивановна, продолжая торопливо укладываться, тузила то Дуньку за неповоротливость, то дѣтей за то, что толкутся около нее, трогаютъ вещи и мѣшаютъ.

Торопливость Степаниды Ивановны не помогла однако же ей застать Эразма Львовича въ живыхъ. Послѣ продолжительнаго пути на долгихъ, двѣ повозки прибыли наконецъ къ цѣли, остановились у желаннаго подъѣзда.

— Господи, что за безпорядокъ въ домѣ, никто не выйдетъ встрѣтить! — сказала Степанида Ивановна, выглядывая изъ повозки; — Θедоръ Петровичъ, чтожъ ты тамъ засѣлъ?

Θедоръ Петровичъ, какъ необходимое дополненіе пожитковъ Степаниды Ивановны, которыми набита была верьхомъ вторая повозка, лежалъ огромнымъ мѣшкомъ и съ трудомъ выбрался на свѣтъ, чтобъ высадить жену и дѣтей, которыя съ двумя служанками составляли начинку передовой повозки.

— Это удивительно! ни одной души! — сказала Степанида Ивановна, входя въ переднюю, въ сопровожденіи мужа и дѣтей. Она уже пробралась въ залу, когда прибѣжавшій съ кухни человѣкъ крикнулъ: кого вамъ угодно?

— Ты, любезный, вѣрно не узналъ меня? — сказала Степанида Ивановна.

— Не могу знать-съ,—отвѣчалъ человѣкъ,—я недавно во дворѣ-съ.

— Гдѣ дядюшка?

— Баринъ-съ?

— Да, баринъ, мой дядюшка.

— Поѣхали на озеро-съ.

— Зачѣмъ?

— Вѣрно купаться-съ, да рыбу изволятъ ловить.

— Стало быть онъ здоровъ?

— Слава Богу-съ, въ добромъ здоровьѣ.

— Кто здѣсь при дядюшкѣ?

— Никого-съ.

— Какъ, мнѣ сказали, у него кто-то живетъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, никто не пріѣзжалъ. Они одни одинехоньки живутъ съ тѣхъ поръ, какъ батюшка ихъ Эразмъ Львовичъ померъ.

— Умеръ! дядюшка умеръ!—вскричала Степанида Ивановна, и почти безъ памяти бросилась въ кресло.

Въ это время вошелъ старый Филипъ и едва узналъ въ плотной барынѣ бывшую тощую барышню, племянницу Эразма Львовича.

— Сударыня, Степанида Ивановна!

— Ахъ, Филипъ, это ты?—произнесла она горестно; — дядюшка умеръ?

— Умеръ, сударыня, дай Богъ царство небесное! Позвольте, я дамъ знать братцу вашему о вашемъ пріѣздѣ.

— Братцу? какому это братцу? откуда Богъ далъ мнѣ такого братца?—спросила Степанида Ивановна, когда возвратился Филипъ.

— Какъ же, сударыня, Захарій Эразмовичъ, пріѣхалъ изъ чужихъ краевъ. Что за добрая душа! весельчакъ такой: притворился проѣзжимъ комедіантомъ, да

и подшутилъ надъ своимъ батюшкой. А какъ отдалъ письмо отъ своей матушки, тутъ ужь Эразмъ Львовичъ и призналъ его.

Филипъ продолжалъ разсказывать, какъ старый баринъ возрадовался сыну; какъ прогналъ отъ себя Ѳеклу Савишну, которая съ дочкой своей совсѣмъ было его скрутила; какъ возстановила его противъ Степаниды Ивановны.

— Да, сударыня, дядюшка посердился бы на васъ, что безъ его позволенія вышли замужъ, да еще и строчки ему не написали, посердился бы, да....

— Какъ? я не писала къ нему?

— А какъ же, сударыня; при мнѣ часто Эразмъ Львовичъ говаривалъ: хороша племянница! знать не хочетъ дядю; а Ѳекла Савишна: да, да, хоть бы слово въ годъ написала!

— Ахъ она сквернавка! я не писала? я не просила позволенія выйдти замужъ? Такъ дядюшка не получалъ моихъ писемъ, которыя я писала почти каждую недѣлю?

— Изъ городу какія-то письма часто привозили, и отдавали Ѳеклѣ Савишнѣ; стало быть она таила ихъ отъ барина.

— Ахъ она мерзкая! ахъ она каналья! что она сдѣлала со мной! перессорила меня съ дядюшкой, хотѣла перессорить и съ братцемъ: написала, что дядюшка съ ума сошелъ и усыновилъ чортъ знаетъ кого.

— Какъ же это можно, сударыня; Захарій Эразмовичъ родной сынъ.... Ахъ, да вотъ и баринъ.

— Братецъ!—вскричала Степанида Ивановна, вскочивъ съ мѣста и бросясь навстрѣчу Захарію Эразмовичу.

Еще не успѣлъ Захарій Эразмовичъ произнести слова, а сестрица успѣла уже обнять его, отрекомендовать мужа, заставить дѣтей своихъ поцѣловать у дядюшки ручки, и въ заключеніе сказать цѣлую рѣчь въ извиненіе, что безъ предувѣдомленія пріѣхала къ нему въ гости.

— Радъ, очень радъ, сестрица, что пріѣхали ко мнѣ въ гости! — сказалъ Захарій Эразмовичъ; — мнѣ одному такая скука была, что мочи нѣтъ.

— Я какъ отгадала, и торопилась, ей Богу торопилась; знала, что братецъ не чужой человѣкъ, не выгонитъ изъ дому.

— Радъ, ей Богу радъ! гостите себѣ у меня, домъ большой, всѣмъ будетъ мѣсто.

— Такъ вели, Филипъ, вносить вещи. Гдѣ же, братецъ, назначите намъ комнаты?

— Да гдѣ хотите; вотъ, комнатъ много, располагайтесь.

— Такъ ужь извините, братецъ, я расположусь, — сказала Степанида Ивановна, и пошла сама распоряжаться и отмежевывать для себя комнаты, и назначать, гдѣ что ставить. Дѣти пустились вслѣдъ за ней рекогносировать домъ; а Ѳедоръ Петровичъ поставилъ обязанностію обратиться къ Захарію Эразмовичу съ похвалами дома и мѣста, на которомъ онъ стоитъ.

— Чудный у васъ домъ-съ, Захарій Герасимовичъ! прекрасный-съ! генеральская квартира-съ! что за плацъ передъ домомъ!

— Не правда ли, славный домъ? — спросилъ Захарій Эразмовичъ.

— Славной, славной-съ! Я васъ не обезпокою трубочкой? можетъ быть, вы не любите табаку?

— Я не люблю? вотъ прекрасно!

— Такъ ужь позвольте наложить; я такъ привыкъ курить-съ, что бывало иду на ученье или на смотръ, а деньщикъ съ трубкой будь тутъ. Бывало идешь церемоніальнымъ маршемъ, на поворотѣ: Ванька! трубку! ужь онъ меня и караулитъ; затянешься и маршъ, какъ будто ни въ чемъ не бывало.

— Славно! а вы были у меня на конюшнѣ?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Такъ пойдемте.

— У васъ и охота вѣрно есть?

— Есть, все есть.

— Вотъ бы славно за зайцами!

Между тѣмъ какъ Захарій Эразмовичъ водилъ Өедора Петровича по конюшнямъ и сараямъ, Степанида Ивановна распоря-

дилась во всемъ, вывѣдала все, что́ и ка̀къ въ домѣ, и покачивала уже головою, что у братца всѣмъ распоряжаетъ какой-то Пафнутьичъ, что у него не только ключи отъ всего, но даже и деньги на рукахъ.

— Ну, хорошо хозяйство, гдѣ слуга забралъ барина въ руки и всѣмъ управляетъ!

Большая половина человѣчества по сіе время раздѣляется на два сорта несносныхъ людей; у однихъ страсть хозяйничать, даже въ гостяхъ; у другихъ страсть гостить, даже у себя дома. Для однихъ: *все не такъ, гдѣ не самъ;* для другихъ: *все такъ, не тронь только насъ.* Степанида Ивановна принадлежала къ первому сорту, любила все прибрать къ ногтю.

До пріѣзда ея Пафнутьичъ распоряжался и кухнею; зная вкусъ своего барина, онъ угождалъ ему. Въ день прі-

ѣзда Степаниды Ивановны, Захарій Эразмовичъ собирался обѣдать у Артамона Матвѣевича, и потому Пафнутьичъ ничего не велѣлъ дома готовить.

— Братецъ, вы не дома обѣдаете? — спросила Степанида Ивановна, когда Захарій Эразмовичъ возвратился съ осмотра конюшень.

— Какъ не дома?

— У васъ ничего не готовятъ на кухнѣ.

— Какъ ничего?

— Пафнутьичъ, говорятъ, не приказалъ готовить.

— Экой какой! Ну, сказать повару, чтобъ готовилъ.

— Ахъ, братецъ, неужели вы кушаете то, что вамъ подадутъ? что вздумаетъ поваръ, то и готовитъ?

— А какъ же? это его дѣло!

— Ну, можно ли положиться на холопской вкусъ! ай-ай, какой у васъ без-

порядокъ! нѣкому ни приказать, ни указать, ни присмотрѣть, чтобъ было все чисто, опрятно, да не украдено! Впрочемъ и неудивительно: гдѣ жъ вамъ самимъ, мужское ли это дѣло!

— Для того-то я и хочу жениться, что, это все не мое дѣло, — сказалъ Захарій Эразмовичъ.

— Жениться? неужели? ээхъ, молоды еще, братецъ, можно подождать, скоро надоѣстъ женатая жизнь: хлопоты, заботы о дѣтяхъ, о томъ, о семъ; къ тому же, какова попадетъ жена: иная не въ домъ, а изъ дому будетъ наровить. Да покуда что будетъ, поручите хоть мнѣ присмотрѣть за вашимъ хозяйствомъ; я съ удовольствіемъ займусь; не сложа же ручки жить въ домѣ. У дядюшки я всѣмъ распоряжалась, все у меня было на рукахъ.

Захарій Эразмовичъ не прочь отъ такого предложенія; онъ еще радъ былъ, что нашлась для дома хозяйка, а для него товарищъ. Но что-то скажетъ Пафнутьичъ, какъ воротится съ поля?

Для Степаниды Ивановны отперли парадную половину дома. Петенька, Ванечка и Дунечка, какъ мародеры, кинулись по комнатамъ, въ гостиной ощупали всѣ рѣзные фестоны во кругъ зеркальныхъ столиковъ; пустили въ ходъ маятникъ столовыхъ часовъ, повалялись по цвѣтному махровому бархату мебели; покатались по гладкому паркету какъ по льду, и потомъ пустились далѣе.

— Ваня, Ваня! смотри что тутъ! — вскричалъ Петенька, вбѣжавъ первый въ угловую круглую комнату, которая была музеемъ причудъ матери Эразма Львовича. Тутъ на фарфоровыхъ столахъ стояли фарфоровыя вазы съ фарфоровыми цвѣта-

ми; на фарфоровыхъ цвѣтахъ сидѣли фарфоровыя бабочки, жучки, птички калибри, птички мушки, какъ живыя.

Тутъ былъ весь Олимпъ фарфоровый; всѣ боги, всѣ музы, всѣ граціи и множество купидоновъ, какъ явное доказательство, что у Венеры былъ не одинъ сынъ, а нѣсколько.

На крикъ Петеньки, Ваня и Дунечка кинулись со всѣхъ ногъ.

— Ай, ай, ай! — вскричала Дунечка, — сколько куколъ!

— Ваня! бабочка!

— Постой, я поймаю!

— Какъ бы не такъ! это моя!

— Ахъ, птичка!

— Гдѣ, гдѣ? дай, я поймаю!

— Гдѣ птичка, гдѣ? — крикнула и Дунечка, которая между тѣмъ собирала со стола и разставляла на кресла богинь и грацій.

— Да, какъ бы не такъ! дамъ я тебѣ птичку!

И Ванечка торопливо ухватилъ птичку, оторвалъ ее вмѣстѣ съ розой, и соскочивъ со стула, пустился бѣжать. Дунечка было за нимъ, но вѣрно знала, что у брата та̀къ ничего не возмешь, а надо употребить хитрость.

— Возьми себѣ дрянную птичку; у меня есть солдатикъ! — И она, схвативъ Минерву со стола, запрыгала по комнатѣ, поддразнивая Ванечку.

У Ванечки разгорѣлись глаза на солдатика.

— Ну, давай мѣняться! — сказалъ онъ.

— Какъ бы не такъ!

— Ну, такъ я отниму!

— Смѣй-ко! я скажу маминькѣ.

Между тѣмъ какъ Ваня пустился догонять сестру, граціи не устояли на но-

гахъ, и грохнулись съ креселъ на землю; а Петинька преспокойно продолжалъ обрывать съ букетовъ всѣхъ бабочекъ и птичекъ.

Въ это-то время возвратился Пафнутьичъ съ поля. Воображая, что баринъ его у Артамона Матвѣевича, онъ пробирался коридоромъ въ свою комнатку; вдругъ слышитъ, въ запертыхъ парадныхъ комнатахъ возня, стукъ, визготня. Пафнутьичъ перекрестился, приложилъ ухо къ двери, и на него нашелъ ужасъ: крысы не крысы, люди не люди, а кто-то возится, топаетъ ногами, то пищитъ, то бормочетъ, мечется во всѣ углы.... Вотъ, что-то разлетѣлось въ дребезги, и ясно раздалось: — эхъ, что взялъ! — да такимъ тоненькимъ голоскомъ, что у Пафнутьича волосы стали дыбомъ.

— Ваня, Ваня! — раздалось снова.

*

Пафнутьичъ бросился въ залу, чтобъ кликнуть кого нибудь изъ передней.

— Вотъ тебѣ и солдатикъ! эхъ, что взялъ?

— Ну что жъ, а я твоихъ всѣхъ барынь перебью!

— Какъ бы не такъ, попробуй-ко!

— Перебью!

— Господи, да тутъ какіе-то ребятишки забрались! — вскричалъ Пафнутьичъ, замѣтивъ отворенную дверь въ парадную гостиную, откуда слышны были дѣтскіе голоса. И онъ побѣжалъ туда.

Въ круглой комнатѣ происходили ужасныя вещи: Ванечка швыряетъ со стола на полъ Юнонъ, Діанъ, Психей, пастушекъ и маркизъ въ робронахъ; Дунечка бранитъ его сквернымъ Ванькой, а Петенька, обломавъ съ цвѣтовъ всѣхъ птичекъ и бабочекъ, раскладываетъ ихъ на диванѣ.

Можете себѣ представить положенie Пафнутьича, который все господское берегъ пуще своего глазу, прослужилъ вѣкъ свой вѣрой и правдой, не однѣми руками и ногами, но и сердцемъ, дослужился изъ *простаго* Пафнутья до почетнаго Пафнутье*вича*. Сердце его облилось кровiю, языкъ онѣмѣлъ, душа слезно простонала, и онъ не вымолвивъ слова, схватилъ за шиворотъ Ванечку и Дунечку въ одну руку, Петеньку въ другую, и повлекъ ихъ чрезъ всѣ комнаты вонъ.

Крикъ, визгъ раздался по всему дому.

— Что такое? что такое? — вскричала Степанида Ивановна, изъ комнатъ по другую сторону залы, которыя она избрала для своей спальни и дѣтской. — Что такое? — повторяла она, выбѣгая въ залу. Но Пафнутьичъ протащилъ уже Петеньку, Ванечку и Дунечку, какъ три кулька съ разнымъ хламомъ, въ переднюю, намѣренъ былъ тащить далѣе, на дворъ

и выбросить на навозную кучу. Вдругъ, со двора, навстрѣчу ему Захарій Эразмовичъ съ Өедоромъ Петровичемъ, а сзади налетѣла львицей Степанида Ивановна, рветъ дѣтей изъ рукъ его.

— Ахъ разбойникъ, ахъ каналья, ахъ душегубецъ! — кричала она, задыхаясь отъ сердца. — Братецъ! посмотрите, что дѣлается въ вашемъ домѣ! Господи Боже мой, куда мы пріѣхали!... Ахъ мошенникъ! холопъ! смѣлъ бить моихъ дѣтей! Нѣтъ! я этого сносить не могу, братецъ! я не могу этого сносить! какъ хотите!

Въ дополненіе крику Степаниды Ивановны, Петенька, Ванечка и Дунечка, прижавшись къ матери, кричали на весь домъ. Пораженный Пафнутьичъ дрожалъ какъ листъ и молчалъ, Өедоръ Петровичъ безпокойно затягивался и покрывалъ всю картину облаками дыма.

— Что такое, Пафнутьичъ, зачѣмъ ты

ихъ бьешь? — спросилъ Захарій Эразмовичъ.

— Пафнутьичъ? такъ это-то Пафнутьичъ? — вскричала Степанида Ивановна, какъ будто снова прорвало ее, — такъ ты-то Пафнутьичъ, любезный? Знаю! Теперь вы видите, братецъ, сами, какую этотъ воръ забралъ себѣ власть у васъ въ домѣ! ему не понравилось, что мы безъ его позволенія къ вамъ пріѣхали, такъ онъ и гонитъ насъ вонъ! Онъ не уважаетъ, что я сестра вамъ, а дѣти мои ваши племянники!

Пафнутьичъ покачалъ головою, закрылъ лице руками и молчалъ.

— Не прячь, любезный, рожи своей, не спрячешься; я плутовства твои выведу на чистую воду. Знаю, тебѣ не по сердцу такіе гости, да братецъ не промѣняетъ свою сестру на мошенника холопа!

Пафнутьичъ ни слова, зарыдалъ и вышелъ вонъ.

— Вотъ онъ, извольте смотрѣть, братецъ, — продолжала Степанида Ивановна, — онъ и слышать не хочетъ, и въ усъ не дуетъ, и горя мало! Что жъ, братецъ, это такъ и пройдетъ? холопъ и правъ, что прибилъ моихъ дѣтей? тѣмъ и кончилось?

— А чтожъ съ нимъ дѣлать? — сказалъ Захарій Эразмовичъ.

— Грубіянъ какой! — сказалъ Өедоръ Петровичъ, пыхнувъ дымомъ.

— Такъ вы и не накажете его? —сказала Степанида Ивановна дрожа отъ гнѣва.

— Я не умѣю наказывать, — сказалъ Захарій Эразмовичъ.

— Позвольте мнѣ, я вздую ему спину! —сказалъ Өедоръ Петровичъ, — велю принести палокъ!

И онъ вышелъ на крыльцо, гдѣ Пафнутьичъ сидѣлъ на скамьѣ и заливался горькими слезами; Филипъ и прочіе лакеи стояли около него, и что-то перешептывались.

— Эй! — крикнулъ Ѳедоръ Петровичъ къ людямъ, — палокъ!

Всѣ стояли, не двигаясь съ мѣста.

— Ступай, кто нибудь, да нарѣжь палокъ! я тебя, голубчикъ, вздую! грубіянъ! Ну! чтожъ вы?

— Ничего-съ, — отвѣчалъ Филипъ.

— Палокъ, приказалъ я!

— Не знаемъ-съ; его здѣсь нѣтъ, вѣрно въ кабакъ ушелъ.

— Кто ушелъ въ кабакъ?

— Да вашъ деньщикъ-съ.

— Какой деньщикъ?

— Да вотъ котораго палками изволите бить, вѣрно за пьянство; по сію пору не

приходилъ-съ, экой право! барину съ дороги нужно помыться, почиститься, да одѣться; а онъ чортъ знаетъ гдѣ! Ужь подлинно, ваше благородіе, стоитъ его палками.

— Скотина! — сказалъ Ѳедоръ Петровичъ, и закусивъ трубку, пошелъ обратно въ комнаты, гдѣ Степанида Ивановна, видя, что просто жалобы не дѣйствуютъ на Захарія Эразмовича, залилась - было слезами; но снова раздался дѣтской крикъ.

— Господи! Братецъ, онъ опять бьетъ ихъ! — вскричала она и бросилась бѣгомъ въ парадныя комнаты; Захарій Эразмовичъ за ней.

Тамъ Ванечка и Дунечка напали на Петеньку, который и руками и ногами и зубами защищалъ свою коллекцію бабочекъ и птичекъ.

— Ахъ вы мерзскіе! ахъ вы скверные! ахъ вы разбойники! — вскричала Степа-

нида Ивановна, и оттрепавъ и Петеньку и Ванечку и Дунечку за волосы, погнала ихъ вонъ изъ парадныхъ покоевъ.

— Ахъ они негодяи! — повторялъ и Ѳедоръ Петровичъ, — ахъ они баловни, что они надѣлали? Сдѣлайте одолженіе, Захарій Эразмовичъ, накажите ихъ какъ угодно, я не постою за нихъ, ей-ей не постою! развѣ Степанида Ивановна.... что дѣлать, балуетъ ихъ, ей Богу балуетъ, ну, что толку, выдеретъ заволосенки; я бы Ддралъ ихъ каждой день, ей Богу!

— А за что?—спросилъ Захарій Эразмовичъ, разсматривая бабочекъ, птичекъ и статуйки.

— Какъ за что? за тоже, — сказалъ Ѳедоръ Петровичъ.

— Батюшко, братецъ, — сказала Степанида Ивановна, возвратясь и отирая глаза платкомъ.

— Странная вещь! — сказалъ Захарій Эразмовичъ.

— Что будешь дѣлать, братецъ, съ дѣтьми: имъ все игрушки. Вы сердитесь.

— Да какія игрушки-то: упала и разбилась въ дребезги; и въ руки нельзя взять, — сказалъ Захарій Эразмовичъ.

— Вы сердитесь, братецъ.

— Да какъ же не сердиться: годятся ли дѣтямъ такія игрушки?

— Не сердитесь, братецъ; вѣдь это фарфоръ; все будетъ цѣло; стоитъ только въ молокѣ сварить.

— Ктожъ это зналъ; я бы давно велѣлъ ихъ сварить въ молокѣ.

— Вы все сердитесь, братецъ.

— Ну, ну, не буду; дрянь такая, стоитъ того, чтобъ сердиться.

— Оно, конечно, не стоитъ; да все жалко вещи.

— Гдѣ племянники? я имъ отдамъ всѣ эти игрушки, пусть ихъ бьютъ,—сказалъ Захарій Эразмовичъ.

— Ахъ, Боже мой, зачѣмъ же дѣтямъ давать бить.

— Да что въ нихъ.

— Если вамъ не нравятся, такъ лучше отдайте мнѣ, братецъ.

— Возьмите, пожалуй.

— Покорно васъ благодарю, братецъ; такъ ужь скажите Пафнутьичу, что вы подарили мнѣ эти вещи; а то онъ пожалуй и меня вытолкаетъ отсюда.

— Нѣтъ, не вытолкаетъ, я ему скажу.

— Да, я и позабыла, братецъ: у васъ ключи отъ чулана и кладовой?

— У Пафнутьича, — отвѣчалъ Захарій Эразмовичъ, начиная зевать.

— Какъ же, братецъ, вы поручили мнѣ хозяйство; а я обращайся за всѣмъ къ холопу?

— Да вѣдь онъ лучше меня это знаетъ, сестрица; я не знаю, гдѣ и чуланы-то и что въ нихъ есть.

— Прекрасно! — начала было Степанида Ивановна голосомъ обиженнаго самолюбія; но принявъ зевоту Захарія Эразмовича за нежеланіе продолжать разговоръ о ключахъ, она склонила рѣчь въ сторону. Но братецъ ея продолжалъ зевать. Онъ имѣлъ обычай, какъ и всѣ люди, зевать и засыпать отъ скуки, когда что нибудь переставало его занимать, игрушки приигрались, люди присмотрѣлись, рѣчи прислушались. Только Пафнутьичъ умѣлъ занимать его, какъ заботливая нянька дитя. То вызоветъ его осмотрѣть домъ, не нужно ли что починить, и Захарій Эразмовичъ внимательно займется осмотромъ дома, заглянетъ во всѣ щелки и трещинки; то поведетъ на токъ, и батюшко молодой баринъ самъ изволитъ наблюдать какъ молотютъ, самъ пересматриваетъ

битые снопы, не осталось ли колоса съ зерномъ; то призоветъ старосту и начнетъ толковать ему волю господскую, и Захарій Эразмовичъ слушаетъ и подтверждаетъ слова Пафнутьича. День проходитъ невидимо, по просту, безъ затѣй. Пріѣхала сестрица; Захарій Эразмовичъ обрадовался сестрицѣ и мужу ея, но вмѣстѣ съ этимъ какъ будто изчезло золотое *по просту безъ затѣй.* Сестрица такъ ласкова и сладостна, что мочи нѣтъ, поминутно велитъ племянникамъ цѣловать ручки у дядюшки, благодарить его за любовь къ нимъ и за всѣ милости. Ѳедоръ Петровичъ радъ всюду слѣдовать за Захаріемъ Эразмовичемъ, съ трубкой во рту и съ кисетомъ въ рукахъ; но Ѳедоръ Петровичъ самъ ничего не выдумаетъ.

— Ну, чтожъ теперь дѣлать? — спроситъ его Захарій Эразмовичъ.

— Что угодно, я на все готовъ; вотъ

только позвольте набить трубочку, и пойдемте куда угодно.

Захарій Эразмовичъ задумается и начнетъ зевать, а Ѳедоръ Петровичъ покуриваетъ себѣ трубочку, въ ожиданіи, куда угодно будетъ идти братцу.

Событіе перваго дня такъ поразило Пафнутьича, что бѣдный старикъ слегъ. Съ перваго взгляда на Степаниду Ивановну онъ понялъ, что отъ такой сестрицы ничѣмъ не отвязаться уже его доброму барину, котораго онъ, про себя, все еще называлъ Емельяномъ Герасимовичемъ; что Степанида Ивановна никогда ему не проститъ своей обиды; что Степанида Ивановна никогда не повѣритъ, чтобъ холопъ былъ вѣренъ барину; а наконецъ, хуже всего, что Степанида Ивановна такая гостья, которая выживетъ изъ дому и домоваго. Все чувствовалъ Пафнутьичъ; горька ему была и собственная обида: его

назвали воромъ! Но онъ не могъ простить себѣ неосторожнаго поступка. Хотѣлъ идти просить прощенья и у барина и у Степаниды Ивановны; да не могъ; голова какъ раскаленная, ноги не служатъ. Утомленный гостями своими, Захарій Эразмовичъ задремалъ съ позаранку, не хватился Пафнутьича. День прошелъ.

На другой день ранымъ-ранешенько поднялась Степанида Ивановна. Ее безпокоили уже заботы хозяйственныя. Надо было призвать повара, распорядиться объ обѣдѣ. Но ключи отъ чулановъ и кладовой безпокоили ее еще больше.

— Позвать ко мнѣ Пафнутьича, — сказала она своей служанкѣ.

Служанка отправилась въ людскую, и возвратилась съ докладомъ, что Пафнутьичъ еще не вставалъ.

— Ахъ мерзавецъ! не вставалъ!—вскричала Степанида Ивановна; — чтобъ сейчасъ явился! слышишь?

— Слушаю-съ.

Служанка опять побѣжала въ людскую и возвратилась съ докладомъ, что Пафнутьичъ не можетъ придти, что онъ болѣнъ.

— Дерзость какая! это невыносимо! это ужасъ, что здѣсь въ домѣ дѣлается! Слуга управляетъ всѣмъ, творитъ что хочетъ! вчера прибилъ моихъ дѣтей, сегодня меня прибьетъ! Господи, Іисусе Христе, да что это такое?

Много подобныхъ вещей наговорила Степанида Ивановна, покуда всталъ отъ сна Захарій Эразмовичъ.

— Извините, братецъ, что я до сихъ поръ не могла распорядиться столомъ. Я послала за вашимъ Пафнутьичемъ, чтобъ онъ выдалъ припасы повару; но ему вѣрно не понравилось, что вамъ угодно было поручить мнѣ хозяйство. Вмѣсто того, чтобъ придти ко мнѣ, онъ приказалъ

сказать, что еще не вставалъ съ постели; я принуждена была послать вторично за нимъ, отъ вашего имени, но и это не помогло: онъ велѣлъ мнѣ сказать, что нездоровъ и придти не можетъ. Послѣ этого, братецъ, я не знаю что дѣлать! Вчера вы оставили безъ наказанія дерзость его противъ вашихъ племянниковъ, и вотъ вамъ послѣдствія: онъ меня знать не хочетъ; онъ мнѣ на каждомъ шагу будетъ дѣлать дерзости! Что жъ удивительнаго: онъ пользуется безграничной довѣренностью вашей, и я ему какъ бѣльмо на глазу. Онъ не смѣетъ меня просто выгнать изъ дому, такъ хочетъ выжить разными непріятностями.... Да я не знаю, успѣетъ ли въ томъ; не думаю, чтобъ вы промѣняли сестру на холопа....

— Эй! позвать ко мнѣ Пафнутьича! — крикнулъ Захарій Эразмовичъ.

— Онъ, сударь, болѣнъ.

— Пафнутьичъ боленъ?

— Что жъ удивительнаго, братецъ, что онъ теперь и вамъ скажется больнымъ. Онъ свое дѣло сдѣлалъ, показалъ, что меня знать не хочетъ. Нельзя же вдругъ выздоровѣть; надо хоть до обѣда притворяться. Будьте увѣрены, что къ обѣду онъ выздоровѣетъ.

— Онъ, сударыня, совсѣмъ безъ памяти лежитъ, извольте посмотрѣть,—сказалъ слуга.

— Скажи пожалоста! я пойду навѣщать его!... Всѣ вы, голубчики, одного хамова племени, одинъ за другаго сто́ите; такъ гдѣ жъ отъ васъ правды ждать.

— Какъ угодно; извольте посмотрѣть,— сказалъ слуга.

— Пойдемъ! — сказалъ Захарій Эразмовичъ.

Пафнутьичъ лежалъ въ жару и бредилъ, когда вошелъ къ нему его баринъ.

— Пафнутьичъ, а Пафнутьичъ! что съ тобой, Пафнутьичъ?

— Матушка, сударыня, извините, — проговорилъ Пафнутьичъ, уставивъ глаза на Захарія Эразмовича, — простите, матушка Наталья Дмитріевна!... Богъ ее знаетъ, вѣдь она чортъ какой-то, а не сестрица, прости Господи.... Мальчишки перебили въ дребезги Емельяна Герасимовича.... а я чтожъ.... ну, я и того; нельзя же, матушка, жаль, ей-ей, жаль барина, такой добрый.... простите, сударыня!...

И Пафнутьичъ приподнялся, тянется къ Захарію Эразмовичу.

— Сдѣлайте божескую милость, простите! Вѣдь она меня считаетъ....

И Пафнутьичъ не кончивъ рѣчи, горько зарыдалъ.

— Пафнутьичъ, что это ты, Пафнутьичъ, о чемъ же ты плачешь? Ну, лягъ,

лягъ, Пафнутьичъ! — повторялъ Захарій Эразмовичъ, прослезясь самъ и садясь на постелю подлѣ своего бѣднаго дядьки.

— Матушка! воромъ считаетъ! — проговорилъ Пафнутьичъ, и еще горчѣе зарыдалъ; потомъ протянулъ руку подъ подушку, и досталъ связку ключей, — вотъ извольте взять назадъ къ себѣ Емельяна Герасимовича, а ужь я не слуга, мнѣ позвольте на покой.

Пафнутьичъ вложилъ ключи въ руку Захарія Эразмовича, и охая, свалился на подушку.

— Пафнутьичъ болѣнъ, надо послать за докторомъ, — сказалъ Захарій Эразмовичъ.

— Охъ, нѣтъ, батюшко баринъ, намъ ли ужь у докторовъ лечиться: пройдетъ и такъ, — сказала старуха, жена Пафнутьича.

— Такъ пройдетъ! да хорошо ли будетъ, если такъ пройдетъ: на то доктора, чтобъ такъ не проходило.

— Нѣтъ, ужь избавьте!

— Ну, будь по твоему.

— Пафнутьичъ больнехонекъ! — сказалъ Захарій Эразмовичъ, возвратясь изъ людской.

— Хмъ! а вы и вѣрите? — сказала усмѣхаясь Степанида Ивановна.

— Какъ же не вѣрить: онъ бредитъ, плачетъ, говоритъ такую чепуху, что ужасъ слушать; говоритъ, что не куколъ разбили, а меня.

— Хорошъ бредъ! Я вижу, какъ онъ бредитъ!... Да пусть его что хочетъ бредитъ.... я знаю, что вы, братецъ, его бреду не повѣрите.... Но если онъ болѣнъ, такъ кому же вы поручаете ключи?

— Да вотъ всѣ ключи, и отъ шкаповъ и отъ комодовъ.

— Если вы поручаете, братецъ, мнѣ, такъ позвольте мнѣ пересмотрѣть все и принять при васъ на руки. Можетъ быть, въ комодахъ деньги или какія нибудь драгоцѣнныя вещи.

— Ну, пойдемте смотрѣть, — сказалъ Захарій Эразмовичъ, и повелъ Степаниду Ивановну въ свой кабинетъ. Когда дѣло дошло до шифоньерки, гдѣ въ ящикахъ было множество золотыхъ табакерокъ, часовъ, драгоцѣнныхъ перстней, и между прочимъ бриллiантовыхъ и жемчужныхъ женскихъ украшенiй, Степанида Ивановна затряслась надъ ними, глаза ея разбѣжались, дыханiе занялось.

— Вотъ, — сказала она дрожащимъ гололомъ, вынимая изъ футляра дрожащими руками жемчужныя нитки, — какъ выростетъ племянница, дадюшка и подаритъ ей въ приданое.

— Можно; пусть только скорѣй ростетъ, — сказалъ Захарій Эразмовичъ.

— А между тѣмъ, братецъ, я надѣюсь, и мнѣ позволите иногда пользоваться: куда нибудь на балъ съѣздить, или у себя вздумаете дать балъ.

— Отъ чего же не дать, пожалуй.

— Вотъ у дядюшки Эразма Львовича, сколько было вещей, хоть бы одно колечко оставилъ мнѣ въ наслѣдство,—проговорила слезнымъ голосомъ Степанида Ивановна; — хоть бы на память что я его любила, ходила за нимъ!... Меня оклеветала въ глазахъ его одна тварь, Ѳекла Савишна, лишила меня его любви!

И Степанида Ивановна смочила весь платокъ слезами.

— Не ужели, братецъ, дядюшка при смерти ни слова обо мнѣ?

— Ни слова.

— И въ завѣщаніи ни слова?

— А Богъ ее знаетъ, я не помню.

— Такъ почемужъ знать.... можетъ быть, онъ и не забылъ меня съ дѣтьми.... Я, братецъ, прошу васъ показать мнѣ завѣщаніе; я желаю знать послѣднюю волю его; я не десятая вода на киселѣ.

— Да не знаю, гдѣ и завѣщаніе-то.

— Нѣтъ ужь, я васъ покорно прошу, нельзя же, чтобъ онъ совсѣмъ таки забылъ меня; притомъ же я у него подъ опекой была — не нищая: послѣ матушки осталось много драгоцѣнныхъ вещей, бриліантовъ и жемчугу. Гдѣжъ было храниться всему этому, какъ не у дядюшки.

— Пафнутьичъ все это долженъ знать; вотъ выздоровѣетъ, спросимъ его.

— Что за всезнай такой Пафнутьичъ у васъ: онъ только и знаетъ все, отъ него только и зависитъ все! нѣтъ, братецъ, я кромѣ дядюшкина завѣщанія, да васъ, никого знать не хочу!

— Ну, чего не знаю, того не знаю, — сказалъ Захарій Эразмовичъ; — да что жъ мнѣ дѣлиться что ли съ вами, сестрица: что есть, то вмѣстѣ, чего нѣтъ — пополамъ.

— Ну, ужь какъ угодно, братецъ, а я бриліанты и жемчуги буду считать своими. Дядюшка отказалъ вамъ, какъ сыну, все имѣнье; а ужь съ какой стати достанутся вамъ женскія украшенья; вамъ не носить ихъ.

— Разумѣется.

— Я это возьму, все перечищу; а потомъ ужь, современемъ, вы мнѣ покажете завѣщаніе; потому что можетъ быть дядюшка оставилъ и капиталъ какой нибудь.

— А вотъ въ этомъ ящикѣ.

— Вотъ видите ли; а позвольте узнать, сколько?

— Ну, ужь денегъ я и считать не умѣю; это дѣло Пафнутьича.

— Ахъ, Господи! Пафнутьичу повѣрять и деньги, да еще безъ счету! да добро бы только свои, а то и мои туда же!

— Такъ что жъ такое?

— Вотъ прекрасно! я буду жертвовать своимъ достояньемъ холопу! Нѣтъ, братецъ, я хочу знать свое!

— Что жъ вы, сестрица, дѣлиться хотите со мной? Не все ли равно: что мое, то ваше, что ваше, то мое; вотъ напримѣръ ваши племянники мои.

— Нѣтъ, не все равно: дѣло другое, еслибъ вы при жизни передали вашимъ племянникамъ имѣнье, а сами были бы ихъ опекуномъ. О, тогда истинно было бы что наше то ваше, что ваше то наше. Мы бы васъ лелѣяли, какъ благодѣ-

теля, угождали бы вамъ, ласкамъ и мѣры бы не было.

— Что жъ, и прекрасно.

— Вы не шутите?

— Ей Богу нѣтъ!

Степанида Ивановна вскочила, обняла Захарія Эразмовича, засыпала поцѣлуями. Съ роду никто такъ сладко не цѣловалъ его, такъ крѣпко не обнималъ его.

— Братецъ, душенька, миленькой, хорошенькой!

И Степанида Ивановна снова впилась въ него. Онъ совсѣмъ обомлѣлъ отъ незнакомыхъ ему еще ласкъ.

— Постой же, душенька,—сказала наконецъ Степанида Ивановна, — мнѣ надо распорядиться столомъ.

— Зачѣмъ надо? не надо! — сказалъ Захарій Эразмовичъ, удерживая ее.

— Какъ же можно; мы безъ обѣда останемся; поваръ ждетъ меня.

— Что жъ за бѣда.

— Нельзя, братецъ, душенька.

— Эхъ, какъ это скучно!

— Что жъ дѣлать. Такъ я возьму всѣ эти вещи, перечищу, уложу хорошенько, да подальше: хорошо ли это, что у васъ вся дворня знаетъ, гдѣ что лежитъ. Да на расходъ денегъ надо взять, братецъ,— счетомъ. А завтра я сама отыщу опись и перевѣрю все: это удивительно, какъ васъ по сію пору совсѣмъ не обокрали!

Степанида Ивановна взяла все, что ей было по душѣ, взяла денегъ на расходъ и отправилась на свою половину.

— Ѳедоръ Петровичъ, — сказала она мужу, припрятавъ вещи и деньги въ сундукъ, — ты ухаживай за братцемъ, не оставляй его ни на шагъ; а не то, того

и гляди, что его собьютъ съ толку: я уговорила его подѣлиться наслѣдствомъ съ нами; такъ покуда онъ совершитъ актъ, надо держать ухо востро. Уговорико его ѣхать сегодня на охоту.

Ѳедоръ Петровичъ исполнилъ въ точности приказаніе супруги своей. Захарія Эразмовича не трудно было уговорить; и слѣдовательно все шло по желанію Степаниды Ивановны. На просторѣ, она занялась осмотромъ всего, что было подъ ключами. Отыскала въ бумагахъ и завѣщаніе и опись всему движимому и недвижимому. Съ жадностію прочитала она завѣщаніе, надѣясь найдти въ немъ и свое имя и свою долю; но ошиблась.

— Ну, — сказала она, покачавъ головой, — счастье мое, что я выговорила кое что у братца! У другаго бы пооблизалась, да съ тѣмъ и осталась.

Собравъ всѣхъ дворовыхъ людей, Степанида Ивановна объявила, что братецъ

ввѣряетъ ей все хозяйство въ домѣ, что они теперь не въ управленіи какого нибудь холопа; что если что кому нужно, чтобъ шли прямо къ ней, что она все выпроситъ для нихъ у братца: прибавку жалованья, прибавку провизіи.

— Къ чему, сударыня, — сказалъ Филипъ, — покорно благодаримъ! ужь какъ до сихъ поръ было, лучше и желать не надо: всего вдоволь, и милости господской и всякаго жалованья.

Степанида Ивановна вспыхнула; Филипъ затронулъ ея самолюбіе.

— Ты за другихъ не говори; тебѣ, любезный, вѣрно съ руки было воровское управленье; такъ не удивляюсь, что для тебя и желать лучше не надо.

— Намъ всѣмъ хорошо было, сударыня, — отозвалась вся дворня въ одинъ голосъ.

— Конечно. . . . въ одной шайкѣ всѣмъ хорошо, — сказала Степанида Ивановна; — очень рада, тѣмъ меньше мнѣ заботъ объ васъ.

— Господи, какъ это все распущено!— продолжала она оставшись одна.—Въ самомъ дѣлѣ имъ лучше и желать нечего: что хотятъ, то и дѣлаютъ, берутъ что вздумаютъ безъ мѣры, безъ счету; барствуютъ, да и кончено. Нѣтъ, голубчики, я вамъ крылья-то пообрѣжу! Постойте!

Въ самомъ дѣлѣ, какъ не обидѣться самолюбію Степаниды Ивановны: въ цѣлой дворнѣ не нашлось такого благоразумнаго человѣка, который бы польстился на ея журавлей и пренебрегъ синицу; который бы хоть чѣмъ нибудь похулилъ старый порядокъ, въ которомъ она видѣла ужасный безпорядокъ. Но не всѣ же и добрые люди довольны довольствіемъ людей, которое не отъ нихъ проистека-

етъ; какъ же было Степанидѣ Ивановнѣ не возмутиться противъ всей дворни, которая отказалась отъ предлагаемыхъ ею улучшеній, и явно поставила ее въ грязь передъ Пафнутьичемъ. Бываютъ люди, которые не навязываютъ никому своихъ милостей: хочешь бери; а нѣтъ, такъ честь приложена, а отъ убытку Богъ избавилъ. Но есть и такіе милостивцы, — откажись только отъ ихъ милостей — попадешь въ немилость. Такова была и Степанида Ивановна; если она обѣщала горсточку мучки, то надо было ее благодарить за съѣденный хлѣбъ, и увѣрять, что сытъ только ея милостями.

Скоро все въ домѣ почувствовало присутствіе Степаниды Ивановны. Куда вдругъ дѣвались живость, угодливость, готовность; всѣ какъ будто заболѣли: ходятъ какъ мѣшки, смотрятъ дико, отвѣчаютъ грубо.

— Ну, братецъ, дворня у васъ! признаюсь! вотъ что значитъ не имѣть въ домѣ хозяйки.

— Я и хочу, сестрица, жениться.

— Жениться?—проговорила Степанида Ивановна закусивъ губы.

— Да; я хочу, чтобъ у меня была такая же жена, какъ вы. Вы славная жена!

— Ахъ, братецъ, какіе вы добрые! — сказала Степанида Ивановна нѣжнымъ голосомъ, обнимая Захарія Эразмовича, — еслибъ вы знали, какъ и я васъ люблю!... Будетъ ли васъ такъ любить жена ваша. Ахъ, братецъ, братецъ, Богъ знаетъ еще какая попадетъ: злая, капризная, холодная, мотовка.... Не дождетесь отъ нее ни ласкъ, ни любви. Подай ей того, подай другаго—откажешь, не оберешься крику и слезъ; исполнишь—какъ въ омутъ: ничѣмъ не насытишь, все мало, будетъ себѣ бурчать, да ворчать. О, Господи,

еслибъ я была мужчиной, я бы никогда не женилась! имѣвши ваше состоянiе, охота навязывать на шею обузу! Ну, скажите, чего вамъ не достаетъ? хозяйки въ домѣ? Я буду у васъ хозяйкой, поставлю вашъ домъ на такую ногу, что хоть балы давайте. Дѣтей? ахъ, братецъ, еслибъ вы знали, сколько горя съ ними, сколько заботъ! сердце *кажную* минуту надрывается!... Да и къ чему вамъ дѣти? возьмите моихъ, будьте ихъ роднымъ отцомъ; вы же обѣщали укрѣпить за ними имѣнье. Свои-то, Богъ вѣсть еще, будутъ ли вамъ благодарны; а мои вѣкъ будутъ считать васъ благодѣтелемъ, выростутъ на вашихъ же глазахъ, подъ вашей же опекой, въ уваженьи и любви къ вамъ. Объ себѣ я ужь и не говорю: кто жъ мнѣ будетъ дороже васъ, кого мнѣ такъ любить, какъ не васъ, душенька?...

И снова Степанида Ивановна осыпала поцѣлуями Захарiя Эразмовича, и снова

казалось ему, что лучше ласкъ Степаниды Ивановны ничего въ свѣтѣ нѣтъ лучше.

— А вѣдь я совсѣмъ было женился на Варенькѣ, сказалъ онъ.

— Какой Варенькѣ?—спросила вздрогнувъ Степанида Ивановна.

— Дочери полковника Артамона Матвѣевича; онъ и сегодня поутру присылалъ узнать объ моемъ здоровьѣ и сказать, что и онъ и Варвара Артамоновна ждутъ меня къ себѣ къ обѣду.

— Владыко, царь небесный! да это не люди: у человѣка не успѣлъ отецъ умереть, а ему навязываются на шею съ невѣстами! Побойтесь Господа Бога, братецъ, вамъ до шести недѣль шагу изъ дому нельзя сдѣлать; а до году не только жениться, да и думать-то объ невѣстѣ грѣхъ.

— А я слово далъ, что пріѣду.

— О Господи! да вы такой добрый, что васъ только что слѣпой не заведетъ! Избави васъ Богъ жениться: жена скрутитъ васъ такъ, что жизни не будете рады! А я уѣду отъ васъ! Богъ съ вами!

— Это для чего?

— Уѣду! — повторила Степанида Ивановна горестно, сняла руку съ плеча Захарія Эразмовича, закрыла лицо платкомъ, и казалось готова была облиться слезами.

— Ну, такъ я лучше не женюсь, — сказалъ Захарій Эразмовичъ.

— Не женитесь? Ей Богу?

— Не женюсь, ей Богу!

— Душенька братецъ!... теперь я спокойна, вѣкъ вѣковать буду съ вами!... О добрый мой, милый братецъ!... Да кто жъ это такой Артамонъ Матвѣевичъ?

— Полковникъ военный.

— А какъ-бишь вы назвали жену-то его?

— Артамонъ Матвѣевичъ не женатъ.

— Да откудажъ у него дочь?

— А право я не знаю.

— Ахъ братецъ, братецъ! Какъ вы неосторожны! Да этотъ полковникъ такую навязалъ бы вамъ полковницкую дочь, что стыдно было бы въ люди показаться. Нѣтъ, братецъ, не ѣздите къ нимъ! Чего добраго, у васъ ужь не было ли сватовства?

— А какъ же; она сама сказала, что любитъ меня и готова бы была за меня замужъ идти, да отецъ, говоритъ, не позволяетъ.

— Ахъ какое плутовство! — вскричала Степанида Ивановна, — они васъ просто заводятъ: имъ не вы, а имѣнье ваше дорого!... Такъ ужь дѣло доходило до объясненій?

*

— Доходило.

— Ахъ, владыко мой! да вы не давали ли слова жениться?

— Далъ.

— Скажите пожалоста! Ахъ Боже мой! Вамъ теперь одно спасенье: укрѣпить скорѣе имѣнье за племянниками; увидите, какъ только узнаютъ объ этомъ, сами отвяжутся; а не то съ ножомъ къ горлу пристанутъ; я знаю этихъ военныхъ: приставитъ ко лбу пистолетъ да и скажетъ: женись, а не то убью; ты соблазнилъ мою дочь!

— Хмъ! да ужь онъ говорилъ мнѣ, что я соблазнилъ его Вареньку,—сказалъ усмѣхаясь Захарій Эразмовичъ.

— Видите ли, братецъ, видите ли! Я отгадала. Ахъ, не совѣтую вамъ медлить; если любите, послушайтесь меня, поѣдемте вмѣстѣ въ городъ и тамъ кончимъ дѣло.

Захарій Эразмовичъ не думавши, согласился на предложеніе Степаниды Ивановны. Нужно только согласіе, а дѣло сдѣлать не долго. На другой же день Захарій Эразмовичъ, съ Степанидой Ивановной, Өедоромъ Петровичемъ и своими племянниками очутился въ гостинницѣ губернскаго города. На третій день Өедоръ Петровичъ, какъ повѣренный въ дѣлахъ, препровожденъ былъ въ судебныя мѣста, Захарій Эразмовичъ остался дома съ племянниками, а Степанида Ивановна отправилась въ ряды и по моднымъ магазинамъ, закупать и заказывать *весь туалетъ* знатной дамы. Не прошло сутокъ, куда дѣвалось все ситцевое, перкалевое, каленкоровое, все шитое дома, сто разъ мытое, тысячу разъ глаженое! Откуда взялись шелки и бархаты, кисеи, батисты, и блонды и кружева, и все, до чего женская душа такая охотница!

Начались примѣриванія. Захарій Эразмовичъ присутствуетъ при туалетѣ.

— Нравится вамъ, братецъ, эта шляпка?

— Нравится.

— А эта?

— И эта нравится.

— Ну вотъ видите ли, я все по вашему вкусу купила. А это платье нравится?

— Нравится.

— Какъ я рада, что мы сошлись вкусами! А что лучше, платокъ или шаль?

— Нѣтъ, это мнѣ не нравится.

— Что не нравится?

— Мнѣ такъ, просто, безъ шали и платка лучше нравится.

— О, какой вы плутъ! Ну, я буду надѣвать только при гостяхъ, или куда нибудь выѣхать.

Надо правду сказать, что весь туалетъ очень поднялъ запущенную красоту Степаниды Ивановны, тѣмъ болѣе, что она была не *плоская* женщина.

Не прошло недѣли въ хлопотахъ Ѳедора Петровича по судебнымъ мѣстамъ и Степаниды Ивановны по лавкамъ и магазинамъ, въ одно прекрасное утро принесли наконецъ Захарію Эразмовичу подписать актъ, а Степанидѣ Ивановнѣ примѣрять послѣднее бальное платье. Захарій Эразмовичъ подмахнулъ по обычаю, какъ учили его въ бригадѣ подписывать свою фамилію, а Степанида Ивановна разряженная въ пухъ обняла его, велѣла племянникамъ цѣловать его руки, еще разъ обняла, хотѣла повторить еще разъ душевную свою благодарность за его милости; но принуждена была вскрикнуть: — Ахъ, братецъ, вы изомнете платье!

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

О томъ, какъ гостья выжила хозяина изъ дому.

Дѣло сдѣлано, рѣшено! Владѣтели всего имѣнія малолѣтные Петенька и Ванечка, управляетъ имѣньемъ ихъ мать обще съ дядей. Вотъ возвратились въ помѣстье, вотъ благодѣтеля Захарія Эразмовича только что на рукахъ не носитъ Степанида Ивановна, однакожъ не такъ крѣпко обнимаетъ его, чтобъ не измять новый шелковый свой капотъ. Степанида Ивановна цѣлый день занята распоряженіемъ, то то

переставь, то то убери. Захарій Эразмовичъ, какъ участникъ въ правленіи, ходитъ слѣдомъ за ней; ждетъ, когда она сядетъ отдохнуть, посадитъ его по обычаю подлѣ себя и начнетъ называть душенькой братцемъ, обойметъ и разцѣлуетъ за благодѣянія; но Степанидѣ Ивановнѣ нѣкогда, ей наскучило, что онъ какъ хвостъ за ней. Она хоть и сядетъ, да говоритъ, что устала, мочи нѣтъ, или начнетъ говорить, что то̀ надо сдѣлать, другое завести; тотъ лѣнтяй, другой грубіянъ, всю дворню необходимо перемѣнить. А когда Захарій Эразмовичъ хочетъ по обычаю приложить головку на грудку, такъ ахъ! что это вы! изомнете косынку!... Что вы все сидите дома, не ѣздите съ Ѳедоромъ Петровичемъ на охоту?

— Не хочу; мнѣ съ вами, сестрица, пріятнѣе.

— Ахъ, Боже мой, да нельзя же намъ цѣлый день быть вмѣстѣ!

— Отъ чего?

— Отъ того, что я не жена ваша.

— Да не сами ли вы говорили, что мнѣ не нужно жениться, что мы всегда будемъ вмѣстѣ?

— Что жъ изъ этого? вотъ мы и живемъ вмѣстѣ, въ одномъ домѣ.

— Нѣтъ, вы хотѣли всегда меня цѣловать.

— Покорно благодарю! для этихъ нѣжностей вы ужь женитесь.

— На комъ?

— Да вотъ, хоть на дочери этого полковника, что вы говорили; право!

— Не хочу!

— Впрочемъ, какъ вамъ угодно, братецъ.

— Да; какъ угодно мнѣ, такъ и угодно!

Послѣ подобныхъ разговоровъ Захарій Эразмовичъ, нахмурившись уходилъ на

озеро рыбу ловить. Но когда возвращался, Степанида Ивановна какъ будто изъ сожалѣнія скажетъ: вы сердитесь, братецъ? Ну, не сердитесь! и поцѣлуетъ его въ лобъ. Захарій Эразмовичъ и забудетъ сердце, снова начнетъ ходить вслѣдъ за Степанидой Ивановной по хозяйству и управленію.

Все шло ладно, покуда не поднялся на ноги Пафнутьичъ. Когда ему сказали, что̀ сбылось во время его болѣзни, старика снова бросило въ жаръ и брѣдъ, и онъ пролежалъ лишнюю недѣлю. Наконецъ всталъ черезъ силу, притащился къ барину, поцѣловалъ руку ни слова не говоря и зарыдалъ.

— Что ты, Пафнутьичъ, плачешь? — спросилъ его Захарій Эразмовичъ.

— Объ васъ, сударь! — проговорилъ старикъ, — что̀ вы сдѣлали!

— А что?

— Какъ что? баба васъ надула! что̀ вы сдѣлали-то! О, Господи! я что взглянулъ, то увидѣлъ, что добра не будетъ!

— Какого добра?

— А вотъ, такого, что у васъ выманили имѣнье, что васъ обманули, обобрали! что меня ужь гонютъ изъ людской, да и васъ вытурятъ изъ дому! Сестра! ай да сестра! Навезла своихъ поросятъ, а вы имъ бухъ имѣнье!...

— Что ты, любезный, говоришь?—раздался вдругъ голосъ Степаниды Ивановны, которая подслушивала въ дверяхъ слова Пафнутьича.

Онъ спокойно обернулся къ ней и сказалъ:

— Я своему барину говорю, сударыня, а не вамъ; говорю, что знаю.

— Вонъ! мошенникъ!

— Когда мой баринъ скажетъ мнѣ: вонъ, такъ я пойду.

— Братецъ, извольте ему приказать выйдти вонъ, покуда я.... — Степанида Ивановна воздержалась, не досказала чего-то.

— Пафнутьича вонъ? — спросилъ Захарій Эразмовичъ.

— Да-съ!

— Нѣтъ-съ, Пафнутьичъ вонъ не пойдетъ, покуда я вонъ не пойду.

— Я васъ не удерживаю; ваша воля жить или нѣтъ въ домѣ моихъ дѣтей! а этотъ мерзавецъ здѣсь не будетъ! Ей! люди! Ѳедоръ Петровичъ!

— Что такое? что такое? — вскричалъ прибѣжавъ Ѳедоръ Петровичъ.

— Хоть бы на грошъ было въ васъ совѣсти! обобрали барина, да такъ съ нимъ поступаютъ! — сказалъ Пафнутьичъ.

— Ѳедоръ Петровичъ, гони этого бездѣльника! онъ Богъ знаетъ что говоритъ!

онъ хочетъ поссорить меня съ братцомъ!...

— Полно, душа моя, что ты это сердишься, — сказалъ Ѳедоръ Петровичъ, — стоитъ такъ сердиться: я его въ зашей, да и кончено. Пошелъ!

— Кто пошелъ? мой Пафнутьичъ? — сказалъ Захарій Эразмовичъ;—нѣтъ, прежде всѣ отсюда къ чорту пойдутъ!

— Перестань, душа моя,—сказалъ Ѳедоръ Петровичь, оробѣвъ и обращаясь къ женѣ своей.

— Нѣтъ, я этого не могу перенести! Этотъ старой воръ про насъ Богъ знаетъ что говоритъ братцу!... Будто мы обманули его, обобрали, тогда какъ онъ самъ предложилъ отказать имѣнье своимъ племянникамъ, а на то имѣлъ важную причину, потому что безъ этого ему предстояла бѣда! Я одна только это знаю.

— Ну,—подумалъ Пафнутьичъ, — проболтался вѣрно мой баринъ, что онъ не настоящій наслѣдникъ!... Матушка сударыня,—продолжалъ онъ, подходя къ Степанидѣ Ивановнѣ и кланяясь въ землю,— оставьте ужь сердиться; я виноватъ; я такъ не въ себѣ былъ, да сказалъ вамъ непріятное.

— Знаю, что ты не въ себѣ, не туда залетѣлъ!—сказала Степанида Инановна,— да я, любезный, каркать воронамъ здѣсь не позволю!

И она вышла вонъ; Ѳедоръ Петровичъ вслѣдъ за ней.

— Хорошо, что ты попросилъ у ней прощенье, Пафнутьичъ,— сказалъ Захарій Эразмовичъ, —а то бы чортъ знаетъ что вышло.

— Ну, батюшко баринъ, хоть уходить намъ отсюда! — сказалъ Пафнутьичъ.

**

— Да хоть сейчасъ! —сказалъ Захарій Эразмовичъ,—раздѣвай меня!...

— Куда и идти-то! не пòміру же идти!... Покойной ночи, сударь! —сказалъ Пафнутьичъ, раздѣвъ барина и уложивъ въ постелю.

По обыкновенію, только что проснется Захарій Эразмовичъ, племянники и племянница прибѣгаютъ пожелать ему добраго утра, поцѣловать у дядюшки ручку; на столѣ передъ нимъ является поднось съ чаемъ, и крендели, до которыхъ онъ былъ охотникъ. Одѣнется онъ, входитъ Степанида Ивановна, поцѣлуетъ его, спроситъ, спокойно ли ночь провелъ, не изготовить ли ему какое нибудь любимое блюдо къ обѣду: *пермени* или *рагу*. Захарій Эразмовичъ попривыкъ къ этому порядку. Но вотъ, проснулся онъ, по обычаю крикнулъ: Эй! Но Филипъ, его камердинеръ, нейдетъ.

— Филипъ!

— Филипа нѣтъ-съ,—отвѣчалъ вошедшій другой слуга.

— А гдѣжъ онъ?

— Не могу знать-съ.

— Чаю!

— Барыня чай откушали-съ; а самоваръ еще не вскипѣлъ.

— Чтобъ сейчасъ вскипѣлъ, слышишь?

— Слушаю-съ.

— Да кликни Филипа.

Слуга ни слова не отвѣчалъ, вышелъ. Съ часъ пролежалъ Захарій Эразмовичъ въ ожиданіи чаю, наконецъ снова началъ кричать: Эй! Филипъ!

Послѣ долгаго тщетнаго призыванія Филипа, слуга вошелъ съ маленькимъ подносомъ, на которомъ стоялъ стаканъ жидкаго чаю.

— А кренделей?

— Я спрошу-съ.

Слуга вышелъ и скоро возвратился съ докладомъ, что кренделей нѣтъ, что крендели всѣ вышли.

— Какъ кренделей нѣтъ! — крикнулъ Захарій Эразмовичъ, — а это что за чай? пьфу!... Филипъ гдѣ?

— Барыня послала его куда-то-съ.

— Подай халатъ!... пьфу! это чай!... Гдѣ барыня?

— У себя въ комнатѣ-съ.

Захарій Эразмовичъ, надѣвъ халатъ, отправился въ спальню Степаниды Ивановны.

— Что это такое, сестрица, за гадость чай! помои! кренделей нѣтъ! Филипъ чортъ знаетъ гдѣ!

— Что это какое, братецъ, за дерзость: пришли въ мою спальню въ халатѣ!

— Да я васъ не о томъ спрашиваю въ чемъ я пришелъ, а о чаѣ.

— А я васъ прошу не кричать на меня какъ на служанку, и не ходить сюда въ непристойной одеждѣ! въ халатѣ!

— Да я и безъ халата-то къ вамъ не пойду! Да теперь не о томъ дѣло: я хочу чаю.

— Не десять разъ чай дѣлать: я не имѣю права пропивать на чаю дѣтское имѣнье; да и вы также. Не угодно ли вамъ впередъ приходить пить чай вмѣстѣ съ нами.

— Нѣтъ, не угодно!

— Какъ хотите.

— Да и жить-то не хочу вмѣстѣ съ вами!

— Ваша добрая воля; я выгонять васъ не могу; я очень цѣню ваше благодѣяніе въ отношеніи моихъ дѣтей; но переносить

дерзостей отъ вашихъ слугъ не намѣрена; не допущу и того, чтобъ какой нибудь дармоѣдъ, наушникъ Пафнутьичъ, жилъ въ домѣ и осмѣливался думать, что и онъ что нибудь да значитъ здѣсь!

— Пафнутьичъ не будетъ здѣсь жить, и я не буду!

— Чтожъ дѣлать, братецъ, если вы такъ влюблены въ своего Пафнутьича, что предпочитаете его сестрѣ, то разумѣется намъ нельзя вмѣстѣ ужиться. Но мнѣ желательно знать, чѣмъ вы будете жить?

— Я знаю чѣмъ!

— Впрочемъ, разумѣется, вы имѣете право на часть доходовъ, необходимыхъ для прожитья; кажется седьмая часть.... я вамъ буду доставлять, куда назначите.... Но, признаюсь вамъ, еслибъ вы собственно меня назначили своей наслѣдницей, я бы отказалась отъ вашего дара; а тѣмъ, что принадлежитъ уже дѣтямъ моимъ, къ

несчастью, я не могу располагать, хотя я и мать моихъ дѣтей.... По вашему распоряженію, я управляю обще съ вами ихъ имѣньемъ, и не смотря на то, не могу уже позволить вамъ произвольно здѣсь распоряжаться.

— Чтоо? вы не позволите мнѣ и плюнуть на васъ на всѣхъ?

— Нѣтъ-съ, плевать я не позволю! Прошу меня оставить!

— Ну, такъ чортъ съ вами! — сказалъ Захарій Эразмовичъ въ сердцахъ, выходя изъ комнаты.

— Не со мной, а съ вами чортъ Пафнутьичъ! — крикнула Степанида Ивановна вслѣдъ Захарію Эразмовичу.

Онъ не долго думалъ, нарядился въ свою любимую венгерку, взялъ фуражку и пошелъ.

— Пафнутьичъ! — крикнулъ онъ среди двора. — Эй! Пафнутьича кликнуть!... Пойдемъ, Пафнутьичъ!

— Куда, сударь?

— Куда! ну туда куда! бери шапку!

Пафнутьичъ побѣжалъ за шапкой, и едва догналъ своего барина, который скорыми шагами шелъ по дорогѣ.

— Батюшко баринъ, куда вы?

— Ты видишь куда; иду куда глаза глядятъ.

Больше ничего не могъ добиться слаб еще и истомленный болѣзнію Пафнутьичъ отъ Захарія Эразмовича, который шелъ-себѣ скорымъ шагомъ, куда глаза глядятъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

О томъ, какъ Захарій Эразмовичъ шелъ куда глаза глядятъ, а дѣло шло къ развязкѣ.

Вотъ, ѣдетъ по дорогѣ коляска, а въ коляскѣ сидитъ русскій баринъ; и видитъ этотъ баринъ, что по дорогѣ идетъ скоро, не оглядываясь, какой-то человѣкъ, а за нимъ слѣдомъ, запыхавшись, почти безъ силъ, тащится другой и кричитъ: батюшко баринъ, баринъ батюшко! постойте! Куда вы идете? О, Господи, куда онъ идетъ!

Кому не любопытна такая встрѣча. По пословицѣ: голенькой охъ! а за голенькимъ Богъ.

— Стой! — вскричалъ баринъ, — воротись назадъ, догони вонъ этого человѣка.— Кучеръ поворотилъ назадъ, догналъ Захарія Эразмовича.

— Милостивый государь! а милостивый государь!

— Что? — произнесъ Захарій Эразмовичъ.

— За вами бѣжитъ человѣкъ.

— А! это Пафнутьичъ, — сказалъ Захарій Эразмовичъ, остановясь и оглянувшись назадъ.

— Батюшко баринъ, постойте! — повторялъ Пафнутьичъ, и добравшись наконецъ, сѣлъ на землю и перевелъ духъ.

— Ну, куда вы идете, Богъ съ вами!

— Какъ куда? говорю тебѣ, куда глаза глядятъ.

— Да кудажъ, сударь, безъ денегъ, съ голоду, что ли, умирать на дорогѣ, милостинку, чтоли, просить?

— Да позвольте узнать, милостивый государь, что съ вами случилось?—спросилъ баринъ;—не могу ли я чѣмъ нибудь быть полезнымъ?

— Что случилось! Баба выжила изъ дому!

— Да какъ же это?

— Охъ, сударь, да этого и разсказать не разскажешь!

— Да кудажъ вамъ идти, вправду; садитесь со мной, поѣдемъ ко мнѣ. Разскажите пожалуста; можетъ быть, чѣмъ нибудь могу быть вамъ полезнымъ.

— Пожалуй, поѣдемте, — сказалъ Захаръ Эразмовичъ, — я мочи нѣтъ какъ усталъ.

— Господи, не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ! — проговорилъ Пафнутьичъ, перекрестясь.

— Садись и ты, старикъ, въ коляску.

Сѣлъ въ коляску противъ ихъ Пафнутьичъ; сѣли и поѣхали. А куда, къ кому поѣхали, Богъ ихъ знаетъ.

Когда настало время обѣда, Степанида Ивановна велѣла подавать кушать и сѣла за столъ. Петенька, Ванечка и Дунечка хотѣли было бѣжать въ запуски, кто первый прибѣжитъ къ дяденькѣ сказать, что на столъ подано, но Степанида Ивановна остановила ихъ порывъ, прикрикнувъ: куда! садитесь!

— Къ дяденькѣ сказать, что обѣдъ готовъ.

— И безъ васъ доложутъ.

— Захарія Эразмовича нѣтъ дома-съ,— сказалъ слуга; — они куда-то изволили уйдти, и еще не возвращались.

— Такъ какъ же, душа моя, надо бы его подаждать, — сказалъ Өедоръ Петровичъ.

— Не ваше дѣло дожидаться, — отвѣчала Степанида Ивановна.

— Стало быть онъ сказалъ тебѣ, что не будетъ дома обѣдать?

— Стало быть! — отвѣчала Степанида Ивановна сердито.

— Стало быть онъ поѣхалъ? — спросилъ Өедоръ Петровичъ у слуги.

— Никакъ нѣтъ-съ, изволили пойдти пѣшкомъ.

— Такъ какъ же, душа моя, вѣдь онъ стало быть скоро воротится.

Степанида Ивановна какъ будто не слышала словъ своего мужа.

Послѣ обѣда Өедоръ Петровичъ, по обычаю, легъ соснуть. И Степанида Ивановна любила отдохнуть послѣ обѣда; но

ей не спалось. Долгое отсутствіе Захарія Эразмовича начинало ее безпоикоть. Когда смерклось, она сама вышла спросить, возвратился ли братецъ.

— Никакъ нѣтъ-съ,—отвѣчали ей.

— Куда же онъ пошелъ? одинъ?

— Никакъ нѣтъ-съ, съ Пафнутьемъ Игнатьевичемъ.

— Что за Пафнутій Игнатьевичъ? что за особа такая, величать по имени и отечеству? Чтобъ у меня этихъ почестей не было, слышишь?

Настала ночь; Захарій Эразмовичъ не возвращается. Степанида Ивановна нѣсколько разъ высылала Ѳедора Петровича спросить: возвратился ли братецъ? Но вся дворня принимаетъ въ немъ болѣе участія. Долго перешептывались безпокойно и въ передней и въ людской, наконецъ съ общаго согласія разбѣжались искать его во

всѣ стороны. Степанида Ивановна вышла въ переднюю, чтобъ снова спросить о братцѣ; а въ передней ни души. Это ей труднѣе было перенести, нежели неизвѣстность, куда дѣвался братецъ.

— Гдѣ люди? — крикнула она.

Дунька побѣжала за людьми въ людскую; но и тамъ никого нѣтъ.

— Побѣжали, сударыня, искать барина.

— Безъ приказанія! безъ позволенія! Это ужасъ, ужасъ! — кричала Степанида Ивановна, расходясь, и прогнала Ѳедора Петровича искать людей.

Поиски Захарія Эразмовича были тщетны. Во дворѣ и въ деревнѣ скорбь по немъ; а Степаниду Ивановну не долго безпокоила эта пропажа. Она занялась вполнѣ управленіемъ дѣтскаго имѣнія и постановкой дома на приличную ногу. Все закрехтѣло. И что за великая боярыня

стала Степанида Ивановна! что за знатность, что за спѣсь! Маленькимъ людямъ приступу нѣтъ; не только вся дворня, но и мужъ ходитъ по стрункѣ. Когда стала она приводить въ порядокъ гостиную и разставлять снова прибранный къ рукамъ фарфоръ, тогда насталъ и страшный судъ для Петеньки, Ванечки и Дунечки за разбитыя вещи, за раздробленные члены Минервы, Венеры, амуровъ, маркизъ и пастушекъ.

— Это кто разбилъ? а?... а! не ты, это не ты разбилъ?... и не ты?... и не ты?...

Расходясь отъ сожалѣнія къ увѣчнымъ статуйкамъ, Степанида Ивановна чуть-чуть не изувѣчила дѣтей.

Прошло довольно времени; Степанида Ивановна успѣла составить почетный кругъ знакомства, и наконецъ рѣшилась дать въ день своихъ имянинъ обѣденный столъ и пышный балъ. Но такъ какъ его необхо-

димо было, по ея мнѣнію, прикрасить хотя двумя или тремя превосходительствами, то Степанида Ивановна озаботилась развѣдать, гдѣ живутъ необходимые для ея бала чины, какихъ они свойствъ, какихъ качествъ, съ какими наклонностями и прочее. Потомъ отправилась къ нимъ заводить знакомство. Вопервыхъ поѣхала къ его превосходительству Кирилѣ Яковлевичу, древнему старцу, который ровно полвѣка изучалъ теорію садоводства, отъ воздушныхъ вавилонскихъ садовъ, висячихъ *араи* персидскихъ, римскихъ horti pensiles, до симметрическихъ французскихъ, огородныхъ нѣмецкихъ и парковъ англійскихъ. Сначала уничтожилъ онъ запущенный глухой прародительскій садъ и сдѣлалъ изъ него французкій модный jardin, съ правильными алеями безплодныхъ стриженыхъ и бритыхъ деревьевъ, съ павильонами, съ бесѣдками. Но мода на jardin прошла, заговорили о паркахъ, —

франтовскую симметрію по-боку, — надо создавать паркъ, природу *аплике*: копать пруды, воздвигать горы, строить развалины, громоздить скалы, дѣлать водопады, подземные *пагоды* индѣйскіе, надземные храмы греческіе съ болванами Венеры и Цереры, проводить дороги и воды, садить взрослыя деревья, и на все это деньги и деньги, время и трудъ. Положивъ такимъ образомъ въ землю весь свой капиталъ, доходы настоящіе и будущіе, онъ наставилъ, какъ будто въ память ему, въ разныхъ мѣстахъ парка, надгробія: обелиски, пирамиды и слезныя урны: и деньги плакались и люди плакались.

Степанида Ивановна, пріѣхавъ къ нему, велѣла доложить, что имѣетъ крайнюю нужду.

— Чѣмъ могу вамъ, сударыня, служить? Покорно прошу садиться.

— Извините, ваше превосходительство,

что побезпокоила васъ; я къ вамъ за совѣтомъ; я столько слышала о вашемъ познанiи въ садоводствѣ; у васъ, говорятъ, чудеса. Не утерпѣла: я такая охотница до садовъ, прiѣхала посмотрѣть; хочу сама разводить; да чтожъ вѣдь я женщина, опытности не имѣю.

— Покорно просимъ, очень радъ. Надо правду сказать, у меня образецъ садамъ, прiобрѣлъ маленькую извѣстность, положилъ много денегъ. Ну, въ сорокъ лѣтъ; можно понабраться опытности. За то хорошъ; хотя, надо правду сказать, здѣсь нѣтъ совсѣмъ знатоковъ.... покорно просимъ, сами увидите.

Кирило Яковлевичъ повелъ Степаниду Ивановну въ свой паркъ, и началъ толковать ей на каждомъ шагу, что̀ искони было на этомъ мѣстѣ, что̀ было потóмъ, и что̀ наконецъ онъ рѣшился сдѣлать.

— Вотъ, изволите видѣть, — говорилъ онъ, показывая на лугъ передъ домомъ

съ увядшей липой посрединѣ, — это называется *плежуръ-граунтъ;* тутъ былъ прежде цвѣтникъ; а гдѣ теперь стоитъ дерево, тутъ стояли три граціи....

— Зачѣмъ же это, ваше превосходительство, цвѣтникъ-то вы уничтожили? вѣдь оно очень хорошо цвѣты передъ домомъ: всегда пріятный запахъ.

— Хмъ! вы, сударыня, охотницы до цвѣтовъ; ну, оставьте у себя передъ окнами маленькой цвѣтничокъ, а ужъ плежуръ-граунтъ необходимъ; надо, чтобъ передъ домомъ мѣсто было открыто; а ничто лучше не открываетъ его, какъ плежуръ-граунтъ.... Ну-съ, отсюда начинается зигзагъ.

— Господи, какими *вавилонами* идетъ дорога!

— То-то и есть; а вамъ чай нравится прямая аллея? никуда не годится! у меня здѣсь и была прямая аллея, и надо правду

сказать, чудная аллея, въ видѣ галлереи съ колоннадой; и вела она къ *храму стыдливости*, на мѣстѣ котораго теперь, между двумя скалами, водопадъ и надъ нимъ *чортовъ мостъ*....

— Чортовъ мостъ? ахъ, позвольте посмотрѣть! мнѣ мужъ чудеса разсказывалъ про него.

— Неужели? стало быть мы сослуживцы съ вашимъ мужемъ? Какъ бы я желалъ съ нимъ познакомиться.

— Такъ позвольте воспользоваться случаемъ, и просить васъ сдѣлать мнѣ честь, пожаловать ко мнѣ на балъ, двадцатаго числа. Я вамъ представлю мужа; онъ бы предупредилъ самъ ваше превосходительство, но ступить на ногу не можетъ.

— О-хо, хо, хорошо что еще нòги вынесъ. Служба съ Суворовымъ *не то что теперь*. Очень радъ, буду, непремѣн-

но буду. Кстати любопытно видѣть мѣстоположеніе вашего сада и какъ вы хотите все устроить. Совѣтъ мой будетъ не лишній.

Степанида Ивановна должна была выходить весь паркъ, выслушать всю исторію преобразованій сада, удивляться, ахать и увѣрять, что она непремѣнно построитъ и у себя въ саду и эрмитажъ и готическую башню, и необитаемый островъ посреди озера, и заведетъ лебедей, и прочее и прочее.

Взявъ честное слово съ Кирилы Яковлевича, что онъ не преминетъ быть у нея на балу, Степанида Ивановна отправилась, утомленная, домой, а на другой день, собравшись съ новыми силами, пустилась въ путь къ другому ихъ превосходительству, который славился въ уѣздѣ великимъ познаніемъ агрономіи.

Въ сельской жизни, не то что въ городской. Въ русской сельской жизни,

то только и балъ, когда приглашается весь уѣздъ. Жить открыто въ городѣ—необходимо быть знакомымъ со всею знатью города; жить открыто въ помѣстьѣ—знаться со всею знатью уѣзда. Въ городѣ можно угостить затянутый желудокъ полчашкой чаю и *англійской соломкой*; но въ уѣздѣ пріѣзжаютъ на балъ съ отверстымъ желудкомъ, который послѣ переѣзда нѣсколькихъ десятковъ и иногда сотни верстъ, требуетъ пополненія понесеннаго убытка во время дорóги. Въ городѣ пріѣзжаютъ гости на легкѣ, потолкаться безъ толку, прошушукать нѣсколько словъ, пройти по залѣ павой или гоголемъ, позѣвать про себя и потомъ, не сказавъ ни здравствуй, ни прощай, уѣхать домой зѣвать вдоволь отъ запустѣнія въ душѣ и въ желудкѣ. Но въ уѣздѣ гости пріѣзжаютъ во истинну погостить: потѣшиться въ волю, покушать въ мочь, переговорить о житьѣ-бытьѣ, наконецъ въ полномъ довольствіи

раскланяться, распроститься и ѣхать домой съ запасомъ какой-то сытости душевной и тѣлесной.

Наблюдая всѣ эти условія и требованія сельскаго угощенія, Степанида Ивановна за нѣсколько дней призвала къ себѣ повара.

— Послушай, къ моему рожденью надо изготовить французскій столъ.

— Слушаю, сударыня.

— Да ты умѣешь ли готовить французскій столъ?

— Какъ же сударыня, пять лѣтъ былъ въ наукѣ; покойный баринъ не изволилъ кушать простаго стола.

— Ну, чтожъ ты изготовишь?

— Что прикажете, все изготовлю.

— Ну, да что именно, я хочу знать?

— Можно супъ *а лятортю-съ*, изъ телячей головки.

— Терпѣть не могу! какой нибудь другой супъ.

— Такъ супъ *потафэ*-съ.

Степанидѣ Ивановнѣ никакъ не хотѣлось унизить себя передъ поваромъ незнаніемъ французскихъ блюдъ, и потому она сказала: ну, потафэ, хорошо, далѣе что?

— Пирожное *птипате*-съ.

— Ну?

— На холодное пойдетъ телятина подъ *бешемилью*.

— Телятина?... Ну?

— Вмѣсто соуса судакъ по-голландски.

— Какъ вмѣсто соуса? Это пустяки, безъ соуса нельзя.

— Коли не прикажете судака, такъ можно пустить филеи изъ рябчиковъ, на *хрустатикахъ*, съ сладкимъ мясомъ и съ

труфелями; а ужь если его не угодно, такъ....

— Нѣтъ, съ труфелями, непремѣнно съ труфелями.

— На мѣсто *легюма*, молодой картофель *а ля метръ-дотель.*

— Ну ужь этотъ картофель! нѣмецкое кушанье!

— Такъ вмѣсто спаржи сладкіе коренья съ *сабаеномъ*. Жаркое — индѣйки и каплуны, а пирожное слѣдуетъ *пломбиръ* съ марципанами.

— Помилуй, батюшка! съ марципанами! всякая кухарка умѣетъ дѣлать марципаны. Лучше *бламанже*, да и это что-то обыкновенно.

— Пожалуй, если угодно, можно изготовить *патиша*.

— Вотъ это дѣло другое. Холодное-то мнѣ не нравится: просто телятина.

— Какъ просто, сударыня? подъ бешемилью.

— Да подъ чѣмъ бы ни было, все телятина.

— Такъ можно пустить котлеты подъ *финзертомъ*.

— Скажи-ко сначала!

— Супъ *потафэ*-съ, пирожки *птипатэ*-съ, на холодное пойдетъ *фрикандо*-съ, соусъ *филэ*-съ изъ рябчиковъ на *хрустатикахъ*, вмѣсто спаржи коренья-съ, жаркое ужь извѣстно-съ, а ужь пирожное позвольте сдѣлать кондитерскую *кисею батистомъ*; ужь даликатнѣе ничего не можетъ быть-съ.

— Хорошо; какую жъ провизію на все это надо?

Когда поваръ принялся высчитывать провизію, Степанида Инановна начала торговаться: Помилуй, батюшко, куда это тебѣ, столько того, сего другаго и про-

чаго. Но повара въ подобное время *обѣденныхъ столовъ* крѣпко стоятъ на своемъ. Какъ ни сердилась Степанида Ивановна на повара, онъ все свалилъ на французскую кухню.

Цѣлая недѣля прошла въ хлопотахъ приготовленій къ великолѣпію. Насталъ торжественный день рожденія Степениды Ивановны, все готово къ пріему гостей, все разряжено, все прилажено; люди въ ливреяхъ, столъ накрытъ съ позаранку, въ буфетѣ стоитъ посуда дюжинами, бутылки рядами, стекло на подносахъ, въ дѣвичей приборы чайные; но все съѣдобное: бѣлый хлѣбъ, сухари, закуска, десертъ, на столахъ въ спальнѣ, подъ салфетками отъ мухъ, подъ замкомъ отъ людей.

Начался съѣздъ. Степанида Ивановна не успѣетъ высказать своего удовольствія, отрекомендовать мужа и дѣтей однимъ, ѣдутъ другіе; не успѣетъ усадить другихъ, ѣдетъ еще ватага. Наконецъ гости

съѣхались, въ ожиданіи их превосходительствъ заняты разсыпавшейся хозяйкой. Но вотъ и ихъ превосходительства. Вотъ разносятъ закуску, идутъ за столъ, садятся. По старому обычаю хозяйка сама разливаетъ вышереченный супъ pôt à feu. Ѳедоръ Петровичъ самъ ходитъ вокругъ стола и разливаетъ вина; и фрикандо, и рябчики на хрустатикахъ уже въ распоряженіи желудка. Вдругъ динь, динь, динь, кто-то ѣдетъ, подъѣзжаетъ къ крыльцу.

— Господи, кого это Богъ несетъ! — думаетъ Степанида Ивановна,—вотъ, кстати, подъ конецъ обѣда!

— Какіе-то приказные изъ суда-съ,— доложилъ человѣкъ.

— Скажи, что я обѣдаю!

Человѣкъ пошелъ и скоро возвратился.

— Они, сударыня, говорятъ, что не къ вамъ пріѣхали, а къ самому помѣщику За-

харію Эразмовичу Потанину; я докладывалъ, что дескать, здѣсь сама барыня, а помѣщика нѣтъ; такъ они говорятъ: врешь ты; а я сказалъ: какъ угодно, я барынѣ доложу.

— Скажи же имъ, что здѣсь помѣщики малолѣтные Угорѣловы, а не Потанинъ.

— Слушаю-съ.

— Это удивительный народъ! Я увѣренъ: они пронюхали, что здѣсь пахнетъ вкусно, и пріѣхали какъ будто по дѣлу, чтобъ и ихъ пригласили за столъ.

— Этого они не дождутся, — отвѣчала Степанида Ивановна.

— Это значитъ: милости просимъ мимо двора щей хлѣбать, — прибавилъ одинъ изъ гостей.

Всѣ захохотали, а между тѣмъ лакей возвратился.

— Они, сударыня, говорятъ, — сказалъ

онъ, — что имъ непремѣнно нужно видѣть самого помѣщика, по какому-то важному дѣлу.

— Ха, ха, ха! вотъ видите ли, они за дѣломъ пріѣхали!

— Ты сказалъ имъ кто здѣсь помѣщики?—спросила съ сердцемъ Степанида Ивановна.

— А какъ же, сударыня, я сказалъ, что здѣсь вы помѣщики, а не Захарій Герасимовичъ; а они въ глаза мнѣ засмѣялись, да говорятъ: это шутки, любезный!

— Они вѣрно ужь позавтракали, —замѣтилъ одинъ изъ гостей.

Старая острота взяла свое, всѣ снова захохотали.

— Поди же скажи, что здѣсь нѣтъ прежняго помѣщика Захарія Герасимовича, и чтобъ они отправились куда хотятъ искать его.

— Слушаю-съ!

— Какая дерзость!

— Чтожъ удивительнаго: пріѣхать въ гости и не солоно хлѣбать.

— Ха, ха, ха, ха!

— Велите имъ дать хоть закусить.

— Да вѣдь они ужь позавтракали.

— Ха, ха, ха, ха!

— Ну?

— Сказалъ, сударыня.

— Чтожъ они, отправились?

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Чтожъ имъ еще нужно?

— Да Богъ ихъ знаетъ, они все на своемъ стоятъ, что здѣсь помѣщикъ Захаръ Герасимовичъ.

— Өедоръ Петровичъ, выйди самъ! — сказала Степанида Ивановна.

— Я ихъ турну! — сказалъ Өедоръ

Петровичъ, вставая изъ-за стола и выходя въ переднюю. — Позвольте спросить, что вамъ угодно?

— Вы, господинъ Потанинъ, помѣщикъ этого имѣнья?

— Нѣтъ-съ, я капитанъ Угорѣловъ.

— Такъ намъ нужно Г. Потанина; позвольте узнать, гдѣ онъ?

— Неизвѣстно гдѣ.

— Странно!

— Такъ стало быть кончено; прощайте господа.

— Нѣтъ, не кончено; мы должны наложить секвестръ на имѣнье до возвращенія законнаго помѣщика, и описать все движимое и недвижимое.

— Это что значитъ?

— Мы имѣемъ на то предписаніе.

Ѳедоръ Петровичъ поблѣднѣлъ, вызвалъ Степаниду Ивановну.

— Пріѣхали описыватъ имѣніе, душа моя,—сказалъ онъ ей.

— Позвольте узнать, что за притязанія такія? — вскричала она выбѣжавъ въ переднюю; — что вамъ угодно? Здѣсь владѣльцы мои дѣти; братъ мой передалъ имъ имѣнье.

— Но въ документахъ такая ошибка, которая не можетъ остаться безъ изслѣдованія.

— Какая ошибка? позвольте узнать, что за ошибка? откуда ошибка? гдѣ вы взяли ошибку? Понимаю я эту ошибку! да здѣсь взятки гладки! не думайте, чтобъ я это такъ оставила! У меня здѣсь довольно свидѣтелей.

— Тѣмъ лучше для насъ.

— Ваше превосходительство, Кирило Яковлевичъ, Иванъ Сергѣевичъ! сдѣлайте одолженіе, пожалуйте сюда.

Всѣ гости повскакали изъ-за стола; Кирило Яковлевичъ первый явился съ вопросамъ: что такое? что такое?

— Извольте посмотрѣтъ, съ какими дѣлами пріѣхали!

— Помилуйте, господа, это стыдно! вы нарушаете общее спокойствіе!

— Извините, мы и не думали; намъ нуженъ помѣщикъ имѣнія, Г. Потанинъ, мы должны спросить о дѣйствительности актовъ, которые онъ совершилъ въ пользу малолѣтныхъ своихъ племянниковъ.

— Да къ чему это?

— Въ актакъ очень важная ошибка, и потому они недѣйствительны.

— Что за ошибка? какая ошибка? — снова крикнула Степанида Ивановна;—позвольте, я принесу свои, я на ваши не положусь! — И она отправилась за документами.

— Извольте читать, ваше превосходительство: вмѣсто я нижеподписавшійся Захарій Эразмовъ сынъ Потанинъ, подписано: Емельянъ Герасимовъ сынъ Потанинъ.

— Да, да, да! это сомнительно.

— Извольте, извольте читать, — сказала и Степанида Ивановна, подавая гербовый листъ Кирилѣ Яковлевичу.

Кирило Яковлевичъ прочелъ начало и подпись, и сказалъ:

— И здѣсь тоже самое.

— Вотъ видите ли, тоже самое; какую же ошибку вы сочинили? Хмъ! я понимаю, въ чѣмъ состоитъ дѣло.

— Дѣйствительно, Степанида Ивановна, тутъ ошибка важная, — сказалъ Кирило Яковлевичъ.

— Описка какая нибудь? гдѣ?

— А вотъ, въ подписи.

— Ну, что такое?

— А вотъ карякулями написано: Емельянъ Герасимовъ сынъ Потанинъ.

— Чтожъ за бѣда, что карякулями? Братецъ воспитывался въ Италіи, худо по русски пишетъ, вотъ и все; а рука его.

— Какъ рука его; вѣдь братца вашего зовутъ Захарій Эразмовичъ?

— Ну, зовутъ.

— Да какъ зовутъ? Захарій Эразмовичъ?

— Ну, Захарій Эразмовичъ.

— А здѣсь подписано: Емельянъ Герасимовичъ.

— Ахъ, Боже мой! — проговорила поблѣднѣвъ Степанида Ивановна, — что это онъ, съ ума сошелъ!... Ну, ошибка; да не все ли ровно: вѣдь подписывался онъ, фамилія его.

— Какъ все равно, Степанида Ивановна! Захарій и Емельянъ — все равно?

Можетъ быть, они родные братья; да вѣдь одинъ за другаго подписываться не могутъ.

— Какой братъ Емельянъ подписывалъ, господа; что вы это говорите! онъ самъ подписывалъ, да вѣрно написалъ свое имя по-итальянски.

— Нѣтъ-съ, тутъ по-русски написано, — сказалъ чиновникъ.

— Не можетъ быть, чтобъ по-русски!... Ахъ, Боже мой, да вѣдь у него въ самомъ дѣлѣ два имени: я теперь припомнила; именно! мнѣ еще объ этомъ писала Ѳекла Савишна!...

— Все это должно быть объяснено-съ; а объяснить это можетъ только онъ самъ.

— Гдѣжъ мнѣ искать его! онъ вдругъ исчезъ, и ни слуху ни духу объ немъ; можетъ быть и умеръ.

— Въ такомъ случаѣ мы должны приступить къ описанію имѣнья.

— Нѣтъ, нѣтъ, я не позволю! я пошлю искать его! Эй! гдѣ Филипъ?...

— На скотномъ дворѣ въ колодкѣ, сударыня.

— Ахъ, да, за грубость; снять колодки; привести его. Постой! жена Пафнутьича тутъ еще?

— Не могу знать-съ; ей давно сказано, чтобъ выбиралась; да кажется, что живетъ еще на деревнѣ.

— Скажите пожалоста! а кто ей позволилъ? Кудажъ вы, Кирило Яковлевичъ?

— Да вотъ покуда пройдусь по саду, посмотрю мѣстоположеніе и что̀ можно изъ него сдѣлать.

— Не уѣзжайте пожалуста; я женщина: меня пожалуй оберутъ до нитки, ограбятъ!

Но какъ ни упрашивала гостей Степанида Ивановна, гости, изъ опасенія, чтобъ

не попасть въ свидѣтели, не дожидаясь кондитерской *кисеи батистомъ* и бала, понемногу убирались. Кирило Яковлавичъ такъ же изъ сада прошелъ осмотрѣть конюшню, велѣлъ запрягать, сѣлъ и поѣхалъ. По дорогѣ заѣхалъ онъ къ старому знакомцу своему, Артамону Матвѣевичу, которому въ теченіи года не отдалъ еще визита. Артамонъ Матвѣевичъ обрадовался ему, представилъ свою Вареньку.

— Какъ выросла! и узнать нельзя; да давно ли, кажется? лѣтъ съ восемь не больше не видались.

— Восемь лѣтъ, шутка!—сказалъ Артамонъ Матвѣевичъ, — въ эти восемь лѣтъ много воды утекло, муки перемололось: французы погостили въ Москвѣ, а мы въ Парижѣ.

— Да, да!

— Прямо отъ себя, Кирило Яковлевичъ?

— Не совсѣмъ. Какой казусъ: зоветъ меня сосѣдка твоя Угорѣлова къ себѣ на обѣдъ; вотъ я и поѣхалъ, съ тѣмъ чтобъ послѣ обѣда къ тебѣ. Сѣли за столъ, вдругъ прiѣзжаютъ приказные, требуютъ видѣть помѣщика Захара Эразмовича Потанина. Имъ говорятъ, что его нѣтъ; что онъ имѣнье свое передалъ племянникамъ....

— Да, странный человѣкъ! передалъ все имѣнье и скрылся. Тутъ я однакожъ подозрѣваю.... тутъ что нибудь да есть....

Варенька встала и вышла изъ гостиной.

— Куда же, куда, Варвара Артамоновна?

— Оставь; между нами сказать, это и до нее касается. Потанинъ былъ почти сговоренъ съ ней....

— Неужели?

— Да. Бѣжать отъ имѣнья и невѣсты, согласись, невозможно; я подозрѣваю.... что нибудь да нетакъ. Варя просто убита; не знаю, чѣмъ утѣшить ее.

— Хмъ! именно что нибудь, да не такъ. Онъ или съ ума сошелъ, или его насильно заставили отказать имѣнье племянникамъ. Приказные пріѣхали на слѣдствіе, потому, что документы совершены на его имя, а въ подписи значится вмѣсто Захарія Эразмовича, Емельянъ Герасимовичъ.

— Что ты говоришь?

— Самъ видѣлъ.

— Да это просто чудеса! Емельянъ?

— Емельянъ.

— Ну, ужь теперь меня никто не увѣритъ, чтобъ это не былъ Еменьянъ, — сказалъ Артамонъ Матвѣевичъ, вставъ съ мѣста и заходивъ по комнатѣ.

— Такъ стало быть это не онъ?

— Какъ не онъ?

— Не сынъ Потанина?

— А Богъ его знаетъ, право я не понимаю; это просто чудеса!

Я самъ думаю, что тутъ что нибудь да не такъ, — сказалъ Кирило Яковлевичъ.

Явились слуги съ салфеткой, съ чайнымъ приборомъ и самоваромъ; вошла Варенька, стала разливать чай, и разговоръ о метаморфозѣ Емельяна Герасимовича прервался.

Послѣ чаю Кирило Яковлевичъ поторопился домой, чтобъ не запоздать.

— Варя, — сказалъ Артамонъ Матвѣевичъ, по отъѣздѣ его, — вѣдь тебѣ извѣстно было, что сынъ Эразма Львовича есть именно тотъ Емельянъ, который воспитывался у покойной сестры Натальи Дмитріевны?

Варенька смутилась.

— Для чегожъ ты мнѣ не сознавалась? а?

— Я вамъ говорила, папинька.

— Когда? когда, ну когда говорила?... Ахъ вы дѣвки!... Пошла!

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Разныя приключенія, составляющія заключеніе.

Если читателямъ столько же нужно знать, какъ и Степанидѣ Ивановнѣ, гдѣ обрѣтается Емельянъ или Захарій Эразмовичъ, то мы его отыщемъ: будемъ только слѣдить за Ѳедоромъ Петровичемъ, которому поручено выкрасть его изъ подъ надзора Пафнутьича, и во что бы то ни стало привезти домой.

Вотъ Ѳедоръ Петровичъ въ коляскѣ четверкой ѣдетъ прямо на одну изъ мо-

сковскихъ дачь, останавливается въ крестьянской избѣ, и какъ важная особа, путешествующая инкогнито велитъ двумъ слугамъ и кучеру никому не говорить, что пріѣхалъ отставной капитанъ Ѳедоръ Петровичъ Угорѣловъ.

— Вы, говоритъ, не говорите здѣсь никому кто я такой, слышите?

— Слышимъ-съ; а если кто спроситъ, такъ какъ же говорить прикажете?

— Ну, говорите, что пріѣхалъ или ѣдетъ проѣздомъ какой нибудь богатый помѣщикъ.

Когда стало смеркаться, Ѳедоръ Петровичъ накинулъ на себя плащь и отправился вдоль по улицѣ.

— А что, любезный, здѣсь живетъ Иванъ Александровичъ Каширской?

— Здѣсь-съ.

— Скажи пожалоста, у него въ домѣ

живетъ помѣщикъ Захарій Эразмовичъ Потанинъ?

— Простакъ-то, у котораго имѣнье отняли?

— Да, да, — сказалъ смутясь немного Ѳедоръ Петровичъ.

— Самого-то его здѣсь нѣтъ, а здѣсь слуга его Пафнутьичъ. Самъ-то онъ, по большей части, гоститъ въ Свирловѣ у Степана Лукича Субьектова. Такой чудакъ. Здѣсь только баринъ съ барыней, — шутить не любятъ; а какъ пріѣдутъ барышни, дочь Степана Лукича, Любовь Степановна, да племянницы его, увезутъ съ собой, да ужь и гуляютъ надъ нимъ. Начнутъ комедіи строить, нарядятся сами и его нарядятъ; запрягутъ въ тележку да и ѣздятъ на немъ. А онъ и ничего; такой добрякъ. А вамъ, сударь, зачѣмъ его нужно?

— Да такъ нужно видѣть.... письмо къ нему.

— Можно отдать слугѣ его Пафнутьичу. Я сейчасъ, сударь его позову.

— Нѣтъ, нѣтъ, не нужно, мнѣ надо его самого видѣть.

— Такъ извольте ѣхать въ Свирлово.

Ѳедоръ Петровичъ отправился въ Свирлово, остановился въ деревнѣ, повторилъ приказъ, разспросилъ, гдѣ живетъ Субьектовъ, выкурилъ сто трубокъ, въ ожиданіи вечера, и снова накинулъ на себя плащь и отправился таинственнымъ лицомъ бродить по рощѣ около дома, въ ожиданіи случая встрѣтить Захарія Эразмовича одного. На балконѣ замѣтилъ онъ дѣвушку, которая показалась ему очень хороша. Дѣвушка также обратила вниманіе на таинственное лицо, которое прохаживается взадъ и впередъ около дома и посматриваетъ на нее. Ѳедоръ Петровичъ припомнилъ свою холостую жизнь, прошелъ разъ, другой, третій, пятый, деся-

тый — какъ ни взлянетъ, черные глаза устремлены на него.

— Ахъ, канальство! — думаетъ онъ; остановится за деревомъ и смотритъ сквозь вѣтви на дѣвушку, которая, усиливъ зрѣніе лорнетомъ, выжидаетъ его появленія изъ-за угла сада и, кажется, ужасно какъ любопытствуетъ узнать, кто это такой?

Только что Өедоръ Петровичъ изъ-за угла, она опуститъ лорнетъ; онъ за уголъ — лорнетъ поднятъ.

— Постой, что изъ этого будетъ?--думаетъ Өедоръ Петровичъ и стоитъ за угломъ, смотритъ скозь дерево. Вотъ она вскочила, исчезла. Өедоръ Петровичъ ждетъ, не выйдетъ ли опять. Вдругъ за рѣшеткой сада, почти подлѣ него, раздалось очаровательное курныканье. У Өедора Петровича вздрогнуло сердце отъ ужаса: *О ты, съ который нѣтъ сравненья*, идетъ по дорожкѣ, щиплетъ губками ро-

зу и посматриваетъ въ ту сторону, гдѣ стоитъ таинственное лицо.

— Спрошу ее,—думаетъ Ѳедоръ Петровичъ, — не здѣсь ли живетъ Захарій Эразмовичъ?... нѣтъ, не ловко: въ первый разъ видишь барышню и вдругъ черезъ заборъ начать съ ней разговоръ....

Въ этихъ мысляхъ Ѳедоръ Петровичъ отретировался отъ рѣшетки сада на благородную дистанцію и сталъ прохаживаться, посматривая издали на дѣву любви.

Между тѣмъ совершенно смерклось, зрѣніе стало неспособно къ созерцанію, и Ѳедоръ Петровичъ, пройдя еще раза три около сада и балкона, возвратился домой, съ напечатлѣннымъ на сердцѣ образомъ *чудо что такое!* У него вышли изъ головы и Захарій Эразмовичъ и Степанида Ивановна, и все время, проведенное въ супружествѣ. Съ трубкой въ зубахъ онъ залегъ мечтать; передъ нимъ носились то балконъ съ дѣвой, то садъ съ дѣвой, то

весь домъ, то одна дѣва на воздухѣ, въ вѝдѣ спущеннаго шара. Мечта перешла въ усыпленіе, и Ѳедоръ Петровичъ изо всѣхъ силъ тянетъ въ себя дымъ изъ трубки, надувается, чтобъ и самому полетѣть шаромъ за дѣвой; но никакъ не летитъ: что за причина? думаетъ онъ, оглядываясь назадъ, а Степанида Ивановна держитъ его сзади за полу.

— Позвольте-съ! — говоритъ онъ ей.

— Куда-съ? — спрашиваетъ она его.

— Какъ куда-съ? вы видите, что дѣва выступила въ походъ, и мнѣ должно слѣдовать за ней по приказанію вышняго начальства.... позвольте-съ!

— Нѣтъ, не позволю-съ!

— Чтожъ вамъ угодно, чтобъ меня посадили подъ арестъ, отдали подъ судъ, выключили изъ службы?

— Ну чтожъ, дуракомъ меньше въ службѣ!

— Какъ-съ? я дуракъ?..

— Да-съ, дуракъ.

— А вы зачѣмъ влюбились въ дурака, зачѣмъ выходили замужъ?

Такимъ образомъ въ продолженіи всей ночи Ѳедоръ Петровичъ ссорился съ супругой своей, и дѣло доходило уже до драки; проснулся въ совершенномъ изнеможеніи, крикнулъ: трубку! выкурилъ въ довольствіи, что все это было во снѣ, снова заснулъ и проспалъ далеко за полдень.

Между тѣмъ кучеръ Кузьма смазывалъ колесы у стоящей на улицѣ подлѣ избы коляски; а лакеи Яшка и Гришка сидѣли на завалинкѣ и разсуждали, что за причина такая, что Ѳедоръ Петровичъ пріѣхалъ *сюда* и не велѣлъ сказывать своего имени.

— Скажите пожалоста, кто это такой пріѣхалъ?— спросила горничная дѣвушка, какъ будто выскочившая изъ-подъ земли.

— Кто пріѣхалъ? а на что тебѣ, сударыня? — спросилъ Яшка.

— Такъ, хочется знать.

— Какая бравая сударка! — сказалъ Гришка.

— Охъ ты, сударикъ! Да скажи же скорѣе, мнѣ нѣкогда.

— Сказать? ужь развѣ для тебя. Вотъ видишь: слуги мы княжескіе, а пріѣхали съ княземъ князевичемъ, Иваномъ Царевичемъ, изъ-за тридевяти земель въ тридесятое царство. Здѣсь, говорятъ, у васъ водится въ саду жаръ-птица.

— Охъ ты! да скажи пожалоста!

— — Говорятъ тебѣ: мы слуги княжескіе, пріѣхали изъ-за тридевяти земель въ тридесятое царство.

— А какъ фамилія князя?

— Догадывайся сама.

Болѣе ничего не добилась горничная

дѣвушка отъ Яшки и Гришки, и побѣжала съ собранными свѣденіями къ дачѣ, занимаемой Г. Субьектовымъ.

Ввечеру Ѳедоръ Петровичъ надѣлъ венгерку, сверхъ венгерки накинулъ плащь, едва на плеча, подобралъ полы такъ, чтобъ вся грудь, изшитая снурками, была видна, фуражку на бекрень, и пошелъ козыремъ не искать уже случая встрѣтить Захарія Эразмовича, но просто записнымъ волокитой подъ окнами, подъ балконами, подъ заборами. И балконъ и садъ снова полны очарованія. Ѳедоръ Петровичъ убѣдился, что прекрасная дѣва влюблена въ него безъ памяти, не сводитъ глазъ, вздыхаетъ и напѣваетъ: *скажи, кто ты, плѣнитель безъимянный*?

— Подойти или нѣтъ? — думаетъ Ѳедоръ Петровичъ, — спросить или нѣтъ, не здѣсь ли Захарій Эразмовичъ? — нѣтъ, неловко спрашивать: она подумаетъ, что я не

для нее хожу. Чтожъ бы у нее спросить?... или начать просто разговоръ, безъ церемоній, по военному?... разъ, два, три! ну!

Ѳедоръ Петровичъ подошелъ къ рѣшеткѣ, снялъ фуражку.

— Позвольте мнѣ просить васъ подарить мнѣ этотъ розанчикъ.

— Зачѣмъ онъ вамъ?

— Такъ-съ; мнѣ его жаль.... вы его изщипали.... я его буду беречь.

— Извольте! — сказала дѣва.

— Любовь Степановна! а Любовь Степановна!

Любовь Степановна взрогнула, отскочила отъ рѣшетки сада; Ѳедоръ Петровичъ также съ испугомъ бросился въ сторону. Онъ узналъ Захарія Эразмовича по голосу.

— Любовь Степановна, что вы тутъ дѣлаете? послушайте-ко, — раздался снова голосъ Захарія Эразмовича.

— Ахъ, подите вы прочь!

— Какъ подите прочь! «люблю тебя, дышу тобой, женихъ, женихъ»; а теперь подите прочь?

— Ступайете прочь; я теперь не расположена шутить съ вами!

— Я вижу, что вы, Любенька, сердитесь на меня, да чтожъ дѣлать! Я не то что не хочу на васъ жениться, я пожалуй бы и женился, ей Богу! я знаю, что вы безъ памяти въ меня влюблены, да не могу.... Экая какая! ушла!

И Захарій Эразмовичъ отправился вслѣдъ за Любовью Степановной въ домъ.

— Любовь Степановна!

— Пошелъ прочь, дуракъ! — вскричала она на него.

— Что съ тобой, Любенька? — спросила ее мать.

Но Любенька, не отвѣчая матери, ушла въ другія комнаты.

— Что ты сдѣлалъ ей, Захарій Эразмовичъ?

— Что сдѣлалъ? а вотъ что сдѣлалъ: Любенька влюбилась въ меня.

— Неужели? скажи пожалоста!

— Да это еще ничего: все просила меня, чтобъ я сталъ передъ ней на колѣни и объяснился въ любви. Помилуйте, Любенька, говорилъ я ей, какъ можно мнѣ становиться передъ вами на колѣни, вѣдь у меня ничего нѣтъ за душой, кромѣ Пафнутьича; я все имѣнье племянникамъ отдалъ, да и у васъ ничего нѣтъ кромѣ папиньки и маминьки; такъ чтожъ намъ дѣлать. — Нѣтъ, говоритъ, становитесь на колѣни, или я умру! — Ну, я подумаю, сказалъ я. Подумалъ, да и сказалъ, что право не могу; она и разсердилась.

Марья Ивановна расхохоталась надъ разсказомъ Захарія Эразмовича.

— Ну, какъ хочешь, Захарій Эразмо-

вичъ, — сказала она, — ты свелъ съ ума Любеньку, поправляй дѣло какъ знаешь.

— Что тутъ такое? — спросилъ Степанъ Лукичъ, входя изъ другой комнаты; — о чемъ дѣло идетъ?

— Да вотъ, Захарій Эразмовичъ свелъ съ ума Любеньку; а теперь какъ дѣло идетъ къ развязкѣ, такъ онъ и на попятный дворъ.

— Неужели? ай, ай, ай! Это, братъ, стыдно!

— Чтожъ, я пожалуй и женюсь на ней, а послѣ что? — сказалъ Захарій Эразмовичъ.

— Вотъ видишь, она требовала, чтобъ онъ сталъ передъ ней на колѣни и объяснился въ любви, а онъ не хочетъ.

— Чтожъ, пожалуй, — сказалъ Захарій Эразмовичъ, — я стану на колѣни, хоть сейчасъ! а потомъ что?

— Любенька! а Любенька! — крикнулъ Степанъ Ильичъ.

Любенька сидѣла на балконѣ и снова созерцала таинственнаго незнакомца-князя. Она какъ будто не слышала голоса отца.

Покуда онъ повторитъ свой зовъ, мы покороче познакомимся съ нимъ и съ Любенькой.

Степанъ Лукичъ до женидьбы былъ человѣкъ съ изряднымъ достояньицемъ; но только что женился, все это достояньице пошло на вонъ-тараты. Супруга его была парадная дама; она ни на что болѣе не годилась, кромѣ какъ на пріемы и на выѣзды. На балахъ, на вечерахъ, на парти-де-плезирахъ, она была бодра, здорова, счастлива; но въ промежуткахъ сна, пріемовъ и выѣздовъ, она была существо убитое всѣми горестями жизни, всѣми болѣзнями, которыя только могутъ суще-

ствовать въ женской душѣ и дамскомъ тѣлѣ. Тутъ ее на каждомъ шагу огорчалъ мужъ, то представленіями, что намъ нельзя гоняться за мильонщиками; то убѣжденіями не давать бала, потому что нѣтъ денегъ; то увѣреніями, что онъ готовъ сдѣлать для нее все, да не можетъ; то разными счетами; то платежемъ долга именно въ то время, когда есть случай купить *очень дешево* прекрасныя нитки жемчугу и фермуаръ, или когда ея душа жаждетъ обновленія всего туалета.

Бѣда была Степану Лукичу проиграть въ вистъ какую нибудь бѣленькую бумажку, или *раззориться* на какую нибудь причуду, на какую нибудь рѣдкость для своего кабинета. — У васъ нѣтъ денегъ на необходимости для жены, а на проигрышь и на всякую ненужную дрянь у васъ есть деньги! — Получивъ нагонку, Степанъ Лукичъ за свою расточительность платилъ штрафъ, въ десятеро. Нѣтъ де-

негъ, занималъ и платилъ; иначе огорченная до глубины сердца, Марья Ивановна заболѣла бы и весь годовой доходъ вышелъ бы на медицинскія пособія.

И можно ли было жалѣть что нибудь для Марьи Ивановны, когда она, за грѣхопаденіе прародительницы, въ болѣзняхъ родила двухъ чадъ: сына Васеньку и дщерь Любеньку, заботливо одѣвала въ парчу кормилицъ, заботливо нанимала за тысячи, *съ экипажемъ для выѣздовъ*, гувернеровъ и гувернантокъ, которые накрахмалили, выгладили и вылощили ея дѣтей, чтобъ они блистали въ свѣтѣ. Васенька *пошелъ по военной*, въ гусары; славная была голова для кивера, душа разгульная, направо налѣво; что есть, то по боку. Любенька пошла по романической части. Мадемуазель Клошэ, которая сдѣлала нѣсколько походовъ *съ великой арміей*, въ должности полковой маркитантши, открыла Любенькѣ наполеоновскую систему побѣдъ, объясни-

*

ла ей, что съ мужчинами надо обходиться какъ съ непріятелями, съ тою только разницею, что въ военномъ дѣлѣ должно сперва разбить, а потомъ плѣнить, а въ романическомъ, сперва плѣнить, а потомъ разбить. Любенька совершенно воспользовалась ея уроками; ни дать ни взять какъ маленькой капралъ, въ юбкѣ, она окружила себя плѣненными народами; покрайней мѣрѣ, двадесять языкъ исполняли ея капризы. Первая толпа была толпа искателей сердца; это стадо соловьевъ, которые любятъ всѣхъ розъ безъ исключія и воспѣваютъ ихъ своими и чужими пѣснями, вилось около Любеньки года два-три, когда цвѣтущая молодость замѣняетъ часто красоту, когда даже воображеніе дѣвушки еще невинно, и когда даже въ мечтахъ своихъ она скромна и стыдлива. Хотя при помощи мадемуазель Клошэ понятія Любеньки рано развились изъ дѣвическихъ въ женскія, въ 16 лѣтъ роза была блѣдна

какъ лилія; но этотъ цвѣтъ былъ въ модѣ, и соловьи восхищались имъ. Когда кончился періодъ искателей сердца, насталъ періодъ искателей руки и сердца. Любенька привыкла играть сердцемъ какъ въ мячикъ съ первыми; вторые не хотѣли играть съ ней въ мячикъ, не напѣвали про чувства свои, а только говорили; не ангажировали ее за надѣлю, и не плясали по цѣлымъ вечерамъ — народъ скучной! и Любенька считала дерзостью, что такіе ослы смѣютъ за ней волочиться. Первые отстали волею, вторые неволею. Ужасная пустота! Насталъ третій періодъ — искателей руки и приданаго. Ужасный періодъ! Представьте себѣ дѣвушку высокаго мнѣнія о своей красотѣ, о своихъ достоинствахъ и даже о прахѣ ногъ своихъ, и вдругъ какой нибудь сморчокъ осматриваетъ ее отъ косы до башмака, и думаетъ: — дѣвка дрянь; ну, да если Степанъ Лукичъ дастъ за ней душъ двѣсти, такъ

можно жениться. — Каково? а у Степана Лукича все заложено и перезаложено, и скоро съ молотка продадутъ; у Степана Лукича только и надеждъ: вотъ посватается за Любеньку женихъ — золотыя копи, а мы у него и займемъ, и долги заплатимъ, и богатое приданое Любенькѣ *сдѣлаемъ*.

Въ этотъ-то горестный періодъ жизни Степана Лукича, его знакомый, Иванъ Александровичъ Каширскій, возвращаясь изъ деревни въ Москву, встрѣтилъ Захарія Эразмовича на дорогѣ и привезъ съ собою. Иванъ Александровичъ человѣкъ добродушный, жена его — добрѣе нельзя быть, пріютили нашего героя съ его вѣрнымъ дядькой Пафнутьичемъ: живи себѣ, какъ дома. И живетъ Захарій Эразмовичъ какъ родной у нихъ, дѣлать ничего не дѣлаетъ; но все таки живой человѣкъ, и подъ часъ Ивану Александровичу и женѣ его весело послушать его разсказы; а посту-

покъ Степаниды Ивановны разобидѣлъ ихъ до глубины сердца; Иванъ Александровичъ собирался даже самъ съѣздить къ этой женщинѣ и усовѣстить ее; но сборы затянулись; а между тѣмъ Захаріемъ Эразмовичемъ овладѣла Любенька. За неимѣніемъ предмета любви, ей нуженъ былъ хоть предметъ забавы, и Захарій Эразмовичъ часто по цѣлымъ недѣлямъ гостилъ у Степана Лукича. Здѣсь потѣшались его добротой и простотой, и въ числѣ прочихъ забавъ, Любенька побилась объ закладъ съ кузинами своими, что сведетъ его съ ума отъ любви къ себѣ.

Какъ водится, она притворилась влюбленной, и такъ увлеклась своей ролью, такіе *дѣлала глазки* Захарію Эразмовичу, такъ заботливо стала искать случая быть съ нимъ наединѣ, такъ вздыхала, повиснувъ на его рукѣ и приклоня голову къ плечу его во время прогулки по саду, что Захарій Эразмовичъ замѣтилъ наконецъ

ея страданія и сказалъ съ чувствомъ сожалѣнія:

— Любовь Степановна, у васъ вѣрно головка болитъ?

— Ахъ, подите вы, какая головка!

— Право; посмотрите, какъ у васъ посоловѣли глазки; мнѣ васъ жаль.

— Вамъ жаль меня? стало быть вы меня любите?

— Конечно люблю.

— Добрый мой! поцѣлуйте меня.... ахъ какъ я ослабѣла, сядемте.... Баюкайте меня, пойте, баю баюшки баю, баю дитеньку мою; я засну у васъ на рукахъ.

Захарій Эразмовичъ исполнялъ велѣнія Любви Степановны, и это ей нравилось; онъ становился ей какъ будто необходимымъ. Однажды Степанъ Лукичъ увезъ Захарія Эразмовича въ городъ, для компаніи; Любенька въ ожиданіи возвращенія

его сидѣла на балконѣ одна одинехонька. Вдругъ видитъ, какой-то таинственный незнакомецъ прошелъ разъ мимо, прошелъ другой, взглянулъ на нее, прошелъ опять. Для кого же таинственному незнакомцу ходить тысячу разъ около дома, какъ не для нее. Любовь таинственная — любовь романическая, изящная. Вблизи, днемъ, ни въ кого такъ не влюбишься, какъ издали, въ сумерки, или, говоря романически, при слабомъ свѣтѣ вечерѣющаго дня. Мѣна взглядовъ идетъ удачно и съ балкона, и чрезъ рѣшетку сада; но несносный Захарій Эразмовичъ такъ и ходитъ хвостомъ! Не далѣе какъ за два дни съ Захарія Эразмовича взято слово, что онъ неизмѣнный хвостъ или кавальере-сервенте въ ея прогулкахъ по саду и по рощѣ, и долженъ носить за своей дамой платокъ, или шаль на случай вѣтра; вдругъ, на него же досада и неудовольствіе за постоянное слѣдованіе по стопамъ.

— Да за что вы сердитесь на меня, Любенька? — спросилъ онъ наконецъ.

— Ахъ, отстаньте, скучно!

— Право мнѣ жаль васъ; что бы сдѣлать, чтобъ вы не скучали?

— Становитесь на колѣни, объясняйтесь мнѣ въ любви!

По чистымъ, сказочнымъ понятіемъ Захарія Эразмовича, объясниться въ любви значило тоже, что просить руки; на это онъ никакъ не могъ бы рѣшиться безъ позволенія родителей; притомъ же онъ ни сколько не располагалъ жениться на Любви Степановнѣ: она такая тяжелая, оттянула ему всѣ руки во время прогулокъ; такая нѣжная, любитъ, чтобъ ее нянчили какъ ребенка.

— Ну! слышите? — вскричала Любовь Степановна, которой самолюбіе затронулось и тѣмъ, что Захарій Эразмовичъ задумался исполнить ея приказаніе.

— Постойте, — сказалъ онъ, — я подумаю.

— Подите же прочь отъ меня!

Захарій Эразмовичъ оставилъ Любеньку одну, думалъ-думалъ, и наконецъ рѣшился просить извиненія, что жениться на ней не можетъ.

Мы видѣли, что онъ не только помѣшалъ Любви Степановнѣ передать розу таинственному незнакомцу, но при немъ наговорилъ ей такихъ вещей, послѣ которыхъ — все пропало!

Въ отчаяніи сидѣла Любенька на балконѣ, увѣренная, что прекрасный незнакомецъ, также въ отчаяніи послѣ всего слышаннаго, *удалился уже въ пустыню отъ прекрасныхъ здѣшнихъ мѣстъ.*

Но вдругъ появляется онъ снова изъ-за рощи, опять приближается къ дому, а отецъ кричитъ: Любенька! — Любенька, какъ

будто не слышитъ; но Степанъ Лукичъ снова зоветъ.

— Что вамъ угодно?

— А вотъ видишь, Захарій Эразмовичъ сознался намъ, что вы взаимно другъ друга любите, и онъ намѣренъ....

— Ахъ, полноте, папинька! —вскричала съ сердцемъ Любенька, и хотѣла уйдти; но пріѣздъ Ивана Александровича Каширскаго съ женой остановилъ ее.

— А мы пріѣхали къ вамъ съ пріятной вѣстью, которая касается до общаго нашего благопріятеля, именно до Захарія Эразмовича, — сказалъ Иванъ Александровичъ.

— Съ какой? съ какой? — произнесли въ одинъ голосъ Степанъ Лукичъ и его супруга.

— А вотъ съ какой: вопервыхъ онъ мнѣ долженъ дать слово, что не будетъ

противиться моимъ распоряженіямъ. Даешь слово, Захарій Эразмовичъ?

— Слово? пожалуй.... ахъ, и Пафнутьичъ здѣсь! — сказалъ Захарій Эразмовичъ, увидѣвъ Пафнутьича, который высунулъ голову въ двери и нетерпѣливо прислушивался.

— Здѣсь, сударь; батюшко баринъ, ужь не извольте противиться благодѣтелю нашему....

— Постой, Пафнутьичъ, не мѣшай. Такъ говори же, Захарій Эразмовичъ, положишся во всемъ на меня?

— Да какъ же, сударь, Иванъ Александровичъ, не положиться на васъ барину моему....

— Да постой, братецъ, пусть онъ самъ скажетъ.

— Да какъ же мнѣ не полагаться на васъ, Иванъ Александровичъ,— сказалъ и Захарій Эразмовичъ.

— Ну, руку! Поздравляю съ возвращеніемъ имѣнія!

— Какъ? какимъ образомъ?—вскричали Степанъ Лукичъ и Марья Ивановна.

— Слава тебѣ Господи! —проговорилъ Пафнутьичъ, перекрестясь и цѣлуя руку у своего барина.

Иванъ Александровичъ, по сообщеннымъ свѣденіямъ Пафнутьичу, разсказалъ въ чемъ дѣло, и что Захарію Эразмовичу не слѣдуетъ уже ни возобновлять актовъ на имѣніе въ пользу своихъ племянниковъ, ни самому ходить снова по міру. Что Степанидѣ Ивановнѣ дать средства на умѣренную жизнь и на воспитаніе дѣтей —не болѣе, и во всякомъ случаѣ попросить ее переселиться изъ имѣнья Захарія Эризмовича, куда соблаговолитъ. Такъ ли?

— Такъ!—сказалъ Захарій Эразмовичъ.

— Ну, такъ медлить нечего; сегодня

ѣдемъ ко мнѣ, а завтра въ твое имѣнье, Захарій Эразмовичъ.

— Счастье, счастье! — сказалъ Степанъ Лукичъ, — поздравляемъ! Поцѣлуй меня, любезнѣйшій Захарій Эразмовичъ; да на дняхъ же пріѣду къ тебѣ въ гости, съ своей семьей. Задашь намъ пиръ?

— На весь міръ! — отвѣчалъ Захарій Эразмовичъ.

— Э, нѣтъ, то само по себѣ; а для друзей особенно. Мы иначе и не считали тебя какъ своимъ.

И вотъ, съ поздравленіями и разными желаніями, и Степанъ Лукичъ и Марья Ивановна, проводили гостя своего.

— Намъ печаль, а Любашѣ вдвое, — прибавилъ Степанъ Лукичъ, — жаль разставаться съ своимъ кавалеромъ—сервентомъ! а? правда? покраснѣла? Не забывай же, Захарій Эразмовичъ, свою даму, навѣщай ее.

— Любовь Степановна на меня сердита, — сказалъ Захарій Эразмовичъ, — и прощаться не хочетъ.

— Я на васъ сердита? вотъ забавно! Я съ вами шутила, — сказала Любовь Степановна.

— Ну, я надѣюсь, что не въ послѣдній разъ видимся: успѣете еще примириться, — сказалъ Степанъ Лукичъ.

Захарій Эразмовичъ уѣхалъ.

— А, какъ ты думаешь, Маша, Захарій Эразмовичъ помѣщикъ почти тысячи душъ! Захарій Эразмовичъ!

— Счастье дуракамъ! — сказала Марья Ивановна, — что онъ съ ними будетъ дѣлать?

— Э, душа моя, стоитъ только ему жениться; а жена будетъ знать что съ ними дѣлать: понемножку всѣ сойдутъ съ рукъ.

— Такъ у тебя всѣ женщины мотовки? — сказала Марья Ивановна съ улыбкой пренебреженія къ словамъ мужа.

Слово за слово, поссорились, посчитались; Степанъ Лукичъ попросилъ извиненья и разговоръ начался снова о худомъ состояніи дѣлъ, о необходимости пристроить повыгоднѣе Любеньку. А Любенька между тѣмъ сидѣла на балконѣ, ходила по саду; но тщетно: таинственный незнакомецъ не являлся. Любенька, проклиная Захарія Эразмовича, не спала ночь, протосковала день, ввечеру снова сторожитъ на балконѣ. Чуть кто покажется по дорожкѣ изъ-за рощи, она вздрогнетъ; но вотъ, наконецъ, *онъ*. Любенька сбѣжала въ садъ, заходила какъ часовой взадъ и впередъ подлѣ рѣшетки въ поле. Опять у нее роза въ рукахъ, и губки ощипываютъ листики.

Вотъ таинственный незнакомецъ подо-

шелъ, поклонился. Любенька кивнула головкой, улыбнулась и остановилась.

— Мое почтеніе-съ! — сказалъ Ѳедоръ Петровичъ, подойдя ближе къ рѣшеткѣ и снова кланяясь.

— Вы вѣрно за розой?... Вчера такъ испугалъ меня дурачокъ, который живетъ у насъ, что я совсѣмъ обезумѣла....

— Ахъ, покорнѣйше благодарю; какой пріятный запахъ!... Мнѣ показалось, что это былъ Захарій Эразмовичъ Потанинъ....

— А вы знаете его?

— Какъже-съ.

— О, да кто его не знаетъ! онъ такъ глупъ и забавенъ, что представить нельзя! Онъ у насъ былъ вмѣсто шута въ домѣ; но иногда несносенъ, и я рада, что онъ наконецъ уѣхалъ.

— Какъ уѣхалъ-съ? Позвольте узнать, куда?

— Къ себѣ въ имѣнье; вообразите себѣ, вѣдь онъ былъ богатый помѣщикъ; но имѣньемъ овладѣла сестра. Открылось, что сдѣланы были фальшивые документы, и теперь имѣнье возвращается ему назадъ.

Ѳедоръ Петровичъ краснѣлъ и блѣднѣлъ, слушая эти слова, и такъ растерялся, что выронилъ изъ рукъ розу, снялъ фуражку и сталъ раскланиваться.

— Вы ужь торопитесь? — сказала Любенька, съ испугомъ, думая, что кто нибудь идетъ.

— Извините-съ, жена меня ожидаетъ, мнѣ надо ѣхать....

И Ѳедоръ Петровичъ, отступивъ нѣсколько шаговъ, еще разъ снялъ фуражку, поклонился, и — сперва скорымъ шагомъ, потомъ бѣгомъ въ деревню.

Въ одно время двѣ раны: въ самолюбивую голову и въ разнѣжившееся сердце—

ужасно! Любенька не устояла на ногахъ, упала на траву, рветъ ее вокругъ себя съ корнемъ вонъ. Но какъ будто собравшись съ духомъ, она вскочила, обходитъ скорыми шагами цвѣтникъ, не по дорожкѣ, но по цвѣтамъ, топчетъ ихъ, идетъ прямо на рядъ горшковъ передъ крыльцомъ, расталкиваетъ, валитъ ихъ ногою; вбѣгаетъ на крыльцо, въ свою комнату, и — прямо въ постель; мечется, но наконецъ члены какъ будто охладѣли, и она лежитъ на пуховыхъ волнахъ какъ утопленница, блѣдна, волосы взбились, разсыпались, глаза уставились въ потолокъ.

Не прошло недѣли, Степанъ Лукичъ получилъ письмо отъ Ивана Александровича, который увѣдомилъ его обстоятельно объ водвореніи Захарія Эразмовича въ родительскомъ домѣ, и звалъ отъ его имени къ нему въ гости, на обѣденный столъ и балъ, со всѣмъ семействомъ.

— Ѣдемъ! — вскричалъ Степанъ Лукичъ;—смотри же, Любенька, прошу примириться съ своимъ кавалеромъ.

— Право, это ужасно, маминька, выйдти за такого дурака замужъ!

— Ни сколько онъ не дуракъ, а только не образованъ и слишкомъ добръ, изъ него все можно сдѣлать.

Сборы не долги, село Захарія Эразмовича не за горами. Ѣдутъ.

А между тѣмъ въ домѣ нашего героя сборы къ угощенію гостей; обо всемъ заботятся Иванъ Александровичъ, жена его и Пафнутьичъ. Самъ же Захарій Эразмовичъ ходитъ по дому владѣтельной особой, у которой есть кому обо всемъ хлопотать, и примѣриваетъ новомодное платье съ иголочки.

Дворня навеселѣ, мужички радехоньки; повару выдается провизія безъ мѣры, и

онъ готовитъ и супъ *потафэ* и пирожки *птипатэ* и *фрикандосъ* и *кисею батистомъ*.

Но вотъ съѣзжаются гости, и представьте себѣ, изъ первыхъ почетныхъ гостей Артамонъ Матвѣевичъ и Варенька, добрая, миленькая, простодушная Варенька. Пріѣзжаетъ наконецъ и Степанъ Лукичъ съ Марьей Ивиновной и съ Любенькой. Степанъ Лукичъ, какъ *свой* ласкается къ Захарію Эразмовичу, Любенька вызываетъ его на миръ. Садятся за столъ, *потафэ* чудно, *птипатэ* прекрасны, вино льется черезъ край, наконецъ шипитъ въ кубки, и Иванъ Александровичъ встаетъ съ заздравнымъ и провозглашаетъ тостъ.

— Господа, — говоритъ онъ,—сегодня въ шесть часовъ вечера свадьба. Я посаженый отецъ жениха, жена моя посаже-

ная мать невѣсты. Здоровье Захарія Эразмовича и Варвары Артамоновны!

Степанъ Лукичъ потеръ съ досады лицо, Марья Ивановна злобно усмѣхнулась, Любенькѣ сдѣлалось-было дурно, да надо было утаить свою дурноту; всѣ прочіе гости радостно воскликнули: ура!

Варенька приподнялась со стула какъ румяная заря.

— Привстаньте же, поблагодарите всѣхъ, сказалъ Пофнутьичъ на ухо Захарію Эразмовичу.

Въ шесть часовъ была свадьба, до самаго утра балъ. И—кончена исторія. Что еще сказать? Захарій Эразмовичъ такой мужъ, что чудо; такой помѣщикъ, что диво. Варенька такая жена, что чудо; такая добрая мать, что диво. Въ домѣ просто, весело, ладно, мирно, счастливо. Въ Захаріѣ Эразмовичѣ нельзя узнать уже теперь бывшаго Емельяна Герасимовича. По

лѣтамъ поздно развернулись въ немъ способности ума; но лучше поздно, чѣмъ никогда. Самъ Пафнутьичъ удивляется теперь его уму; и усердно молится, чтобъ Богъ продлилъ здравіе и благоденствіе его барина, барыни, баричей и барышенъ.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ЧЕТВЕРТОЙ ЧАСТИ.

